

Министерство науки и высшего образования РФ
Сибирский федеральный университет
Лесосибирский педагогический институт

М.В. Веккесер, Л.С. Шмутьская, О.Н. Зырянова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПОЛИСИНДЕТОНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Красноярск – Лесосибирск 2021

УДК 81'38
ББК 81.411.2-7
В 26

Рецензенты:

Т.А. Бахор, кандидат филологических наук, доцент
Н.Е. Булгакова, кандидат филологических наук

Веккесер, М.В.

В 26 Функционально-стилистическое использование полисиндетона в современном русском языке : монография / М.В. Веккесер, Л.С. Шмутьская, О.Н. Зырянова; отв. ред. М.В. Веккесер. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. – 160 с.

ISBN 978-57638-4545-7

Монография посвящена комплексному исследованию стилистической фигуры полисиндетона – ее структурных разновидностей и функционирования в современном русском литературном языке на материале художественных, публицистических, научно-популярных и собственно научных текстов.

Материалы могут быть использованы при составлении новых и переиздающихся терминологических словарей и справочников, учебных пособий по стилистике, риторике, культуре речи, а также могут быть востребованы при чтении основных и специальных курсов по речеведению в учебных заведениях различных уровней.

УДК 81'38
ББК 81.411.2-7

ISBN 978-57638-4545-7

© М.В. Веккесер, Л.С. Шмутьская, О.Н. Зырянова, 2021
© Сибирский федеральный университет, 2021
© Лесосибирский педагогический институт, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5-7
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ПОЛИСИНДЕТОНА	8
1.1. Понятия «выразительности» и «экспрессивности» в отечественной лингвистике	8-14
1.2. Сущность понятия «фигура речи» («стилистическая фигура») ..	14-19
1.3. Содержание и соотношение понятий «многосоюзие» и «полисиндетон»	19-23
1.4. Полисиндетон как стилистическая фигура	23-33
1.5. Полисиндетон и асиндетон в аспекте оппозиционных отношений.....	33-40
ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ПОЛИСИНДЕТОНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	41
2.1. Разновидности полисиндетона относительно типа синтаксической единицы	41
2.1.1. Монопредикативный полисиндетон.....	41-47
2.1.2. Полипредикативный полисиндетон	47-55
2.2. Разновидности полисиндетона относительно структуры синтаксической единицы.....	55
2.2.1. Контекстуально не обусловленный полисиндетон.....	56-57
2.2.2. Контекстуально обусловленный полисиндетон.....	57-62
2.3. Разновидности полисиндетона относительно его места в структуре текста.....	62
2.3.1. Микроструктурный полисиндетон	62
2.3.2. Макроструктурный (текстовой) полисиндетон	63-66
ГЛАВА III. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОЛИСИНДЕТОНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	67-68

3.1. Функционально-стилевая распределенность полисиндетона и его основные функции	68
3.1.1. Полисиндетон в художественной прозе, поэзии и драме	68-97
3.1.2. Полисиндетон в газетно-публицистическом стиле	98-103
3.1.3. Полисиндетон в собственно научном и научно-популярном стилях.....	103-106
3.2. Полисиндетон в аспекте стилистической конвергенции	106-124
3.3. Функциональный аспект пунктуационного оформления полисиндетона в художественно-прозаических текстах	124-134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135-138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	139-156
ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ РЕЧЕВЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	157-159

ВВЕДЕНИЕ

В сфере культуры речи немаловажное значение придается вопросам, касающимся использования выразительных средств языка. Это связано с необходимостью адекватного понимания высказывания, с овладением механизмами позитивного речевого воздействия, с преодолением коммуникативной неграмотности. Особый интерес приобретает изучение выразительных средств на всех уровнях языка, в том числе и стилистических фигур, в основе которых лежат синтаксические структуры. Поэтому не случайно вопросы экспрессивного синтаксиса всегда находятся в центре внимания лингвистической науки [Сковородников 1981, 1989, 1994; Пекарская 1992, 1993, 1994, 1995, 1999, 2000; Береговская 1998: 42-51, 2004; Копнина 2001; Кузнецова 2003; Щербаков 2004 и др.].

Многосоюзные (полисиндетические) конструкции в грамматическом отношении имеют достаточно обширный арсенал исследований, что нашло отражение и в справочной литературе [Литературный ... 1987: 255; Розенталь 1998: 36-40; Языкознание ... 1998: 302-303], и в учебных пособиях [Крючков, Максимов 1981: 238-243; Русская грамматика 1982: 634-656; Кручинина 1988; Формановская 1989; Валгина 1991: 356-361; Белошاپкова 1999: 621-631, 678-679, 860-868]. Но такие аспекты, как выразительность, экспрессивность, функционирование полисиндетона (далее – П) как стилистической фигуры в различных речевых стилях, не стали еще предметом комплексного исследования и носят фрагментарный характер. Нам известно лишь несколько статей, в которых П непосредственно рассматривается на материале русского языка в функционально-стилистическом аспекте: М.В. Рыжова «О некоторых особенностях полисиндетона в просторечии [1990: 52-53], Ф.И. Джаубаева «Роль частиц в образовании фигуры полисиндетона в поэтическом тексте (на основе поэзии А.С. Пушкина)» [2001: 27-29]; А.П. Сковородников «Полисиндетон как стилистическая фигура» [2002: 42-47]. Имеется диссертационная работа, которая посвящена исследованию П на примере поэзии А.С. Пушкина [Джаубаева 1999]. В сфере употребления терминов *полисиндетон* и *многосоюзие* существуют определенные проблемы. Как правило, в учебных пособиях и справочных изданиях либо они подаются в виде полных синонимов [Тимофеев, Венгров 1952: 70; Квятковский 2000: 188; Александров 2000: 487; Елисеев, Полякова 2002: 112], либо используется один из терминов без указания на существование другого [Розенталь 1998: 364; Педагогическое ... 1998: 114-115; Филиппов, Романова 2002: 84].

В отечественной лингвистике термины являются многозначными. Термин *полисиндетон* трактуется в широком понимании как тип связи [Ахманова 1966: 335]; в узком – как стилистическая фигура, основанная на повторе всех служебных слов – предлогов, союзов, частиц [Кузнец, Скребнев, 1960; Хазагеров, Ширина 1999, 261], на основе повтора не только союзов, но и «других связочных средств» [Филиппов, Романова: 2002, 84] или на повторе только союзов [Хазагеров, Ширина: 1999, 261, Панов 1998: 114 и др.]. Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина повтор предлогов называют

«многопредложием». Это говорит о том, что термин *полисиндетон* наполняется разным содержанием. Наименования для избыточного повтора частиц нет. Термин *многосоюзие* также многозначен. Так, И.Н. Кручинина в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяет многосоюзие, с одной стороны, как «принцип построения текста, при котором последующие повествовательные единицы (или их части) присоединяются к предыдущим одним и тем же союзом», с другой – как стилистический прием «в художественно организованном тексте» [Кручинина 1998: 302].

В учебной и справочной литературе, как правило, не указывается, повтор какого союза происходит в фигуре П [Тимофеев, Венгров 1952: 70; Розенталь, Теленкова 1985; Хазагеров, Ширина 1994: 156; Антология ... 1997: 44 и др.], хотя в дефинициях в качестве иллюстраций приводятся примеры с повтором только сочинительного соединительного союза *и*. В пособии И.Б. Голуб «Стилистика русского языка» в определении фигуры П имеется указание на повтор сочинительных союзов *и, ни* [Голуб 1997: 429]. М.И. Панов в словаре-справочнике «Педагогическое речеведение» определяет многосоюзие как фигуру следующим образом: «это преднамеренное, избыточное увеличение количества союзов» [1998: 114]. При этом автор приводит примеры многосоюзия, где имеют место многоместный союз *и*, разделительный союз *иль*, а также подчинительные союзы. Авторы «Справочника по правописанию, произношению, литературному редактированию» в разряд фигуры П относят повтор не только соединительного союза *и*, но и разделительного *то...то* [Розенталь и др. 1998: 341]. Это говорит об отсутствии полной ясности в самом определении данной фигуры.

В исследованной нами литературе нет указания на принципы и способы построения исследуемой фигуры. Отмечено, что союз ощущается как проявление грамматической избыточности. Нами обнаружены лишь отдельные указания, касающиеся частного способа организации этой фигуры. Так, авторы «Справочника по правописанию, произношению, литературному редактированию» рассматривают П как фигуру, включающую члены ряда, которые связаны повторяющимся союзом, причем указанная фигура строится на основе **перечисления** [Розенталь и др. 1998: 339-341].

В учебной и справочной литературе недостаточно последовательно показана уровневая реализация П. Одни его реализацию рассматривают относительно членов предложения [Квятковский 2000: 188], другие – относительно предложений в составе многочленного сложного предложения [Розенталь 1998: 364], третьи вообще обходят этот вопрос [Елисеев, Полякова 2002: 112; Филиппов, Романова 2002: 84; Десяева и др. 2003: 162]. При этом акцентируется внимание на стилистически значимом употреблении П только в художественном стиле (преимущественно в поэтических текстах).

Обозначенные выше проблемы обуславливают наше обращение к выявлению фигуративных признаков многосоюзной синтаксической конструкции, к рассмотрению структурных разновидностей исследуемой

фигуры, а также к анализу П как выразительного средства не только художественного стиля, но и других функциональных разновидностей языка.

Полисиндетические конструкции (без специального обращения к фигуральным признакам) описаны в структурном и функциональном плане на материале немецкой [Чайковский 1972] и английской [Гарузова 1977] прозы. Это дополнительное, хотя и косвенное свидетельство того, что изучение типологических особенностей этой фигуры в плане структуры и функционирования актуально для такого развитого литературного языка, как русский.

Таким образом, многоаспектное исследование П обусловлено недостаточной степенью изученности этой стилистической фигуры, возрастающим интересом к проблемам прагмалингвистики (что связано с насущной потребностью воспитания речевой культуры общества в эпоху массовой коммуникации, с позитивным воздействием на читателя/слушателя). К тому же при наличии определенных установленных функций этой фигуры нет специальных работ по исследованию П на материале современного русского литературного языка, причем некоторые функции многосоюзия недостаточно полно освещены, что свидетельствует о неизученности многих специфических черт данной стилистической фигуры, которая приводит к отсутствию единого понимания ее стилистической значимости и статуса. При этом использование П рассматривается на примере художественного стиля речи (преимущественно на материале поэтических текстов).

Материалом для анализа послужили фактические данные, полученные методом сплошной выборки. Исследовательский материал извлекался из текстов художественного (проза, поэзия, драматургия), газетно-публицистического, научно-популярного и собственно научного стилей.

П в основном взят из произведений (романы, повести, рассказы, пьесы, поэтические произведения) современных русских писателей, драматургов и поэтов: В. Астафьева, В. Распутина, А. Солженицына, В. Солоухина, Б. Окуджавы, А. Битова, Д. Гранина, Ф. Абрамова, Л. Леонова, С. Алешина, А. Володина, А. Вампилова, Б. Ахмадулиной, В. Тушновой и др.

Публицистический стиль представлен в большей степени газетными материалами жанров аналитической статьи, обзора, заметки, корреспонденции, репортажа, интервью, фельетона из центральных региональных газет.

Для исследования научно-популярного, собственно научного стилей использовались книги, журналы, брошюры из области лингвистики, медицины.

Результаты исследования могут быть востребованы при составлении новых и совершенствовании переиздающихся терминологических словарей и справочников, учебных пособий по стилистике, риторике, культуре речи, а также могут быть востребованы при чтении основных и специальных курсов по речеведению в учебных заведениях различных уровней.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ПОЛИСИНДЕТОНА

1.1. Понятия «выразительности», «экспрессивности» в отечественной лингвистике

Наше исследование представляет собой комплексную структурно-функциональную характеристику стилистической фигуры П как выразительного средства. Без рассмотрения таких базовых понятий, как «выразительность», «экспрессивность», «изобразительность», не представляется возможным их употребление в контексте нашей работы, поскольку они не имеют общепринятой трактовки в отечественной лингвистике.

Этими терминами пользуются и эстетика, и литературоведение, и лингвистика, вкладывая в них разное содержание, поэтому понимание их часто бывает затруднено.

Анализ содержания работ по стилистике позволяет утверждать, что в них термины *экспрессивность*, *изобразительность* и *выразительность* разными исследователями понимаются неодинаково. В «Стилистике русского языка» А.И. Ефимова находим недифференцированное употребление этих терминов: «Экспрессивность имен существительных», «Выразительные качества местоимений», «Изобразительность обращений» и т.п. [Ефимов 1969].

Д.Э. Розенталь в «Практической стилистике русского языка» понятия «изобразительность» и «выразительность» употребляет в составе сложного термина *изобразительно-выразительные средства* [Розенталь 1998].

Е.Н. Капацкая, напротив, «изобразительность» и «выразительность» рассматривает как несоотносимые понятия [Капацкая 1992: 12], а Е.Н. Винарская в отличие от нее указывает на единство выразительности и изобразительности [Винарская 1989: 16].

Обзор существующих определений выразительности позволяет констатировать, что выразительность речи употребляется как синоним экспрессивности речи [Ахманова 1966: 94]; как «такие особенности ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя» [Головин 1988: 182]; как свойство речи обращать на себя внимание и запоминаться [Хазагеров, Корнилова 2001: 126]; как «способность текста привлекать внимание своей речевой организацией» [Хазагеров, Ширина 1999: 215]; как «способность речи удерживать внимание адресата от начала до конца сообщения за счет речевой прагматики» [Пекарская 2000, ч. 1: 104].

Имеются и другие определения выразительности. Так, А.П. Сковородников, Г.А. Копнина в книге «Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» **выразительность** речи трактуют как совокупность коммуникативных качеств речи (таких как целесообразность, уместность, точность, логичность, ясность, экспрессивность), «которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к адекватному пониманию

передаваемой информации) восприятие речи адресатом» [Энциклопедический ... 2005: 90].

Т.В. Матвеева же выразительность определяет как «одно из коммуникативных качеств речи <...>, акцентированное на эстетическом качестве речевых произведений, а именно обеспечение контекстов и текстов, вызывающих интерес и внимание адресата за счет повышенного воздействия на него» [Матвеева 2003: 43-44].

Таким образом, в настоящее время выделились три понимания выразительности:

- 1) способность речи своей организацией привлекать и удерживать внимание адресата;
- 2) коммуникативное качество речи;
- 3) совокупность коммуникативных качеств речи, при этом они не только вызывают интерес и привлекают внимание, но прежде всего способствуют адекватному пониманию речи, что соответствует основному назначению речевого общения (как непосредственного, так и опосредованного).

Мы будем придерживаться определения выразительности, данного А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной.

При этом П, являющийся объектом нашего исследования, при любом понимании категории выразительности (узком и широком) попадает в состав так называемых выразительных («выразительно-изобразительных») средств языка (о понятии выразительных средств языка см. [Головин 1988: 184; Розенталь 1998: 335-370; Савова 1998: 30; Матвеева 2003: 44; Копнина, Сковородников 2005: 91]).

Понятие **изобразительности** речи иногда трактуется весьма широко. Так, В.Н. Москвин среди изобразительных средств выделяет «стилистические средства, которые воспроизводят, имитируют, описывают явления окружающей действительности». Он утверждает, что существует большое количество приемов и средств, участвующих в выражении изобразительно-описательной функции. Это позволяет отнести изобразительность к наиболее значимым коммуникативным качествам речи в стилистическом аспекте [Москвин 2000: 5]. При таком понимании состава изобразительных средств происходит отождествление изобразительности и выразительности. Однако следует иметь в виду, что всякое изобразительное средство является выразительным, но далеко не каждое средство выразительности является изобразительным, если изобразительность понимать в соответствии с взглядами А.П. Сковородникова, Г.А. Копниной и нек. др. (см. их понимание изобразительности ниже).

Исследователи выразительных средств обращаются к характеристике изобразительности в связи с рассмотрением **образности**, которая

представляет собой сложную и многозначную категорию стилистики. Это обусловлено тем, что интерпретация образности проводится на основе различных трактовок термина «образ» (см. указание на это: [Сковородников, Копнина 2005: 190-192]). Образность, которая имеет тропеический и нетропеический характер, может проявляться «как **изобразительность** речи, под которой понимается такая степень ее предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления» [Сковородников, Копнина: 2005, 190].

Мы будем изобразительность речи понимать в соответствии с точкой зрения А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной, поскольку они достаточно определенно обозначают суть данного понятия. Авторы, устанавливая соотношение выразительности и изобразительности, говорят о родо-видовых отношениях. (См. также о разграничении анализируемых понятий в работах: [Барлас 1984: 75-80; Капацкая 1987: 24-28; 1992, 5-14; Скребнев 1987: 19-27; Хазагеров 1987: 67-77, 1992: 47-56].)

Обращение к анализу любого стилистического средства, в частности П, «может быть плодотворным, очевидно, при однозначном понимании (хотя бы в пределах исследования) экспрессивного, средств и способов создания экспрессивности» [Формановская 1978: 134].

Мы не ставим своей задачей сделать полный и подробный обзор всех существующих точек зрения в отношении понятия **экспрессивности**, т.к. он представлен в работах Е.М. Галкиной-Федорук [1958: 103-125], Р.Р.Чайковского [1971: 188-197], Г.Н. Акимовой [1982; 1990], Н.А.Лукияновой [1991], И.В. Пекарской [2000, ч. 1: 81-104] и др. Однако считаем необходимым отразить основные положения, связанные с этой категорией, т.к. в ходе анализа функционирования П мы в той или иной степени к ней обращаемся.

Признанным является тот факт, что экспрессивность может создаваться средствами различных уровней языка [Комарова 1984: 31; Шейгал 1984: 60-61; Туранский 1992: 30; Пекарская 2000, ч. 1: 88 и др.].

Большой вклад в разработку теории экспрессивности внесли исследователи, которые признавали ее общеязыковой статус, но в своих работах уделяли внимание проявлению экспрессивности относительно того или иного уровня реализации. Так, Н.А. Лукиянова [1979: 12-46] исследовала лексическую экспрессивность; Р.Р. Чайковский [1971], А.П. Сковородников [1981], Ю.М. Скребнев [1956, 1992: 19-26] анализировали единицы синтаксиса с точки зрения проявления экспрессивности.

Понятие экспрессивности применительно к синтаксису активно обсуждалось в ряде работ 1970-80-х годов [Чайковский 1971; Костина 1980; Сковородников 1981; Александрова 1984; Хазагеров 1984, 1987; Пуленко 1988 и др.]; в работах 1990-х годов [Акимова 1990; Иванчикова 1992; Каржаева, Скребнев 1992: 19-27; Лукьянов 1994; Панченко 1997: 43-45; Гридина 1994; Пекарская 1995; Маковская 1997: 135-138; Береговская 1998:

42-51; Макаренко 2017: 37-38 и др.]. В настоящее время не ослабевает интерес к исследованию экспрессивности синтаксических конструкций [Кузнецова 2003; Щербаков 2004 и др.].

В лингвистической литературе аспекты категории экспрессивности определяются по-разному.

Экспрессивность характеризуют через эмоциональность [Балли 1961; Савостьянов 1978; Кайдаров, Шахова 1983; Тимофеев 1984: 3-5; Каржаева, Кулова 1992: 14-18; Баранов 1993]; не только через эмоциональность, но и через волевое и интеллектуальное содержание [Галкина-Федорук 1958]; трактуют через выразительность [Александрова 1984; Савцова 1998: 29-30]; через выразительность и изобразительность [Капацкая 1987, 1992; Хазагеров 1987, 1992; Ширина 1992; Хазагеров, Ширина 1994]; определяют через такие компоненты, как эмоциональность, оценочность [Лукьянова 1979: 12-46; Комарова 1984: 31-41; Гридин 1990: 591; Телия 1997: 637-638]; включают в это понятие не только эмоциональность и оценочность, но и интенсивность [Матвеева 2003: 404]; соотносят с оценочностью, образностью, усилением [Арнольд 1981: 110; Горбунов 1986; Иванов 1990; Туранский 1992].

Таким образом, в научной литературе существуют различные перечни компонентов экспрессивности. Неоднозначно понимается также сам механизм создания экспрессии.

И.В. Пекарская понимает экспрессивность как «объективно существующее свойство изобразительных языковых/речевых единиц (образных и необразных) всех уровней структуры языка от фонетического до текстового с разной степенью интенсивности увеличивать (усиливать) прагматический потенциал речи [ее воздействие на восприятие читателя/слушателя через определенную интеллектуальную и/или эмоциональную реакцию кодирующего сообщение (адресанта) и интеллектуальный и/или эмоциональный отклик декодирующего сообщение (адресата)], тем самым усиливая ее выразительность» [Пекарская 2000, ч. 1: 103].

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, учитывая необходимость системного соотнесения определения экспрессивности с определениями других терминов элокуции (выразительности, образности), определяют ее «как такую совокупность признаков языковой/речевой единицы, а также целого текста или его фрагмента, благодаря которым говорящий (пишущий) выражает свое субъективное отношение к содержанию или адресату речи» [Сковородников, Копнина 2005: 363]. К числу компонентов категории экспрессивности они относят эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность, причем замечают, что компоненты «представлены по-разному (количественно и качественно) в разных стилевых, жанровых и индивидуально-авторских контекстах» [там же: 363]. Так, для художественных текстов в большей мере характерна эмоциональность, образность, а для публицистических – ярко выраженная оценочность, а также

эмоциональность, хотя не отрицается и наличие других компонентов экспрессивности.

Именно такой трактовки категории экспрессивности мы и придерживаемся в данном исследовании.

Таким образом:

- 1) экспрессивность – это многоаспектная категория;
- 2) она имеет общелингвистический статус (присутствует на всех уровнях языковой системы);
- 3) в настоящее время, исходя из дихотомии язык/речь, экспрессивность понимается как категория, присущая языковым и речевым единицам;
- 4) она выражает отношение субъекта речи к предмету сообщения;
- 5) может создаваться на основе несоответствия стилистической маркированности и употребления той или иной единицы при соблюдении фактора уместности;
- 6) выявляется на фоне нейтрального употребления языковой/речевой единицы.

Наш интерес в большей мере обращен к выявлению факторов экспрессивности на синтаксическом уровне, поскольку П реализуется с помощью синтаксических средств. Безусловно, стилистические фигуры составляют огромный потенциал при формировании экспрессивности синтаксиса текста. Это в свое время блестяще показал В.В. Виноградов: «Сложные оттенки чувств, переливы эмоциональных красок в ходе сюжета, <...> тонкая и разнообразная игра экспрессии, придающая движение и жизнь повествовательному стилю, – все это выражается <...> средствами синтаксиса» [Виноградов 1941: 38].

Признавая существенную роль синтаксических форм в создании стилистического своеобразия художественного текста, в конституировании экспрессивности, мы считаем, что синтаксис всегда представляет собой лишь одну - важную, но все-таки одну часть в едином комплексе языковых средств, актуализацией которых создается специфика художественной речи. Одним из важных звеньев в этом комплексе средств выступает лексика, обеспечивающая само свойство художественной речи образно отражать объективную действительность. Однако, как показывает функционально-стилистический анализ П, структура фигуры, ее формальное выражение способны выполнять определенное назначение в речи. Для П таким назначением является во всех случаях способность **выделять** определенный фрагмент текста (чаще) или в целом текст всего произведения (малого жанра) и **усиливать** выражение смыслового компонента за счет избыточности союза, реализующаяся через его повтор. Обозначенная способность позволяет нам в качестве постоянных функций П назвать выделение и усиление.

В этом смысле оказываются значимыми следующие два положения, в свое время выдвинутые исследователями выразительного синтаксиса.

А.П. Сковородников указывал: «экспрессивность на синтаксическом уровне понимается как функция-способность синтаксической конструкции **усиливать** (выделено нами – М.В.) как прагматическую, так и собственно грамматическую информацию, заложенную в высказывании или в каком-либо его компоненте» [Сковородников А.П. 1981: 14].

Е.А. Иванчикова писала об использовании синтаксических средств в области выразительности: «Синтаксис используется как средство экспрессивного **выделения** (выделено нами – М.В.) каких-либо предметов, признаков, действий <...> или как своего рода техническое средство (как у художника - краски) для создания описательных "полотен" с большей или меньшей степенью детализации изображаемого <...>» [Иванчикова 1977: 209].

При анализе П как стилистической фигуры нами учитывается единство лексических и синтаксических средств, которые составляют выразительность, в том числе и экспрессивность, текста в целом. «Экспрессивный контекст, – по замечанию Н.А. Лукьяновой, – представляет собой двустороннюю речевую единицу: планом ее содержания является информация о некотором конкретном факте (событии, ситуации, действии и т.п.) и оценка его, а планом выражения – синтаксическая конструкция (модель) и ее лексическое наполнение» [Лукьянова 1986: 193]. Данное суждение подтверждает признание того, что лексику и синтаксис необходимо рассматривать в качестве важнейших составных частей в ходе стилистического анализа той или иной языковой/речевой единицы, при этом следует обращать внимание и на ее фонетическую и морфологическую организацию.

Избыточный повтор одного и того же союза выступает как средство-интенсификатор. Количественная сторона играет определенную роль в выражении нагнетательного значения: чем больше раз повторяется один и тот же союз, тем в большей степени проявляется интенсивность. В этом случае может идти усиление признака «от меньшего к большему». Это обуславливает конвергенцию П с градацией как стилистической фигурой (см. об этом подробно в п. 3.2 настоящей работы). Такая взаимообусловленность указанных фигур выражается в следующем примере: *Чужая, совсем чужая, неведомая никому из собравшихся **и** никому из живущих поблизости, **и** в дали, **и** в других городах, **и** в другом мире <...>* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

П определенным образом может участвовать в формировании контекстов с эмоциональным звучанием. Избыточный повтор союза способствует нагнетанию, напряженности при выражении эмоционального состояния автора или героя, например: ***И** не знаешь ты, что зарей в Кремле / Легче дышится – чем на всей земле! / **И** не знаешь ты, что зарей в Кремле / Я молюсь тебе до зари! / **И** проходишь ты над своей Невой / О ту пору, как над рекой-Москвой / Я стою с опущенной головой* (М. Цветаева. Стихи о Москве). П, таким образом, является формой, в которой может реализоваться усиление эмоционального компонента речи, а следовательно, и экспрессивности.

Мы полагаем, что фигура П опосредованно связана с выражением оценки, поскольку оценочный компонент в данном случае связан с выражением отношения субъекта речи к предмету сообщения, что проявляется в основном на уровне лексики. Но следует учитывать, что при создании текста автор, используя исследуемую нами фигуру, выделяет и усиливает определенный фрагмент текста. Это говорит об оценке автора того, о чем он пишет, т.к. структура П подчеркивает значимость для него передаваемой информации.

В справочной литературе находим определение образности, которое напрямую раскрывается через изобразительность: «Образность – в лингвистике: наличие изобразительности, конкретно-предметного представления, наглядности, «картинности» при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой (речевой) единицей. В основе О. лежит не понятие, а представление» [Матвеева 2003: 183].

Однако другие авторы указывают, что образность может существовать и без изобразительных средств [Сковородников, Копнина 2005: 190]. Такой трактовки образности мы придерживаемся в нашей работе, при этом будем иметь в виду, что ее «можно определить как такое эстетически значимое построение текста, которое посредством особого отбора и употребления языковых и речевых единиц порождает соответствующее авторскому заданию эстетическое переживание реципиента» [Стилистический энциклопедический словарь ... 2003: 256-257].

П может усиливать и выделять определенное образное представление о каком-либо предмете, например: *По лицу Дмитрия, когда он читал, бродило какое-то неопределенное выражение – и оттенки стыда, и оттенки досады, и оттенки мрачной упорной решимости* (В. Солоухин. Мать-мачеха). Здесь выражается внешний образ героя, связанный с моментом его эмоционального переживания.

Изложенное выше позволяет констатировать: П как стилистическая фигура непосредственно усиливает и выделяет определенные стилистические значения (см. об этом подробно в третьей главе настоящей работы), а также опосредованно (при поддержке лексического содержания анализируемой структуры) может участвовать в выражении интенсивности, эмоциональности, оценочности и образности. Но, так или иначе, он является средством создания экспрессивности текста, которая в свою очередь обуславливает его выразительность.

1.2. Сущность понятия «фигура речи» («стилистическая фигура»)¹

В языкознании нет общепринятого определения фигуры речи. Как указывает В.Н. Топоров, некоторая неопределенность обусловлена историей самого термина [Топоров 2000: 542]. Одна из проблем, связанных с употреблением термина *фигура речи*, заключается в том, что существуют

¹ В лингвистическом и литературоведении литературе термины «стилистическая фигура», «риторическая фигура», «фигура речи» часто употребляются как синонимы.

широкая и узкая его трактовки. В широком понимании фигуры определяются «как любые обороты речи, отступающие от некоторой (ближе неопределяемой) нормы разговорной "естественности"» [Литературный ... 1987: 466]. И.В.Пекарская, исходя из широкого понимания фигуры, говорит о рациональности использования таких терминов, как *тропеические фигуры* и *нетропеические фигуры*, предложенных Т.Г. Хазагеровым и Л.С. Шириной [Пекарская 2000, ч. 1: 127].

Определяя узкое понимание фигуры речи, можно обратиться к существенному в этом плане определению, которое изложено Ю.М.Скребневым в энциклопедии «Русский язык». Фигурами называются «синтагматически образуемые средства выразительности» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 368]. При этом в определении подчеркивается, что они «образуются путем особого стилистически значимого построения словосочетания, предложения или группы предложений в тексте» [там же: 368].

Ю.М. Скребнев представляет фигуру как достаточно устойчивое **синтаксическое образование**, которое **отличается от** синтаксических построений **обычной речи** и способствует усилению выразительности, образительности, эмоциональности высказывания (выделено нами – *М.В.*). При анализе сущности понятия фигуры важно также учитывать «стилистически значимые построения словосочетаний, предложений или группы предложений в тексте» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 590]. (См. подробнее о признаках фигур в работе: [Скребнев 1987]).

Нельзя считать случайностью тот факт, что в античных, европейских и русских риториках зафиксировано существование особых формул фигур, сконструированных по определенным признакам. «Стандартизированность обеспечивается воспроизводимостью фигур: в их основе лежат определенные схемы, которые в речи могут наполняться каждый раз новыми словами. Эти схемы закреплены многовековой культурной деятельностью человечества и обеспечивают «классичность», отточенность формы» [Культура русской речи 1998: 264]. Обзор понятий фигуры речи позволяет сделать следующие выводы: в основе фигуры лежат преднамеренное, коммуникативно и стилистически оправданное нарушение нормы; стилистическая маркированность, выявляющаяся на фоне нейтрального употребления; регулярность и стандартность воспроизведения; определенное варьирование функционального проявления в зависимости от стиля употребления и ее лексического наполнения.

Исходя из дихотомии язык/речь, одни исследователи фигур квалифицируют их как языковое явление [Акимова 1982: 73-74; Шейгал 1984: 60-65; Львова 1996: 397], другие лингвисты относят фигуры к речевой сфере [Новиков 1991: 59-60; Чудинов 1998: 88].

И.В. Пекарская выделяет языковые фигуры, под которыми понимает определенные схемы, воспроизводимые в языке, и речевые фигуры-оказионализмы, лишенные схем, а также определяет текстовые фигуры,

которые выполняют свое предназначение на уровне текста и являются композиционным приемом [Пекарская И.В. 2000, ч. 1: 133, 244].

Следует сказать о соотношении терминов «стилистическая фигура» (фигура речи) и «экспрессивная синтаксическая конструкция».

В монографии «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» дается термин «экспрессивная синтаксическая конструкция», который трактуется следующим образом: «Экспрессивные конструкции представляют собой **типизированные преобразования стилистически нейтральных структур** (выделено нами – *М.В.*), т.е. структур, входящих в синтаксическую систему литературного языка и имеющих закрепленное, обязательное для каждой из них грамматическое значение. Экспрессивные конструкции имеют то же самое грамматическое значение, что и их нейтральные эквиваленты, но отличаются от последних соответственно определенной экспрессивной направленностью» [Морфология ... 2018: 238]. Такая трактовка дает нам основание употреблять термин *стилистическая фигура полисиндетона* для наименования только избыточного повтора союза, а термин *экспрессивная синтаксическая конструкция* – для обозначения многосоюзия, в котором союз грамматически обязателен, поскольку исследуемая фигура обнаруживает свои релевантные признаки (избыточность союза) в сопоставлении с нейтральным грамматическим вариантом. Под нейтральным вариантом нами понимается структура с моносоюзием, ср: *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал* <...> (А. Пушкин) и *Пращ, стрела и лукавый кинжал*. Прием трансформации позволяет выявить преднамеренную избыточность в употреблении союза (*Пращ, стрела, лукавый кинжал*), а также соотнести этот случай с моносоюзием (нейтральным вариантом). На такую необходимость при дифференциации этих терминов указывает А.П. Сковородников: следует различать фигуру полисиндетона и экспрессивные многосоюзные конструкции. В этом отношении автор отмечает: «Фигура многосоюзия (полисиндетон) имеет место тогда, когда повторяющиеся союзы (все или частично) с грамматической точки зрения факультативны (иначе говоря, они могли бы быть пропущены без нарушения грамматической правильности высказывания)» [Сковородников 2002: 43] и далее: «многосоюзие синтаксической конструкции может быть обусловлено грамматически и носить обязательный, а не факультативный характер» [там же: 43]. При таком понимании можно установить следующее соотношение: всякая стилистическая фигура полисиндетона является экспрессивной синтаксической конструкцией, но не всякая экспрессивная синтаксическая конструкция с многосоюзием является стилистической фигурой.

Иногда фигуры квалифицируют как «приемы выразительности, которые реализуются в тексте, равном предложению или больше, чем предложение» [Зарецкая 2001: 422]. Возникает, таким образом, необходимость рассмотреть соотношение понятий «прием» и «фигура».

В филологии относительно термина *стилистический прием* также нет общепринятой трактовки.

В литературоведении приемом называются конструктивные принципы организации литературного высказывания, реализующиеся за счет композиции, сюжета, стиля изложения, звукового и ритмического оформления, служащие для подчеркивания, конкретизации того или иного фрагмента текста или произведения в целом [Песков 1987: 304; Елисеев, Полякова 2002: 151].

В лингвистике иное понимание приема. Например, в «Культуре русской речи» использование тропов и фигур определяется как «один из важнейших стилистических приемов» [1998: 264].

Некоторые исследователи прием дефинируют через понятие способа: прием – это «способ организации высказывания (текста), усиливающий его выразительность» [Матвеева 2003: 341]. (См. также: [Никитина, Васильева 1996: 131].)

Прием может отождествляться с понятием стилистического средства [Тимофеев, Тураев 1974: 294]; изобразительного и выразительного средства [Введенская, Павлова 1995: 139, 149]; экспрессивной синтаксической конструкции [Акимова 1982: 74]; риторической фигуры [Рождественский 1997: 255-258].

Таким образом, неоднозначность трактовки заключается в том, что прием соотносят либо со способом, либо со средством. Способ подразумевает определенную процессуальность, а средство – орудийность.

В современной теории элокуции встречается терминологическое сочетание *риторический прием* [Хазагеров, Ширина 1999; Сковородников, Копнина 2005: 271-275 и др.].

Исследователи фигур указывают на необходимость рассмотрения терминов элокуции в системе [Сковородников А.П., Копнина Г.А. 2005: 275; Пекарская И.В. 2000, ч. 1: 128 и др.].

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина находят целесообразным считать понятие **риторического приема** наиболее общим по отношению к терминопонятиям «стилистический прием», «стилистическая фигура», «троп». Это обусловлено системным подходом к определению понятий и терминов элокуции [Сковородников, Копнина 2002: 75-80; 2003: 687-688; 2005: 271]. Авторы при определении риторического приема используют идею преднамеренного и мотивированного отклонения от нормы в широком ее понимании. Они выделяют следующие разновидности нормы: собственно языковые, речевые (текстовые), лингвоэтологические (речеповеденческие), логические и онтологические [2005: 271].

По определению этих исследователей, нормы собственно языковые отражают систему и структуру языка, а также модели его единиц. Здесь срабатывает мотивированное отклонение от языковых норм или их нейтральных вариантов.

Нарушение речевой, или текстовой, нормы обнаруживает себя, если в основе построения письменных или устных текстов определенной стилевой и/или жанровой принадлежности лежит несоответствие по среднестатистическим языковым характеристикам. Авторы указывают, что

понятие речевой нормы коррелирует с понятием стилистической нормы. Здесь даются примеры аккумуляции, анадиплозиса и др. фигур.

К нормам лингвоэтологическим относят постулаты речевого поведения, правила речевого этикета. Мотивированное нарушение этой нормы квалифицируют в качестве паралингвоэтологического риторического приема.

Под логическими нормами понимают «законы и правила формальной логики, соблюдаемые при построении высказывания (текста)» [там же: 273]. Уместное отклонение от этих норм лежит в основе таких паралогических риторических приемов, как зевгма, оксюморон, плока и др. фигур.

Онтологические нормы авторами характеризуются «как присущие человечеству в целом или какому-либо социуму и получающие отражение в языке/речи представления о бытии (социальном, культурном, историческом и т.д.), его строении, законах и формах; «картина мира», отраженная в языке» [там же: 273]. Намеренное нарушение этой нормы обнаруживается в параонтологических риторических приемах (гипаллага, гипербола, олицетворение и др.).

А.П. Сковородников и Г.А. Копнина риторический прием определяют «как способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (контекстом и/или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле» [там же: 274].

Таким образом, в понимании этих авторов, риторический прием представлен определенными разновидностями, в том числе стилистическим приемом. Последний является родовым понятием по отношению к стилистической фигуре и тропу. Исследователи подразделяют стилистические приемы на тропеические и нетропеические. Среди тропеических рассматривают лексические и грамматические тропы; среди нетропеических – стилистические фигуры и нефигуральные стилистические приемы. К нефигуральным относят амплификацию, аллитерацию и др. (см. подробнее: [Копнина, Сковородников 2005: 322-325]).

Важно отметить, что со времен античности в целом ряде стилистических теорий проводилась идея необходимости отдельного изучения тропов и фигур, помещаемых, однако, в общем разделе орнаментальной части риторики [Языкознание ... 1998: 520]. В связи с этим представляется важным определить соотношение понятий «троп» и «фигура».

Тропом традиционно называется «перенос наименования (иногда называемый переносом значения), заключающийся в том, что слово, словосочетание, предложение, обычно называющее один предмет (явление, процесс, свойство), используются в данной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления и т.д.), связанного с первым той или иной формой содержательного (смыслового) отношения» [Русский язык ... 1997: 590]. В отличие от тропов фигуры не возникают в результате переноса. Фигуры образуются иным путем с помощью особых способов соединения слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста, хотя

тропы так же, как и фигуры, являются средствами для создания и усиления изобразительности и выразительности текста [Языкознание ... 1998: 520].

Таким образом, фигуры строятся по принципу прямых непереносных словесных значений, создающих, однако, особый речевой оборот, отступающий от его нейтральной формы, а тропы – по принципу образной иносказательности, избегания прямого названия.

А.П. Сковородников и Г.А. Копнина, исходя из системного подхода к исследованию выразительных средств языка/речи и их терминологическому обозначению, рассматривают понятия стилистической фигуры и тропа как гипонимы (разновидности) по отношению к родовому понятию (гиперониму) «стилистический прием» [Сковородников, Копнина 2005: 317]. Эти авторы в качестве дифференцирующего признака, отличающего фигуру от тропа, называют наличие у первой синтагматической схемы, которая может реализоваться в пределах предложения или текста, т.е. фигура имеет относительно формализованный характер. При этом нужно иметь в виду, что те или иные стилистические фигуры обладают различной степенью моделируемости [там же: 317].

Таким образом, в настоящий период в исследованиях по разработке теории элокуции получает распространение системный подход, который позволяет выстроить определенную терминосистему не только в пределах отдельной работы, но и в целом в научной отрасли, изучающей выразительные средства современного русского языка. Это снимает неоднозначную трактовку терминов, заставляет внимательно и вдумчиво относиться к их употреблению.

Термины *риторический прием*, *стилистический прием*, *стилистическая фигура* мы употребляем в соответствии с трактовкой А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной.

В оценке П как стилистической фигуры мы будем исходить из нескольких критериев:

- 1) П находит свое выражение на синтаксическом уровне языка;
- 2) он представляет собой отступление от нейтрального варианта языковой грамматической нормы;
- 3) в нем либо наблюдается избыточность в употреблении союза, которая выявляется на основе сопоставления с нейтральным стилистическим вариантом, либо на основе трансформации многосоюзной конструкции в бессоюзную. Учет этих критериев позволяет нам из числа многосоюзных конструкций выделить фигуративные структуры с повтором одного и того же союза.

1.3. Содержание и соотношение понятий «многосоюзие» и «полисиндетон»

В лингвистике имеются работы, посвященные анализу лингвистической природы и стилистической значимости асиндетической и полисиндетической связи на материале немецкой [Чайковский 1972] и английской [Гарузова 1977] художественной прозы. В них рассматриваются

многосоюзи́е и бессоюзи́е, которые реализуются в контексте сочинительной связи, причем понятие экспрессивного многосоюзи́а традиционно включает в себя повтор сочинительного союза, ощущаемого как избыточный повтор.

Как правило, в учебных пособиях и справочных изданиях термины *полисиндетон* и *многосоюзи́е* подаются либо в виде полных синонимов [Тимофеев, Венгров 1952: 70; Квятковский 2000: 188; Александрова 2002: 575; Елисеев, Полякова 2002: 112], либо используется один из них без указания на существование другого [Розенталь 1998: 364; Педагогическое ... 1998: 114-115; Филиппов, Романова 2002: 84].

О.С. Ахманова «полисиндетон» и «многосоюзи́е» рассматривает как синонимы-дублиеты (при этом давая еще ряд синонимов: многосоюзное словосочетание, синдезис, полисиндетическая связь) следующим образом: «Сочленение ряда сочиненных членов посредством соединительных служебных слов (союзов)» [1966: 236, 335]. В этом случае данные термины называют определенный тип связи.

В отечественной лингвистике есть работы, в которых эти термины являются многозначными. Так, П определяется широко – как стилистическая фигура, основанная на избыточном повторе служебных частей речи (союз, предлог, частица); узко – как стилистическая фигура, в основе которой лежит избыточный повтор только союзов [Кузнец, Скребнев 1960; Хазагеров, Ширина 1999: 261] или союзов и «других связочных средств» [Филиппов, Романова 2002: 84]. Действительно, наблюдения над текстами различной стилевой принадлежности показывают, что в настоящее время широкое распространение находит повтор таких служебных слов, как союз, предлог и частица. В словарях-справочниках и учебных пособиях по речеведческим дисциплинам в основном уделяется внимание многократному повтору союза, при этом он рассматривается как стилистическая фигура, именуемая П, или многосоюзи́ем (см., например: [Квятковский 2000: 188; Александрова 2002: 575] и др.).

Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина повтор предлогов называют *многопредложением*, причем в кавычках. Это говорит о том, что термин не является общепризнанным; не указывается термин для наименования избыточного повтора частиц. Эти ученые в узком понимании П используют термин *многосоюзи́е* [Хазагеров, Ширина 1999: 261]. При таком понимании термины *полисиндетон* и *многосоюзи́е* находятся в родо-видовых отношениях.

Многозначность термина *полисиндетон*, по-видимому, можно объяснить тем, что в античных и поздних риториках не было терминов для наименования таких стилистических средств, как повтор частиц и предлогов.

Думается, что не совсем оправдано в рамках понятия фигуры П рассматривать многократный повтор предлогов и частиц. Служебные части речи в грамматическом плане выражают отношения, но их релятивность реализуется в составе различных языковых единиц: предлогов – в словосочетании, в конструкциях простого предложения; союзов – в простом

и сложном предложениях, в тексте; частицы тяготеют к усилению смыслового компонента слова, словосочетания или предложения в целом.

В статье Ф.И. Джаубаевой «Роль частиц в образовании фигуры полисиндетона в поэтическом тексте» рассматривается «несоюзный полисиндетон». По определению автора этой статьи, несоюзный П – «это такой тип полисиндетона, при котором в его структуру вовлекаются предлоги и частицы, выполняя доминирующую роль в структуре данной фигуры» [Джаубаева 2001: 28]. Здесь также находим широкую трактовку понятия «полисиндетон».

Представляется, что, во-первых, термин «несоюзный полисиндетон» несколько парадоксален, так как в переводе с греческого polysyndeton означает «многосоюзию». Во-вторых, в указанной статье приводится один пример «несоюзного полисиндетона» – повтор частиц, который, по словам автора статьи, «вовлекается» в структуру П, - на самом деле не иллюстрирующий, не дающий представление о структуре собственно П: «*Я не герой, по лаврам не тоскую; / Спокойствием и негой не торгую, / Не чудится мне ночью грозный бой; / Я не богач – и лаем пес привратный; / я не злодей, с волнением и тоской / Не зрю во сне кровавых привидений, / Убийственных детей предрассуждений, / И в поздний час ужасный бледный страх / Не хмурится угрюмо в головах*» (А.С. Пушкин. Сон) – пример из указанной статьи. Здесь встречаются союзы **и**, но они не образуют структуру фигуры П, так как функционируют в составе разных языковых единиц, к тому же в этом фрагменте текста частицы обязательны, а не факультативны. Это положение снимает вопрос об избыточности частицы (во всех позициях указанная частица не может быть изъята из текста). В этом примере повтор частиц структурно близок не фигуре П, а многосоюзной экспрессивной конструкции (где союз грамматически обязателен) только в следующем случае: «*Я не герой<...> / Я не богач <...> / Я не злодей <...>*», хотя частица **не** автором выделяется графически во всех случаях. Союз же в структуре фигуры П при избыточном его употреблении может опускаться. Таким образом, обнаруживается «размытость» в понимании названных стилистических фигур.

В нашей работе фигуры, в основе которых лежит избыточный повтор союзов, частиц, предлогов, т.е. служебных частей речи, определяются как **полирелятивные фигуры**. Избыточный повтор частиц именуем термином **полипартикулярные фигуры** (от лат. particula – «частица»); повтор предлогов – **полипрепозитивные фигуры** (от лат. praeposition – «предлог»). Эти фигуры объединяются нами в одну группу на основе:

- 1) общего принципа их организации – избыточности;
- 2) частных принципов реализации – повтора и перечисления;
- 3) функциональной близости.

Повтор предлогов и частиц может реализовываться в рамках асиндетона (1) и П (2):

1) *Я его, как песок золотой, намывала, собирала любовно, неумоимо, **по** крупице, **по** капле, **по** искре, **по** блестке* (В. Тушнова. Сто часов счастья...); *Ах, **в** раззор, **в** раздор, **в** разводство / Широки – воротцы!* (М. Цветаева. А сугробы подаются...); ***Сколько** воздуха, **сколько** разных лиц, **сколько** звуков, **сколько** огней* (В. Солоухин. Мать-мачеха).

2) *Слава, господу в небе – Богу сил, богу царств - За гранит, и за щебень, И за шпат, и за кварц* (М. Цветаева. Ода пешему ходу); *Вы так поразительно танцевали. И так похоже! И так смешно! И так азартно* (А. Володин. Старшая сестра).

В этих случаях происходит наложение полирелятивных стилистических фигур. Возможность наложения обусловлена одним из таких частных принципов организации анализируемых фигур, как перечисление. В этом случае обнаруживается наложение гомогенного типа (см. подробнее о гомогенной и гетерогенной контаминации и конвергенции: [Пекарская 2000], [Копнина 2001]).

Функциональная близость полирелятивных фигур заключается в выражении общей усилительно-выделительной функции, которая может иметь различные коннотации. Полипреозит наряду с усилением и выделением может передавать различные тональности речи, например, интенсивность, полетность: *Нас родина не позовет! Езжай, мой сын, домой – вперед – В свой край, в свой век, в свой час* (М. Цветаева. Стихи к сыну); *В огонь ее, в огонь! За все! За дождь! За после, за тогда, за чернокнижье двух зрачков чернейших, за звуки с губ, как косточки черешен, летящих безо всякого труда!* (Б. Ахмадулина. Сказка о дожде).

Предлог гораздо чаще употребляется в более протяженном ряду однородных членов, причем при бессоюзном соединении; в большей степени повтору подвержены непроеизводные предлоги.

Полипартикуляр является принадлежностью текста, который характеризуется эмоциональной насыщенностью, т.е. эта фигура служит средством усиления и выражения эмоций: *Так отчего же всевышний не заказал мою душу? Что же за лукавство мною овладело, что же за сомнения терзают, что же за страх?!* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом).

П как стилистическое средство преимущественно используется для гармонизации текста: является средством связи и может передавать различные коннотации, например, придавать речи размеренный, плавный тон звучания при выражении характерологической функции, например: *Все было здесь – и Красота, воплощенная в женской фигуре, и Любовь, выраженная в детях, и Бескрайность реального мира, и Небытие* (Б. Роцин. Чай с антоновкой). (См. подробнее о стилистическом использовании П в главе 3 настоящей работы.)

Полирелятивные фигуры заслуживают дальнейшего изучения с точки зрения структуры и функционирования.

В отечественной традиции наряду с термином «полисиндетон» для наименования повтора союзов используется термин «многосоюзие» [Голуб 1997: 429 и др.]. Однако термин «многосоюзие» тоже трактуется неоднозначно.

Так, И.Н. Кручинина в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» многосоюзие определяет двояко - широко и более узко: как «принцип построения текста, при котором последующие повествовательные единицы (или их части) присоединяются к предыдущим одним и тем же союзом» [2000: 302] и как стилистический прием «в художественно организованном тексте» [там же: 302]. Заметим, что многосоюзие стилистически значимо не только в художественных текстах (см. об этом подробнее в главе 3 данной работы).

Таким образом, термины *полисиндетон* и *многосоюзиe* нельзя считать дублетными.

Закономерно встает вопрос – все ли повторы союза можно определить как стилистическую фигуру? В этом отношении плодотворным считаем подход А.П. Сковородникова, который отмечает: «Фигуру полисиндетона не следует смешивать с экспрессивными многосоюзными конструкциями; которые фигурами в строгом смысле слова не являются. Фигура многосоюзия (полисиндетон) имеет место тогда, когда повторяющиеся союзы (все или частично) с грамматической точки зрения факультативны (иначе говоря, они могли бы быть пропущены без нарушения грамматической правильности высказывания» [2002: 43] и далее: «Многосоюзиe синтаксической конструкции может быть обусловлено грамматически и носить обязательный, а не факультативный характер» [2002: 43]. Примеры многосоюзия, где союз не может быть изъят без изменения смысла: «... *то* за соседним кустом начнет кричать коростель, *то* с пушечным гулом ударит пудовая рыба, *то* оглушительно выстрелит в костре ивовый прут и разбрызжет искры, *то* над зарослями начнет разгораться багровое зарево и мрачная луна взойдет над просторами вечерней земли» (К. Паустовский. Мещерская сторона. Луга). Ср.: «За соседним кустом начнет кричать коростель, с пушечным гулом ударит пудовая рыба, оглушительно выстрелит в костре ивовый прут и разбрызжет искры, над зарослями начнет разгораться багровое зарево, мрачная луна взойдет над просторами вечерней земли»; 2) «Кто мне откликнулся в чаще лесной? Старый дуб зашептался с сосной, *или* в дали заскрипела рябина, *или* запела щегла окарина, *или* малиновка, маленький друг, мне на рассвете ответила вдруг?» (Н. Заболоцкий. Кто мне откликнулся в чаще лесной?). Ср.: «Старый дуб зашептался с сосной, в дали заскрипела рябина, запела щегла окарина, малиновка, маленький друг, мне на рассвете ответила вдруг». Сравнение показывает, что возможно изъятие союза, но это приводит к изменению синтаксических отношений, маркером которых выступает союз. Подобные факты являются доказательством того, что союзное перечисление отлично от бессоюзно оформленного перечисления.

Таким образом, мы выделяем многосоюзиe как стилистическую фигуру (полисиндетон), входящую в группу полирелятивных фигур, и экспрессивное многосоюзиe нефигурального типа, согласно определению, данному А.П. Сковородниковым [2002: 43]. Термин *полисиндетон* используем для наименования стилистической фигуры, в основе которой лежит только повтор союза. (См. о соотношении понятий «стилистическая фигура» и «экспрессивная синтаксическая конструкция» в п. 1.2 первой главы настоящей работы.)

1.4. Полисиндетон как стилистическая фигура

В одних определениях П находим указание на то, что он представляет собой стилистическую фигуру, которая в своей основе имеет «такое построение речи, при котором **увеличено число союзов** (здесь и далее в этом абзаце выделено нами – М.В.) между словами» [Аксенова 1974: 222; Елисеева, Полякова 2002: 112] (см. такое же понимание, но с указанием на **преднамеренное увеличение количества союзов** обычно между

однородными членами предложения: [Розенталь, Теленкова 1985: 130]); в других трактовках указывается в основе построения П «стремление к **многократному** использованию союзов» [Александров 2000: 487]; в третьих П определяется через **нагнетание** в употреблении союзов [Мурашов 2002: 347]; в четвертых трактуется, что фигура П выражается «в **скоплении** одного союза» [Филиппов, Романова 2002: 84] (в последнем случае, вероятно, требуется некоторое уточнение: скопление **одного и того же союза**). Находим дефиниции П, в которых вообще нет информации об устройстве данной фигуры, а сообщается лишь о ее определенном функциональном назначении [Мамонов, Розенталь 1957: 176; Пустовалов, Сенкевич 1985: 135].

Ряд представленных выше определений П не содержит указания на такой конструктивный признак этой фигуры, как **повтор** (здесь и далее в этом абзаце выделено нами – *М.В.*). В них делается акцент на увеличении, многократности, нагнетании и скоплении. Однако данные признаки имеют место в П благодаря повтору одного и того же союза. Таким образом, не все определения П дают сведения о **частном принципе** реализации – повторе и **общем принципе** его построения – избыточности союза (см. указание на избыточность: [Гаспаров 1987: 225]).

Отметим, что П рассматривают как непосредственную разновидность повтора. Так, И.В. Арнольд, подчеркивая, что союзы являются одним из грамматических средств связи, определяет многосоюзие как «повторение союзов» и включает в главу «Виды и функции повторов», сближая с такими явлениями, как аллитерация, хиазм, семантический повтор [Арнольд 1973]. Т.И. Сильман считает возможным признать то, что «союзы входят в общее понятие повтора (правда, повтора своеобразного, внутри которого происходит поворот, перелом мысли) – поворот мысли от сказанного в сторону добавления, наращивания, нагнетания» [Сильман 1963: 39]. Выбор средств связи, способов связи диктуется стилистическими соображениями [Солганик 1973: 10], а повторение одного и того же типа и средства связи, несомненно, несет стилистическую нагрузку.

Более того, внутри фигурального многосоюзного ряда может иметь место еще один вид повтора – синтаксический параллелизм, который А.А. Кузнецова в отношении П квалифицирует как факультативное явление, при этом он является рецессивным (вспомогательным, дополнительным принципом, усиливающим стилистический эффект доминантного принципа) [2003: 14, 16].

Имеются характеристики П на основе повтора союза, но в них говорится не об избыточности, а о **преднамеренности** (выделено нами – *М.В.*) (см., например: [Дроняева и др. 2001: 164]). Понятие преднамеренности важно в определении П, поскольку повтор противостоит такому закону речевого употребления, как «экономия» (см. об экономии языковых средств: [Инфатова 1973: 59-62]). Далеко не все ученые считают закон экономии универсальным: «<... > ни развитие, ни функционирование языка не определяется принципом "экономии", так как любой живой естественный

язык пользуется все новыми и новыми средствами выражения, новыми приемами коммуникации» [Будагов 1967: 170-171]. «Если же автор все же идет на такой прием, следовательно, он убежден, что приносит нечто значительное в текст» [Формановская 1978: 197]. Как известно, повторение бывает неоправданным, приводящим к неудачам и речевым ошибкам (явления плеоназма, тавтологии). Но уместный и особенно умело организованный повтор, выстроенный с целью особого подчеркивания, актуализации тех или иных элементов, становится оправданным художественным приемом [Сковородников 1981: 72-86, 107-139].

Некоторые авторы учебных пособий П (многосоюзиe) относят в группу фигур, «образуемые соединением **и** (выделено нами – *М.В.*) перестановкой» [Десяева и др. 2003: 161] (заметим, что здесь более уместен союз *или* нежели *и*, т.к. П некоторым образом соотносится с понятием «соединение», но не с понятием «перестановка»). Далее в этом пособии отмечается, что «фигуры этой группы характеризуются особым расположением и соединением слов во фразе», однако авторы при непосредственной характеристике П не указывают, в чем заключается особенность расположения слов [там же: 162]. В этом случае также нет определенности в отношении устройства П.

А.П. Квятковский, определяя П, пишет, что он представляет собой «такое построение фразы, при котором все или почти все однородные члены предложения связаны между собой одним и тем же союзом (чаще союзом «и»), в то время как **обычно** в этом случае **соединяются лишь два последних однородных члена предложения** (выделено нами – *М.В.*)» [Квятковский 2000:188]. Здесь имеется ценное указание на противопоставленность с нейтральным (типичным) вариантом, под которым в нашей работе понимается моносоюзная конструкция, содержащая постановку союза только между двумя последними компонентами в ряду однородных членов или предложений (см. подробно об этом в п. 1.3 настоящей работы). Противопоставленность с нейтральным вариантом обнаруживает себя в конструкции при избыточном повторении союза. Однако, как мы указывали выше, не все определения П содержат его характеристику через понятие избыточности.

Есть такие определения П, в которых одновременно отмечаются и **преднамеренность**, и **избыточность** в употреблении союза [Панов 1998: 114 и нек. др.]. Но все ли повторы союза с грамматической точки зрения являются избыточными?

В учебной и справочной литературе, как правило, не указывается, повтор какого союза происходит в фигуре П [Тимофеев, Венгров 1952: 70; Розенталь 1968; Розенталь, Теленкова 1985; Литературный ... 1987: 225; Хазагеров, Ширина 1994: 156; Антология ... 1997: 44; Александров 2000: 487 и нек. др.], хотя в дефинициях в качестве иллюстраций приводятся примеры с повтором сочинительного соединительного союза «*и*».

В пособии И.Б. Голуб «Стилистика русского языка» в определении фигуры П имеется указание на повтор сочинительных союзов **и, ни** [1997: 429].

М.И. Панов в словаре-справочнике «Педагогическое речеведение», определяя многосоюзие как фигуру, приводит примеры, где имеет место многоместный союз **и**, разделительный союз **иль** (стилистический вариант союза *или*), а также подчинительные союзы [1998: 114].

В «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» в разряд П относят не только повтор соединительного союза **и**, но и разделительного **то...то** [Розенталь и др. 1998: 341]. Это говорит о том, что в определениях обнаруживаются некоторые неопределенность в отношении разновидности союза и противоречие при соотношении понятия «избыточность» и характера семантического значения союза. При повторе разделительного союза происходит нарушение главного признака фигуры: снимается избыточный повтор в употреблении союза, поскольку разделительные (и некоторые подчинительные) отношения не могут быть оформлены бессоюзно. Однако авторы представленных выше определений говорят об избыточности союза в фигуре П (многосоюзия). Приведем одно из них: «М. – это преднамеренное, **избыточное** (выделено нами – *М.В.*) увеличение количества союзов, создающих впечатление возвышенности стиля» [Панов 1998: 114]. Избыточность имеет место тогда, когда союзы полностью или частично можно изъять без трансформации синтаксической конструкции, т.е. в этом случае союзы являются факультативным (необязательным) средством связи. При отсутствии факультативности союзов имеет место экспрессивная многосоюзная конструкция (см. подробнее о разграничении понятий «полисиндетон» и «экспрессивное многосоюзие» в п. 1.3 настоящей работы).

Итак, в грамматике определяется, что разделительная связь не может быть оформлена без союзов (В.А. Белошапкова, Н.И. Формановская), то есть союз в контексте такой связи служит обязательным средством связи. Это положение позволяет из числа П исключить многосоюзные конструкции с разделительными союзами.

П как стилистическая фигура представлена избыточным повтором (два и более) сочинительных, соединительных (1), сопоставительных (2) и противительных (3) союзов. Примеры: 1) *Тут были **и** рыжики, **и** грузди соленые, **и** капуста, **и** огурцы, **и** малосольная сельдюшка «туруханская»* (В. Астафьев. Последний поклон); 2) *Мама любит людей, дарит им подарки, **а** некоторые ничего не дарят, поэтому они чахнут и хворают, **а** добрые, наоборот, живут крайне долго и отличаются хорошим здоровьем* (М. Зощенко. Минька и Лелька); 3) *Практика **и** теория - сообщающиеся сосуды, это верно, обратная связь – необходимое условие нормального развития культурной ситуации, **но** нельзя же считать, **но** нельзя же думать, что прикладная критика, история литературы предшествует художественной практике* (Литературная газета, декабрь. 1990). В первом и во втором примере повторяющийся союз является факультативным во всех позициях, а в последнем – только во второй.

Наш исследовательский материал располагает примерами многосоюзия, в которых разделительный союз является факультативным. Его изъятие не снимает возможность дифференцировать разделительные отношения в пределах многосоюзия, однако в этих случаях необходимо дополнительное речевое условие: наличие семантического конкретизатора типа *поочередно*, например: *Она поочередно деликатно отбирала у Дмитрия то шагу, то саблю, то палаши, которыми тот всячески бряцал и размахивал* (В. Солоухин. Мать-мачеха). Все же это условие не дает основания для квалификации данной конструкции как стилистической фигуры П, поскольку здесь имеет место не структурно-синтаксическая обусловленность в выражении разделительных отношений, а семантическая.

Факультативность/обязательность союза в структуре П – критерий, применяемый в отношении не только сочинительных, но и подчинительных союзов. Например: *Нет, не испугает, не оттолкнет заинтересованного читателя терминологическая сложность, если она оправдана, если слова заключают в себе крупницы забытой истины, если это не плод лукавой мудрости, поданный через "художественный образ", через "гирлянды общих мест"* (Литературная газета, апрель. 1988) – условный союз «если» в данном контексте выражает причинные отношения, поэтому здесь он является факультативным. Ср.: *Нет, не испугает, не оттолкнет заинтересованного читателя терминологическая сложность: она оправдана, слова заключают в себе крупницы забытой истины, это не плод лукавой мудрости, поданный через "художественный образ", через "гирлянды общих мест"*.

В следующем примере союз «если» выступает в своем прямом значении (выражает условные отношения), это обуславливает его обязательность: *Вспоминай меня, если хрустнет утренний лед, если вдруг в поднебесье прогремит самолет, если вихрь закурчивает душных туч пелену, если пес заскучает, заскулит на луну, если рыжие стаи закружат листопад, если за полночь ставни застучат невпопад, если утром белесым закричат петухи, вспоминай мои слезы, губы, руки, стихи* (В. Тушнова. Я прощаюсь с тобой). Отметим, что условные отношения могут выражаться в контексте бессоюзной связи, но тогда отсутствие союза восполняется за счет дополнительных условий: употребления экспрессивной формы повелительного наклонения в значении условного: *Может, будь понадежнее рук твоих кольцо – покороче б, наверное, дорога мне легла* (Б. Окуджава). В данном случае отсутствует возможность соотношения этой конструкции с союзным вариантом без ее изменения.

Таким образом, в фигуре П общий синтагматический принцип избыточности реализуется через частный принцип – повтор. (См. подробнее о принципах построения стилистических фигур вне связи с рассмотрением П: [Пекарская 2000, ч.1: 183-185].)

Авторы «Справочника по правописанию, произношению, литературному редактированию» рассматривают П как фигуру, включающую члены ряда, которые связаны повторяющимся союзом, причем указанную фигуру относят в группу фигур, построенных на основе перечисления [Розенталь и др., 1998: 339-341]. Здесь наряду с повтором в фигуре П отмечают наличие перечисления.

При повторе союза возникает **перечисление**, которое в нашей работе определяется как второй частный принцип организации П.

Факт наличия перечисления в основе многосоюзных конструкций открытой структуры отмечался в синтаксической литературе ранее, но специально не рассматривался в связи с П.

1. В.А. Белошапкова: «В предложениях **взаимоисключения** (выделено автором – *М.В.*) **перечисляются** (выделено нами – *М.В.*) ряд предполагаемых явлений, реальное существование одного из которых исключает все остальные. В предложениях **чередования** (выделено автором – *М.В.*) **перечисляются** (выделено нами – *М.В.*) ряд событий, которые повторяются, чередуясь, не совмещаясь в одно и то же время» [1977: 210].

2. Н.А. Дьячкова: «Союзы, формирующие открытые структуры, на другом основании можно разделить иначе: соединительно-**перечислительные** (и – и; да – да; ни – ни) и разделительно-**перечислительные** (здесь и выше выделено нами – *М.В.*) (то – то; не то – не то; то ли – то ли; или – или; либо – либо)» [2013: 27].

Понятие перечисления в грамматике рассматривают как способ выражения однородности, как признак открытой структуры, как тип интонации, как средство выражения семантических отношений, как вид отношений (см., например: [Лекант 2001: 117, 121, 737, 738, 739]).

В области выразительных средств перечисление трактуется в качестве универсального синтаксико-семантического приема «организации трех и более функционально однородных элементов любого уровня» [Бернацкая 2005: 219]; в качестве риторической фигуры [Судоплатова 1989: 49].

Перечисление определяется и как частный принцип общего синтагматического принципа избыточности [Пекарская 2000, ч. 1: 183-185].

В нашей работе перечисление определяется в соответствии с трактовкой И.В. Пекарской.

Ярко выраженное в П перечисление стимулирует **не ограниченное структурой** потенциальное количество предикативных частей, например: *Все у него [Кастрюка – М.В.] было всегда в порядке: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда в теле ("печка! - говорили мужики, - хоть спать ложись на спине!"), и свадьбу сына он справил всем на удивление (И. Бунин. Кастрюк); Живет где-нибудь на Кубани Иван Петрович – положительный тип районного работника, и в нем все решительно положительное: и глаза – мягкие и ласковые, и лицо – умное, выразительное, и нос – непременно ровный, как бы выточенный, и походка – не иначе как легкая (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).*

При сочинении однородных членов предложения ограничения также не наблюдаются: *На стройку брали, как на войну: и металлистов, и колхозников, и пекарей, и циркачей, и кубовиц, и текстильщиков, и адвокатов, и котлоскребов, и наборщиков, и офицантов, и скорняков, и чекистов, и мебельщиков, и баничников (С. Антонов. Васька).*

Однако на объем конструкции накладывает определенное ограничение коммуникативное использование: для прямой речи персонажей характерны конструкции, состоящие из двух-трех предикативных единиц, употребление конструкций большим объемом – прерогатива авторской речи.

Наибольшей частотностью употребления отличаются фигуры П, состоящие из трех частей (68 % от числа всей выборки).

Относительная протяженность/ограниченность количества однородных членов и предикативных единиц (следовательно, и союзный повтор) конструкции П объясняется, на наш взгляд, внеязыковыми факторами. Один из факторов – конкретная ситуация объективной деятельности, другим является категория времени. События или явления, которые перечисляются в рассматриваемых конструкциях, объединяются общей цельной ситуацией (часто названной в предшествующем тексте) и, как правило, имеют одну временную плоскость. Между значением одновременности и количеством событий (соответственно, предикативных единиц) существует прямая связь: количество событий, происходящих одновременно, относительно ограничено. Ограничение количества синтаксических компонентов исследуемой конструкции объясняется также объемом оперативной памяти человека, в которой происходит синтез и анализ информации об объективной действительности.

Особенность значения и употребления союза определяет **характер его факультативности**: полный или частичный.

Исходя из традиционной классификации, выделяем сочинительные одноместные и многоместные союзы. Обратимся к рассмотрению многоместных союзов, к анализу специфики их употребления. Это позволит наиболее адекватно определить обозначенный выше характер факультативности при употреблении союза в П.

В грамматике отмечается, что следует различать специфику употребления многоместного союза *и...и...* и одиночного союза *и*, входящего в ядро союзной языковой системы. Для конструкции, организованной союзом первого типа, характерна логико-синтаксическая соизмеримость составляющих частей. Его специфика заключается в том, что он, устанавливая связь между однородными конструкциями (однородными членами моно- и полипредикативными единицами), включает их в структуру крупного связного единства [Прияткина 1978: 45].

Многоместные союзы выполняют две основные функции: связующую и одновременно квалифицирующую (обозначают содержательные отношения между связываемыми единицами) и обладают такими дифференцирующими признаками, которые позволяют традиции определить это средство связи как синтаксическое служебное слово – союз, что находит отражение в отдельных статьях, монографиях, вузовских учебниках и фиксируется академическими изданиями грамматик разных лет. В соответствии с особенностями структуры, принципом образования и числом занимаемых позиций в предложении эта скрепа занимает определенное место в понятийно-терминологической системе союзов русского языка (см., например: [Прияткина 1977: 105; Черемисина 1983: 7; Белашапкина 1999: 224]).

Трудность при разграничении одноместного повторяющегося и многоместного союзов составляет тот факт, что *и...и...* по звуковому составу

совпадает с несколькими простыми повторяющимися союзами *и*, используемыми в однородном ряду, в многокомпонентных сложносочиненных предложениях, а также при «нанизывании» самостоятельных (простых и сложных) предложений. Видимо, этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что в некоторых вузовских учебниках и учебных пособиях *и...и...*, *ни...ни...* и т.п. не регистрируются как особый союз в списках сочинительных союзов (см., например: [Дудников 1990: 304; Валгина 1991: 296-297; Лекант 2001: 717-718; Современный ... 2001: 800-803 и др]).

Так, В.В. Виноградов, Н.Н. Холодов, И.Н. Кручинина традиционно квалифицируют их недифференцированно как соединительные повторные или повторяющиеся союзы, которые отличаются от одиночного повторяющегося «и» лишь в количественном плане.

М.В. Ляпон, автор раздела «Сложносочиненные предложения» в «Русской грамматике – 80», напротив, разграничивает такие союзы, т.к. считает *и...и...* специфическим сочинительным союзом и закрепляет за ним название «многоместный» [Русская грамматика 1980: 618].

Термин *повторяющийся* союз считаем не совсем удачным для наименования составных союзов с одинаковыми элементами, так как в предложении этот многоместный союз не повторяется несколько раз, а состоит из нескольких одинаковых частей.

Конструкции с многоместными союзами характеризуются особыми контекстуальными условиями функционирования. Данные конструкции вводятся обязательно при помощи предшествующего фрагмента, который прогнозирует их появление в качестве одного из вариантов синтаксической формы завершения микротемы, при этом постановка союза осуществляется обязательно перед первым компонентом однородного ряда, например: *Все было внове Шохову на родной стороне: **и автобусы**, как и автостанция, новые, современные, **и дорога**, не чета старой, гладкой синей лентой распласталась среди осенних полей* (А. Приставкин. Городок); *А я, надо сказать, по одному тому, как солдат подворотничок подшивает, многое определить могу: **и настроение** его, **и** самочувствие, **и**, конечно же, куда и зачем собрался* (Б. Рошин. Честные люди).

Без предшествующего текста в таких конструкциях многосоюзиe, в том числе П, является информативно (коммуникативно) несамодостаточным: 1) ***И** налет-то у нее маленький, **и** постоянно ее укачивало, **и** то да се*. Ср.: 2) *Внимательно прочитав статью В. Горецкого "Две звезды", посвященную героической женщине-летчице М. Расковой, была удивлена целым рядом неточностей, допущенных автором. **И** налет-то у нее маленький, **и** постоянно ее укачивало, **и** то да се* (Труд, 2.09.1993). Смысл данных конструкций становится понятным только в ряду с предтекстом, с которым они образуют содержательное и структурное целое (илл. 2). Это обуславливает обязательность постановки первого союза, который прогнозирует появление второго, а третий и последующие могут носить факультативный характер. В результате этого обнаруживается неполная факультативность союза. Мы полагаем, что реализация таких конструкций в контексте П связана с коммуникативной интенцией говорящего/пишущего.

Данное свойство подобных конструкций, по определению Н.А. Дьячковой, можно обозначить как контекстуальную несвободу, которая не отождествляется с понятием синсемантических слов, а также отграничивается от информативной несамодостаточности, заложенной в структурной схеме (односоставное предложение) или возникающей в результате ее неполной реализации (неполные и имплицитные конструкции), где эти явления лежат на поверхности [Дьячкова 2013: 34].

Мы не обсуждаем в своей работе специально изоморфизм синтаксических единиц непредикативного и предикативного уровней, и в частности, изоморфизм открытых сочинительных словосочетаний и сложносочиненных предложений, так как это, на наш взгляд, приведет к обсуждению вопроса, достаточно изученного в лингвистике (см.: [Белашапкина 1974; Формановская 1978; Гаврилова 2012; Дьячкова 2013] и др.).

При разграничении одноместных и многоместных сочинительных союзов выделяем следующие разновидности:

1) П с одноместным повторяющимся союзом (при повторе союза **и** не менее двух раз; при повторе сопоставительных и противительных не менее двух случаев), например: *Сразу же откуда-то взялась бабушка, начала одевать меня, как маленького, я безвольно подчинялся ей, и смеялся безудержно, и о чем-то говорил, и чего-то спрашивал, и перебивал сам себя* (В. Астафьев. Последний поклон); *Нужно не просто научное издание, а популярное издание, а развлекательное, отвечающее всем вкусам* (В. Курбатов. За шлагбаумами. Послесловие). Здесь обнаруживается полная факультативность союза. Ср.: *Сразу же откуда-то взялась бабушка, начала одевать меня, как маленького, я безвольно подчинялся ей, смеялся безудержно, о чем-то говорил, чего-то спрашивал, перебивал сам себя; Нужно не просто научное издание - популярное издание, развлекательное, отвечающее различным вкусам.*

2) П с многоместным союзом (**и...и..., ни...ни...**): появление союза в первой и во второй позиции прогнозируется грамматической нормой, но третий и последующий могут опускаться. Пример: *Но он ощутил их близость, их возможность разнести все вокруг – и этих оркестрантов, и этого человека с нелепой палочкой, и эти ряды золотистых кресел, и самый мрамор стен консерватории* (В. Солоухин. Мать-мачеха); *Стоял он [дом – М.В.] сам собой на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застекленными окнами – ни забор, ни ворота, ни наличники, ни ставни* (В. Астафьев. Последний поклон). Ср.: *Но он ощутил их близость, из возможность разнести все вокруг – и этих оркестрантов, и этого человека с нелепой палочкой, эти ряды золотистых кресел, самый мрамор стен консерватории; Стоял он [дом – М.В.] сам собой на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застекленными окнами – ни забор, ни ворота, наличники, ставни.*

Отметим, что наиболее «типичен» повтор соединительных и разделительных союзов в перечислительной роли. Однако это не значит, что союзы, передающие другие значения, формирующие двучастные закрытые структуры, не могут повторяться, но такой повтор окажется опять-таки соединением/перечислением каких-либо отношений: причинно-следственных, противительно-уступительных и т.д.» [Формановская 1978: 198].

На этом основании в рамках фигуры многосоюзия мы рассматриваем перечислительные структуры, в которых реализуется избыточный повтор подчинительных союзов на уровне МСП (1) и в составе ССЦ (2). Примеры: 1) *Ему придется отвечать, **потому что** они живы, эти люди, **потому что** они нашли его довоенную фотографию, **потому что** они свидетельствовали перед нами и заявили, что готовы подтвердить свои слова в любом, самом высоком суде* (Комс. правда, декабрь. 1995); 2) *И две машинистки в четыре руки / Стучали, **что** нету ни дров, ни муки. / **Что** просит поддержки измученный фронт. / **Что** черною тучей грозит горизонт* (И. Гудзенко. Лихо). В первом примере по стандартам грамматики возможен пропуск союза во второй и последующих позициях, а во втором – во всех позициях, ср.: 1) *Ему придется отвечать, **потому что** они живы, эти люди, они нашли его довоенную фотографию, они свидетельствовали перед нами и заявили, что готовы подтвердить свои слова в любом, самом высоком суде*; 2) *И две машинистки в четыре руки / Стучал: нету ни дров, ни муки. / Просит поддержки измученный фронт. / Черною тучей грозит горизонт.*

Таким образом, П с избыточным повтором подчинительного союза тоже может характеризоваться полной или неполной факультативностью в употреблении союза.

П как стилистическая фигура нами характеризуется: 1) наличием повтора союза (сочинительного, подчинительного) и перечисления; 2) полной или частичной факультативностью союза; 3) равноправностью частей (учитывается формальный аспект: синтаксические отношения между сочиненными и однородно соподчиненными единицами); 4) однородностью состава его компонентов; 5) возможностью потенциального увеличения количества частей.

Эти признаки характерны для всех конструкций П (для открытой сочинительной структуры, закрытой сочинительной структуры, осложненной перечислением, и закрытой осложненной структуры с соподчинением) независимо от характера синтаксической единицы (однородные члены предложения, предложение, фрагмент текста, текст). В этом отношении важно отметить тот факт, что в учебной и справочной литературе недостаточно последовательно указывается реализация П относительно вида синтаксической единицы. Одни рассматривают ее относительно членов предложения [Аксенова 1974: 222; Розенталь, Теленкова 1985: 130; Квятковский 2000, 188; Дроняева 2001: 164], другие – относительно предложений в составе многочленного сложного предложения [Розенталь 1998: 364], третьи вообще обходят этот вопрос [Елисеев, Полякова 2002; Филиппов, Романова 2002: 84; Десяева и др. 2003: 162].

Мы полагаем, что повтор союза в структуре П – явление вторичное по отношению к перечислению, т.к. оно может выражаться не только союзным, но и бессоюзным способом.

П, таким образом, является стилистической фигурой, входящей в микросистему фигур, организованных общим принципом избыточности и частными способами – повтором союза и перечислением однородных синтаксических единиц.

Отметим что, А.А. Кузнецова избыточность относит к принципу второго порядка по отношению к такому принципу первого порядка, как повтор [2005: 140-141].

Как известно, избыточность противопоставляется принципу экономии языковых/речевых средств. Мы полагаем, что в ходе квалификации данных понятий относительно фигуральных выразительных средств следует учитывать их общелингвистический статус и достижения в области исследований по лингвистике языка и речи.

Так, Г.Г. Инфатова, исследуя синтаксис современной русской речи, определяет экономию как общелингвистический принцип, при этом отмечая, что «экономия имеет много форм проявления на всех уровнях языковой системы» [1973: 60]. К числу таких форм (способов), реализующих принцип экономии в синтаксисе разговорной речи, она относит замещение, пропуск (опущение), упрощение, включение, совмещение (наложение, или аппликацию) [там же: 74-77]. Аргументируя общелингвистический статус принципа экономии, исследователь указывает, что и в слове используются такие же способы реализации данного принципа [там же: 72]. Экономия коррелирует с принципом избыточности, способом реализации которой признается повтор [Пекарская 2000, ч. 1: 245] (см. также о соотношении экономных и избыточных структур экспрессивного синтаксиса: [Сковородников 1981]).

Таким образом, при применении принципов экономии и избыточности относительно стилистических фигур мы соглашались с мнением ученых, которые повтор определяют как один из частных принципов реализации синтагматического принципа избыточности.

Итак, **П** мы определяем как **стилистический формализованный прием фигурального типа**, который основан на **избыточном повторе** сочинительного или подчинительного союзов и на **перечислении однородных** членов или предложений в составе многочленного сложного предложения или сложного синтаксического целого. **Повтор и перечисление – частные принципы** организации синтагматического принципа избыточности.

1.5. Полисиндетон и асиндетон в аспекте оппозиционных отношений

П по некоторым структурным и функциональным признакам является противопоставлен асиндетону. В данном параграфе представлен анализ обозначенных выше фигур на основе оппозиционного подхода.

Такой подход позволяет наметить возможные перспективы рассмотрения **П** в аспекте системных отношений с другими стилистическими фигурами, основанными не только на общем синтагматическом принципе избыточности, но и на противоположном – экономии.

Основоположником учения об оппозициях является выдающийся русский филолог Н.С. Трубецкой [2000].

И.В. Арнольд к числу научных методов лингвистики относит метод оппозиций, который определен ею согласно теории оппозиций Н.С. Трубецкого [Арнольд 1991: 37-381].

А.П. Сковородников в монографии «Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования» рассматривает систему синтаксических экспрессивных конструкций, организованных по принципам экономии и избыточности, с точки зрения теории оппозиций [Сковородников 1981: 191-192]. В этой работе подчеркивается, что выделение оппозиционных структур обеспечивается за счет их вхождения в более широкую оппозицию экономных и избыточных структур, которая представляет собой упорядоченную совокупность элементов [там же: 192].

Используя определение, данное А.П. Сковородниковым, основного принципа организации системы экспрессивных синтаксических конструкций русского литературного языка как принципа градационного ряда [Сковородников 1981: 224 и далее], можно дополнить его графическую модель поля экспрессивных конструкций современного русского литературного языка по оси избыточности многосоюзием. А по оси экономии модель содержит бессоюзие, которое не входит в центр поля, оно находится на периферии, в первом слое, примыкающем к центру. У конструкций этого слоя «экспрессивная значимость лежит главным образом в плоскости социальных коннотаций (функционально-стилевая маркированность)» [там же: 222].

На наш взгляд, применение метода оппозиций позволяет рассмотреть структурную организацию и функциональное проявление стилистических фигур асиндетона и П в пределах одной микросистемы, входящей в систему экономных и избыточных структур. Анализ стилистических фигур с позиций системного подхода обусловлен общими тенденциями в риторике и стилистике, т.к. давно назрела необходимость рассмотрения фигур в соответствии с принципом системности (см. указания на это: [Сковородников 1981: 7; Пекарская 2000, ч. 1: 12-17] и др.). Под системой понимается множество элементов, «находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность. Каждый компонент <...> существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы» [Языкознание ... 1998: 452].

Итак, асиндетон и П входят в систему стилистических фигур, организованных по принципам экономии и избыточности. С точки зрения структурной организации асиндетон противопоставлен группе полирелятивных фигур, которые характеризуются многократным употреблением служебных слов [Веккесер 2002, 15-17]. (См. об этом подробнее в п. 1.4 первой главы настоящей работы). Указанные принципы реализуются за счет частных способов.

Асиндетон организуется посредством пропуска союза как в открытых

бессоюзных сочинительных конструкциях (1), так и в закрытых бессоюзных конструкциях (2). Примеры: 1) *Шум, гам, возня* – говорить дальше не было смысла (В.Астафьев. Кража) – пропуск союза между однородными членами; *Горы снова стали голубые, запели птицы, одурающе запахло чабрецом* (Д.Гранин. Иду на грозу) – отсутствие союза между предикативными единицами в контексте МСП; *Прошла минута. Колонна стояла. Шофер свистел, барабанил. Оршев поглядывал вниз* (О. Ермаков. Благополучное возвращение) – бессоюзная связь на уровне отдельных предложений. 2) *А кино в детдоме особенное. Не кино – потеха* (В.Астафьев. Последний поклон) – пропуск союза между однородными членами; *Ты не скажешь – другие расскажут* (С.Алешин. Все остается людям) – отсутствие союза между предикативными единицами в контексте сложного предложения; *Она притворилась глухой. Я – слепым. Фон Мюфлинг счастливым* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов) – пропуск союза на уровне отдельных предложений. Асиндетон в контексте открытого сочинительного бессоюзного ряда организует прием перечисления (см. илл. 1).

П организуется частным способом – повтором как в контексте сочинительного (1), так и в контексте подчинительного многосоюзных рядов (2). Примеры: 1) *Гляньте, каких тут слов только нет – и высоких, и острых, и ехидных, и иронических, и шуточных* (Э.Вартаньян. Путешествие в слово) – повтор союза между однородными членами; *И Зинаида Федоровна улыбнулась, и Иван Ефремович хмыкнул, и даже дед Мартын запустил пятерню в бороденку* (Б.Рощин. Чай с антоновкой) – повтор союза между предикативными единицами в контексте МСП; *И она рыдала, рыдала неутешно, лежа на земле. И сказала богиня Каннун, богиня милосердия: - Проклятый жрец <...>. И прокляла она премудрого жреца* (В.Дорошевич. Страшный суд) – повтор союза между отдельными предложениями. 2) *Но что б он мог ей в трех словах сказать <...>: что не надо путать отечества и правительства, что такое надчеловеческое оружие преступно допускать в руки шального режима, что нашей стране совсем ненужно военной мощи – и вот тогда мы только и будем жить?* (А.Солженицын. В круге первом) – повтор союза между предикативными единицами в составе МСП;

Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу <...>, то это самое мы находим и в христианстве.

Если в китайском мирозерцании небо – цян – является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах <...>, то и это есть в христианстве.

Если брахматизм (современный индуизм) говорил нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве.

Если, наконец, пантеизм утверждает, Бог во всем <...>, то христианство и с этим согласно (А.Мень. Христианство) – повтор союза между отдельными предложениями ССЦ. Примеры П сочинительного (1) и подчинительного (2) типов, так же как и асиндетон сочинительного типа, осложнены перечислением. Заметим, что в подчинительном типе в пределах закрытой структуры перечисление носит иной характер: перечисляется тип связи, в результате чего образуется однородное соподчинение.

Таким образом, асиндетон и П по способам построения (экономия и избыточность) представляют собой оппозицию в пределах одной микросистемы стилистических фигур. С точки зрения различительной силы данные стилистические фигуры не могут являться постоянной оппозицией,

т.к. действие дифференциального признака не всегда срабатывает. Нейтрализация в структурном плане обусловлена тем, что сочинительный бессоюзный и многосоюзный ряды имеют один и тот же частный способ – перечисление. Графически это можно представить следующим образом.

Тип синтаксической связи

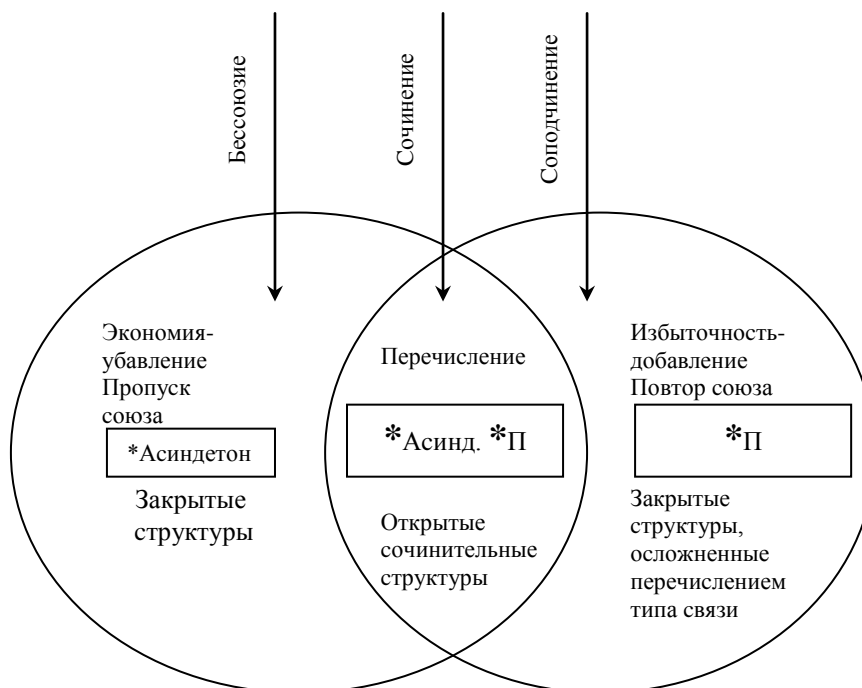

Рис. 1

Структурная нейтрализация, на наш взгляд, приводит к некоторой нейтрализации в плане функционального проявления данных фигур, например, при выражении динамичности и интенсивности: *Теперь Яков мог кричать, стучать, звонить, сажать* (А.Солженицын. В круге первом) – динамичность; *Скрежещет, стонет, бездушно хохочет знающий свое дело расторопный джаз* (В.Солоухин. Мать-мачеха) – интенсивность. Ср.: *В пору великого разлива и буйства, когда все с шумом и плыло, и спешило, и металось, и пело, и бурлило, мы думали о будущем* (В.Астафьев. Кража) – динамичность; *И жжешь, и звенишь, и топчешь, и свищешь, / и рвешь, и рокочешь* (М.Цветаева) – интенсивность. Исследовательский материал показывает, что в таких случаях оппозиция асиндетон – полисиндетон в структурно-функциональном плане выступает как привативная оппозиция.

Исследовательский материал свидетельствует, что в структурах монопредикативного полисиндетона чаще всего встречаются однородные члены (подлежащее, дополнение, обстоятельство), выраженные именем существительным. Это подтверждает наше положение о том, что асиндетон противопоставлен П по характеру морфолого-синтаксического выражения членов однородного ряда: асиндетон преимущественно содержит перечисление глагольных словоформ, а П – субстантивов. Таким образом, открытые структуры асиндетона и П в контексте однородного ряда относительно синтаксической связи сочинения не противопоставлены, а на уровне лексического наполнения находятся в отношениях оппозиции, это

обуславливает и определенное функциональное проявление этих фигур: асиндетон изобразительную функцию преимущественно осуществляет за счет динамики, а П – за счет статики (примеры следуют ниже).

Характер оппозиции помогает установить постоянные функции: функция асиндетона – передача компактности, лаконизма (вне амплифицирующего ряда); функция П – усилительно-выделительная.

Сопоставление стилистических фигур в аспекте оппозиций позволяет выявить как общие, так и различительные черты в плане стилистического использования. Так, в числе характерологических функций отмечена функция имитация говорения. Асиндетон выражает имитацию говорения через краткость, экономию языковых средств: *Глядь на палаты – деда нет* (В.Астафьев. Последний поклон); а П отражает спонтанность, неподготовленность: *В прошлом году у меня был случай такой. Я сам в городе Брянске живу. И у меня там была девушка. Зоя звали. И она жила на окраине. И вот вечером мы с ней сидим на скамейке. И к нам подходит местный парень. Немного выпивший. И начинает приставать* (Ф.Искандер. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист) – здесь находим выражение интеллектуальной характеристики персонажа, а также спонтанности речи. При реализации функции наглядно-образной детализации словесное выражение в контексте асиндетона передается преимущественно за счет динамики, а П передает его преимущественно за счет статики.

Таким образом, асиндетон и П как элементы одной микросистемы обладают определенной функциональной общностью. Противопоставление снимается при некоторых их функциональных проявлениях, т.к. анализируемые фигуры могут реализовываться в контексте сочинительной связи за счет перечисления. Рассмотрение стилистических фигур в плане оппозиций устанавливает их различные и общие черты.

Выводы

1. Анализ содержания работ по лингвистике позволяет утверждать, что в них термины *экспрессивность* и *выразительность* исследователями понимаются неодинаково.

В настоящее время выделились два основных понимания **выразительности**: 1) способность речи своей организацией привлекать и удерживать внимание адресата (Е.В. Капацкая, Т.Г.Хазагеров, Л.С. Ширина, И.В. Пекарская); 2) совокупность коммуникативных качеств речи (целесообразность, уместность, точность, логичность, ясность, экспрессивность), которые способствуют адекватному пониманию речи, что соответствует основному назначению речевого общения, как непосредственного, так и опосредованного (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина). Мы будем придерживаться второго определения выразительности. П попадает в состав так называемых выразительных средств языка/речи. При таком понимании выразительность является родовым понятием по отношению к экспрессивности.

В лингвистической литературе перечень аспектов категории **экспрессивности** давался по-разному. А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, учитывая необходимость системного соотнесения экспрессивности с другими терминами элокуции (выразительности, образности), определяют ее в качестве совокупности признаков языковой/речевой единицы, а также целого текста или его фрагмента, благодаря которым говорящий или пишущий выражает свое субъективное отношение к предмету сообщения или адресату речи. К числу составляющих компонентов категории экспрессивности они относят эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность. Именно такой трактовки категории экспрессивности мы и придерживаемся в данном исследовании.

2. В языкознании нет общепринятого определения фигуры. В нашей работе термины *стилистическая фигура (фигура речи)* и *экспрессивная синтаксическая конструкция* употребляются дифференцированно.

Первый термин используется нами для наименования многосоюзия, в основе которого лежит избыточное употребление союза, а второй употребляется в отношении многосоюзия нефигурального типа, в котором повторение союза грамматически обязательно. Избыточность союза устанавливается путем применения приема трансформации, при котором возможно изъятие союза без нарушения целостности структуры. Он позволяет выявить преднамеренную избыточность в употреблении союза, а также дает возможность соотнести исследуемую конструкцию со стилистически нейтральным вариантом, под которым понимается структура с моносюзием.

В данной работе риторический прием понимается в соответствии с трактовкой А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной. Риторический прием представлен определенными разновидностями, в том числе стилистическим приемом. Последний является родовым понятием по отношению к **стилистической фигуре** и тропу.

В оценке П как стилистической фигуры мы будем исходить из нескольких критериев: 1) П находит свое выражение на синтаксическом уровне языка; 2) представляет собой отступление от нейтрального варианта языковой грамматической нормы; 3) избыточность в употреблении союза выявляется на основе сопоставления с нейтральным стилистическим вариантом, путем трансформации многосоюзной конструкции в бессоюзную или моносюзную.

3. Как правило, в учебных пособиях и справочных изданиях термины *полисиндетон* и *многосоюзие* либо подаются в виде полных синонимов, либо используется один из них без указания на существование другого. Однако в некоторых толкованиях обозначенные термины являются многозначными: многосоюзие – тип связи и стилистический прием (И.Н. Кручинина); П – стилистическая фигура, основанная на избыточном повторе служебных частей речи (союзов, предлогов, частиц), и стилистическая фигура, в основе которой лежит избыточный повтор только союзов (М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев, Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина); при этом термин *полисиндетон*

некоторыми учеными используется только для наименования типа связи (О.С. Ахманова).

В нашей работе стилистические фигуры, в основе которых лежит избыточный повтор союзов, частиц, предлогов, определяются как **полирелятивные**. Избыточный повтор частиц назовем термином **полипартикулярные фигуры** (от лат. *particula* – «частица»); повтор предлогов – **полипрепозитивные фигуры** (от лат. *praeposition* – «предлог»). Эти фигуры объединяются нами в группу полирелятивных фигур на основе общности принципа их организации – избыточности; частных принципов реализации – повтора и перечисления; функциональной близости. Функциональная близость полирелятивных фигур заключается в выражении общей усилительно-выделительной функции, при этом данная функция может иметь различные вариации.

Мы различаем многосоюзие как стилистическую фигуру (полисиндетон), в основе которого лежит избыточный повтор только союза, и экспрессивное многосоюзие нефигуративного типа, согласно определению, данному А.П. Сковородниковым. Стилистическая фигура П имеет место только тогда, когда союз является грамматически факультативным (полностью или частично) в структуре многосоюзной конструкции. Под экспрессивным многосоюзием нефигурального типа понимается многократный повтор одного и того же союза, который с грамматической точки зрения обязателен.

4. В итоге П мы определяем как **стилистический формализованный прием фигуративного типа**, который основан на **избыточном повторе** сочинительного или подчинительного союзов и на **перечислении однородных** членов или предложений в составе многочленного сложного предложения или сложного синтаксического целого. **Повтор и перечисление** – частные **принципы** реализации общего синтагматического принципа **избыточности**.

П как стилистическая фигура нами характеризуется: 1) наличием повтора союза (сочинительного, подчинительного) и перечисления; 2) полной или частичной факультативностью союза; 3) равноправностью частей (учитывается формальный аспект: синтаксические отношения между сочиненными и однородно соподчиненными единицами); 4) однородностью состава его компонентов; 5) возможностью потенциального увеличения количества частей.

Всеми признаками стилистической фигуры в отношении понятия «избыточность» обладают конструкции П с полной факультативностью союза, однако частичная факультативность не снимает наличия избыточности. Полная факультативность присуща П с сочинительными одноместными повторяющимися союзами (*и, а, но* и др.). При этом избыточность может характеризовать и двукратный повтор одного и того же союза. Частичная факультативность характерна для П с многоместным сочинительным союзом, но при его повторе не менее трех раз (*и...и... и др.*).

Подчинительные союзы тоже характеризуются различной степенью факультативности.

5. На основе метода оппозиций (Н.С. Трубецкой) были выявлены общие и различные черты асиндетона и П по некоторым структурным и функциональным признакам. Такой подход позволяет наметить возможные перспективы рассмотрения П в аспекте системных отношений с другими стилистическими фигурами, основанными не только на общем синтагматическом принципе избыточности, но и на противоположном – экономии. Асиндетон и П по общим принципам построения (экономии и избыточности) представляют собой оппозицию в пределах одной микросистемы стилистических фигур. С точки зрения различительной силы данные стилистические фигуры не могут являться постоянной оппозицией, т.к. действие дифференциального признака не всегда срабатывает. Нейтрализация в структурном плане обусловлена тем, что сочинительный бессоюзный и многосоюзный ряды имеют один и тот же частный принцип – перечисление. Структурная нейтрализация приводит к некоторой нейтрализации в плане функционального проявления данных фигур, например, при выражении динамичности и интенсивности.

Глава II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ПОЛИСИНДЕТОНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Разновидности полисиндетона относительно типа синтаксической единицы

В настоящем параграфе будут рассмотрены структуры П, которые реализуются в контексте однородного ряда, в составе МСП и на уровне фрагмента текста в пределах ССЦ, представленного предложениями, разделенными точкой. Классификация будет дана с учетом семантико-синтаксических отношений, которые выражаются типом союза (сочинительным или подчинительным) в открытой или закрытой структуре, а также с учетом морфологического выражения, распространенности-нераспространенности, характера расположения компонентов исследуемой фигуры (на уровне однородного ряда).

2.1.1. Монопредикативный полисиндетон

Монопредикативный П представлен повтором союза и перечислением однородных членов предложения в составе простого предложения (или части сложного предложения), характеризующегося одной грамматической основой.

Однородные члены предложения выступают проявлением такой структурно-семантической категории синтаксиса, как однородность. (См. подробную характеристику однородных членов предложения: [Русская грамматика 1982, т.1: 166-180; Бабайцева 2001: 379-390] и др.).

Однородные члены предложения объединяются на основе сочинительной связи. В случае рассмотрения П имеет место союзная связь. Этот тип фигуры многосоюзия мы характеризуем по виду семантико-синтаксических отношений в открытой и закрытой структуре, осложненной перечислением, с учетом морфологического выражения компонентов П, характера их расположения и распространенности-нераспространенности однородного ряда.

А. Монопредикативный П открытой структуры реализуется на основе повтора сочинительных **соединительных** союзов. Примеры:

1) *Рыжего круглоголового Спиридона Нержин выделил сразу по его приезде на шарашку. Хотя тут еще и плотники, и слесари, и токари, но чем-то ядреным разительно отличался от них Спиридон* (А. Солженицын. В круге первом); *О, сколько долгих дней и пройденных дорог, и сколько городов, и сколько верст за нами...* (В. Шефнер. Победа); *Придется брать на вооружение методы аутотренинга, помогающие человеку справляться со стрессами и патологическими состояниями, к которым бесспорно, можно причислить и закоренелую русофобию, и юдофобию, и уже с ними* (Литер. газета, 26.12. 1990); *Отсюда и устойчивость литературных жанров <...>; и пристрастие к площадной буффонаде, скоморошескому комизму, к карнавальным маскам; и плебейский задор “народных книг”; и грубоватый лубочный реализм многих произведений* (Б. Пуршин. Себастиан Брант и Ганс Сакс). Повтор союза **и** – характерное явление для художественных текстов (проза, поэзия), для публицистики и для научно-популярных текстов, более редкое явление в

собственно научных текстах: *Так, например, междометие ах вне контекста может означать и радость, и испуг, и разочарование* (В. Белошапкова. Современный русский язык).

2) «*А чего же вы за крышей не следите? Шифер может треснуть от того, что на нее падает дождь, да снег, да град, да иногда кирпич с трубы. Давно не обследовали кровлю?*» (С. Воронин. Крыша течет) – повтор союза **да** отмечается в речи персонажей.

Таким образом, монопредикативный П открытой структуры реализуется через повтор соединительных союзов в контексте однородного ряда. Перечисление членов предложения преимущественно представлено значениями одновременности или последовательности.

В условиях соединительных отношений наибольшую распространенность имеют однородные подлежащие, выраженные именем существительным: **И секретарь, и человек с портфелем, и председатель** должны были в ночь выехать в область на совещание (В. Солоухин. Владимирские проселки); **И отец мой, и брат, и мой сын** – мы одно поколение (В. Прохвятилов. Утренняя звезда) – 48 % от числа монопредикативных П открытой структуры. Второе место по частотности употребления занимают однородные простые глагольные сказуемые, выраженные формами различных времен и наклонений или инфинитивами, например: *Быть хорошим другом обещался, звезды мне дарил и города. И уехал, и не попрощался, и не возвратился никогда* (В. Тушнова); *Робея, я сама вхожу в игру, и поддаюсь с блаженным чувством риску соблазну металлического диска, и замираю, и стакан беру* (Б. Ахмадулина. Автомат с газированной водой); **И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать** (В. Маяковский. Лиличка); **И поцеловал бы он ее руку, и тут же скокнал бы злополучный конверт, и, выпив водки, положил бы руку на сердце, но тут, наверное, шевельнулась в душе гордыня** (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); **И не грусти, и не ревнуй, и исправно выполняй план, тогда жизнь покажется проще!** (С. Орлов. Жизнь на свете); **Ему и разобрать надобно, и привезти, и собрать** (Б. Роцин. Чай с антоновкой). Употребление сказуемых в контексте П монопредикативного типа открытой структуры составляет 27 %. Меньший процент приходится на употребление дополнений (16 %). Например: *У Гошки хрустнуло в спине, и показалось ему, что позвоночник уперся ему в затылок, а внутри пусто как-то сделалось, будто и кишок, и живота, и печенок, и селезенки в Гошке уже не осталось* (В. Астафьев. Кража); в редких случаях дополнения выражены субстантивами, например: *Учителей уважают за вежливость, за то, что они со всеми кряду здороваются: и бедными, и богатыми, и ссыльными, и самоходными* (В. Астафьев. Последний поклон). Незначительное число монопредикативных П открытой структуры реализуется в контексте однородного ряда, представленного обстоятельствами (7 %). Морфологически обстоятельства чаще всего выражены предложно-падежными формами имени существительного, реже – формами наречий, например: *Белые лепестки валялись и на рояле, и под роялем, и на полу вокруг кресла* (В. Солоухин. Владимирские проселки); *Все, до кого долетали эти звуки, начали внимательно следить за игрой. Юбиляр играл быстро, и возбужденно, и неистово, и уверенно, будто хотел выразить все эмоции, которые были в его сердце* (А. Битов. Юбилей). В редких случаях встречаются однородные определения,

выраженные именем прилагательным (2 %): *Подходит к этому мальчику и говорит ему, что он видел и мудрых, и сильных, и красивых людей* (А. Битов. Юбилей).

Отметим, что в художественных прозаических текстах в контексте П чаще перечисляются существительные с конкретным семантическим значением, а в поэтических текстах – с абстрактным, ср.: *Ты напрасно мне под ноги мечешь и величье, и славу, и власть* (А. Ахматова. Ты напрасно...); *Слегка плечом задев? Когда? Нет, не задел, а только глянул - и зов, и вызов. И тепло* (Е. Серебровская. Поздняя осень) – *Да, конечно, и артисты, и режиссеры, и осветители, и рабочие сцены, и те, кто помогает нам снять пальто, найти свое место в зале* (В. Бушелева. Поговорим о воспитанности).

Итак, под **монопредикативным П открытой структуры** мы понимаем фигуральный повтор сочинительных союзов с соединительным значением в контексте однородного ряда, который формируется за счет перечисления членов предложения.

Схематически монопредикативную открытую сочинительную конструкцию, в контексте которой представлен П, можно выразить следующим образом:

ОЧ₁, Сс ОЧ₂, Сс ОЧ_n (схема отражает повтор одноместного соединительного союза);

Сс ОЧ₁, Сс ОЧ₂, Сс ОЧ_n (схема отражает повтор многоместного союза), где ОЧ – однородный член предложения, Сс – сочинительный союз, n – число сочиненных однородных членов.

Б. Монопредикативный П закрытой структуры, осложненной перечислением, реализуется на основе повтора сочинительных союзов с **сопоставительным** и **противительным** значением. Повтор этих союзов мы относим к числу стилистических приемов фигурального типа, который является отступлением от языкового стандарта, т.к. этого типа союзы в союзных классификациях по характеру употребления относят к неповторяющимся, при этом здесь имеет место факультативность союза. Важным фактором в организации исследуемой фигуры выступает не только повтор союза сам по себе, но и перечисление типа смысловых сопоставительных и противительных отношений. В случае повтора данных союзов в пределах однородного ряда происходит осложнение закрытой структуры за счет перечисления типа связи. Осложненная структура может быть свернута до минимальной бинарной конструкции. Здесь можно говорить о проявлении изоморфизма в области сочинительной связи (см. ниже о характеристике подобных структур при рассмотрении полипредикативной разновидности П). Такие конструкции не следует отождествлять с конструкциями (на уровне сложного предложения) с однородным соподчинением. При подчинении, в частности соподчинении, первый член, с одной стороны, и последующие члены однородного ряда, с другой, находятся в иерархических отношениях; между тем при сочинительной связи, в частности, в закрытой структуре с осложнением, все компоненты ряда однофункциональны и находятся в линейных отношениях. Схематически закрытую конструкцию, осложненную перечислением, можно выразить следующим образом:

ОЧ₁, Сс ОЧ₂, || Сс ОЧ_n, где ОЧ – однородный член предложения, Сс – сочинительный союз, образующий закрытую структуру, n – число сочиненных однородных членов.

Итак, под **монопредикативным П закрытой структуры, осложненной перечислением**, мы понимаем фигуральный повтор сочинительных союзов с сопоставительным и противительным значениями в контексте однородного ряда, который формируется за счет перечисления членов предложения.

Б1. Сопоставительные, например: 1) *Этим джазом, а также винами, а также близостью друг к другу, а также временем суток перевозбуждены и обезумлены* (В. Солоухин. Мать-мачеха); 2) *А горечь забыл, а жалость, а ветер ночей, холодные, как рыба кровь... Осенним свинцом заливают зрачок, ломают тугую бровь* (В. Луговской. Признание); 3) *Нужна не быстрая, а черновая, а повсеместная, а подвижническая работа с народом и для народа. Придется учиться и учить подлинному, человеческому патриотизму вне прежних классовых и нынешних националистических пережестов – исподволь, с детского сада, с начальной школы* (Литер. газета, 26.12.1990); 4) *Думается, что наш моральный долг – прислушаться к ним [мыслям – М.В.] с максимальным вниманием, постараться почерпнуть из них все полезное, а не отрекиваться, а не отмахиваться, как от чуждых политических взглядов, не приклеивать к ним ярлыков, которыми так бессовестно в прошлом оболгали честное имя писателя* (Литер. газета, 26.12.1990) – повтор союза **а** встречается в контексте монопредикативного П в художественной литературе (прозе, поэзии) (речевые илл. 1, 2), в газетно-публицистических жанрах (речевые илл. 3, 4). Большая встречаемость обнаруживается в газетно-публицистических текстах. Это обусловлено тем, что повтор сопоставительного союза является одним из средств выражения предельного накала эмоций и способствует проявлению оценочности как стилевой черты публицистических текстов. Мы не обнаружили П с данными синтаксическими отношениями в научно-публицистическом и собственно научном стилях.

Отметим, что повтор союза **а** сопровождается добавочными условиями – повтором частиц (речевые илл. 1, 4), параллелизмом (речевые илл. 3, 4). В редких случаях союз повторяется без указанных признаков (речевая илл. 2).

В составе П чаще всего перечисляются однородные дополнения-существительные (речевые илл. 1, 2). Их употребление составляет 60 % от числа монопредикативных П осложненного типа с сопоставительными отношениями. Реже употребляются глагольные сказуемые (илл. 4) – 35 %; менее частотны определения-прилагательные (речевая илл. 3) – 5 %. Однородные подлежащие и обстоятельства в структуре П рассмотренного выше типа нами не обнаружены.

Б2. Противительные, например: 1) *Пролетка с идиотом покатила, но я все же крикнул, но все же погрозил ему, но все же выругался: «Заварите валерианы! По ложке перед едой! Скотина!»* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом); 2) *Но как ты могла, но как посмела? Взяла и улетела, ничем не помогла* (В. Луговской. Дождем на виски); 3) *Всем известный скандальный депутат еще когда молчит (хотя очень редко), то ни мимикой, ни позой, ни жестами может и не выдать своих намерений, но поступками, но поведением, но словами выдает свое подлинное «я»* (Арг. и факты, май).

2004); 4) *Его* [сознания – М.В.] *носитель – снисходительный улыбчивый, “культурный” физико-химик по духу; будучи не в силах творить, он склонен видеть высшую ценность в ироническом перемесе готовых образов. Так можно получить новую формулу, но не новую культуру, но не новое мировоззрение* (Литер. газета, 20.12.1990); 5) *Кто-то бывает счастлив тем, что несчастлив его сосед. Кто-то мечтает о несметном богатстве и потому не может быть в ладу с самим собой, но ни большая слава, но ни высокое кресло от беды не защищают* (Литер. газета, 20.12.1990) – повтор союза **но** встречается в монопредикативном П в прозаических и поэтических фрагментах текста (речевые илл. 1, 2) и в газетно-публицистическом стиле речи (речевые илл. 3, 4).

При повторе противительного союза отмечаются те же характерные особенности, которые выявлены нами при рассмотрении П с повтором сопоставительного союза: в большей степени встречается в газетных жанрах; фигуру с повтором противительного союза относим к числу стилистических приемов, которые по своей природе характеризуются отступлением от языкового стандарта; возможность повтора союза некоторым образом обусловлена такими средствами организации структуры фигуры, как повтор частиц (речевые илл. 1, 2), одновременный повтор слов и синтаксический параллелизм (речевые илл. 4, 5); в редких случаях организуется без участия обозначенных средств (речевая илл. 3).

В пределах П этой разновидности часто перечисляются однородные дополнения-существительные (речевые илл. 3, 4). Их употребление составляет 57 % от числа монопредикативного П закрытой осложненной структуры с противительными отношениями. В меньшей мере употребляются сказуемые простого глагольного типа (речевые илл. 1, 2) – 30 %. Незначительный процент приходится на подлежащие-существительные (речевая илл. 5) – 8 % и определения-прилагательные (речевая илл. 5) – 5 %. Наш исследовательский материал не располагает примерами П с перечислением однородных обстоятельств.

Анализ фактического языкового материала показывает, что другие типы сопоставительных и противительных союзов не встречаются в монопредикативном П открытой структуры. Однако на уровне МСП, осложненного однородным перечислением предикативных частей, они встречаются, например: *Наш филиал находится в провинции, зато открываются новые лаборатории, зато новое помещение учебного корпуса большое и удобное, зато лесное производство рядом* (Вовремя, 20.10.1998) и нек. др.

Мы не обнаружили монопредикативный П с противительными отношениями в научно-популярном и собственно научном стилях.

Монопредикативный П встречается в нераспространенном (а) и распространенном (б) однородных рядах. Примеры: а) *И выматерил вслух и черта, и бога, и отца* (Б. Рошин. Чай с антоновкой); *Расхваливали обед, а особенно смоленские конфеты и мороженое, и я, конечно, не утерпел, и на следующее утро отправился, и сразу же, первым делом, в кондитерскую Саввы Емельянова* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом). При этом компоненты П могут располагаться контактно (речевая илл. а), а могут – дистантно (речевая илл. б), что

обусловлено прерывистостью структуры фигуры за счет вводного слова или слов.

Компоненты П могут быть представлены в виде парного расположения относительно друг друга в структуре фигуры на уровне однородных членов предложения. В этом случае имеет место только сочинительный союз.

Примеры: 1) *Ты / и путь и цель, / Ты и след и дом. / Никаких земель / Не открыть вдвоем. / В горный лагерь лбов / Ты и мост и взрыв* (М. Цветаева); 2) *Разные бывают профессии - и громкие и незаметные, и популярные и вовсе скромные, и публичные и камерные* (Известия, март 2003).

Конструкции П с парным повтором союза встречаются преимущественно в художественной поэзии и в публицистической речи, при этом такой повтор реализуется за счет союза **и**.

Фигура П с контактным расположением компонентов ее структуры имеет количественное преимущество по сравнению с дистантным, парным (74 % от общего числа обозначенных выше разновидностей).

По распространенности-нераспространенности больший процент принадлежит распространенным конструкциям П в контексте однородного блока (69 %); меньший – нераспространенным (31 % от всех случаев П в контексте однородного ряда по всем обследованным стилям).

На наш взгляд, это объясняется тем, что распространенный ряд требует большей концентрации внимания, повтор союза является своего рода конденсатором, сосредотачивающим читателя на смысловом содержании отрезка речи.

В научных и научно-популярных текстах чаще встречаются нераспространенные фигуральные многосоюзные ряды, например: *Однако текст лирического стихотворения, и памфлета, и доклада, и лекции имеют разную форму чисто внешне* (Ю. Бельчиков. Стилистика и культура речи).

Первое место по частотности употребления занимают открытые структуры П с соединительными отношениями (70 % от числа П, реализующегося в пределах однородного ряда по всем обследованным стилевым разновидностям). Второе место принадлежит структурам, которые содержат повтор сопоставительного союза (20 %). Третье – структурам П с повтором противительного союза (10 %).

Исследовательский материал показывает, что в структурах монопредикативного П чаще всего встречаются однородные члены (подлежащее, дополнение, обстоятельство), выраженные именем существительным. Это подтверждает наше положение о том, что асиндетон противопоставлен П по характеру морфолого-синтаксического выражения членов однородного ряда: асиндетон преимущественно содержит перечисление глагольных словоформ, а П – субстантивы. Таким образом, открытые структуры асиндетона и П на уровне связи не противопоставлены, а на уровне семантического наполнения находятся в отношениях

оппозиции: асиндетон изобразительную функцию преимущественно осуществляет за счет динамики, а П – за счет статики.

2.1.2. Полипредикативный полисиндетон

Следует отметить, что Л.В. Гарузова характеризует П в контексте МСП как внешний тип. Автор выдвигает такое обоснование: «Союзы идентичным образом соединяют как самостоятельные предложения, так и компоненты сложноподчиненного предложения. Союзы, являясь формальным показателем сочинения, не могут служить средством различения самостоятельных предложений и компонентов сложносочиненного предложения» [Гарузова 1977: 24].

Р.Р. Чайковский не вводит многократный повтор союза между предикативными единицами в составе МСП в конструктивную разновидность внешнего типа. К этому типу он относит П только в составе ССЦ, в котором предложения разделены точкой, а к внутреннему типу – П на уровне однородного ряда и МСП [1972: 112-130]. В первом и втором случае речь идет о повторе английского (and) и немецкого (und) аналогов русскому союзу «и».

В нашей работе полипредикативные разновидности П реализуются:

1) в МСП (в других терминах – многокомпонентных, усложненных), которые характеризуются наличием в их составе не менее трех предикативных частей;

2) в ССЦ за счет предложений, разделенных точкой.

I. Полипредикативный П в структуре МСП. Различают следующие типы МСП предложений: многочленные сложносочиненные предложения; многочленные сложноподчиненные предложения; многочленные бессоюзные сложные предложения; многочленные сложные предложения с разными типами синтаксических связей [Николина 2001: 598].

Многочленные сложные предложения характеризуются группированностью/несгруппированностью структуры. В предложениях первого типа образуются уровни членения, которые могут быть оформлены как однотипной, так и разнотипной связями (1); в предложениях второго типа уровни членения отсутствуют (2). Примеры: 1) *Полевая трава сохнет, лес пустеет, и тогда далеко видно, как среди бледно-желтой травы и серого мха горят среди леса огромные зеленые факелы стланика* (В. Шаламов. Колымские рассказы). На первом уровне выделяются два компонента, соединенные сочинительной связью (союз *и*). На втором уровне членения рассматривается внутреннее строение каждого компонента.

2) *За стенками вагона гудел ветер, и сыпался снег, засыпая стенки, двери, и было жутко холодно, и крыши вагона звенели* (А. Солженицын. В круге первом). Здесь отсутствуют уровни членения, и синтаксическую конструкцию можно свернуть до минимальной (элементарной структуры). Такие предложения характеризуются однородностью своего состава. Уровни членения отсутствуют в МСП с повтором одного и того же подчинительного союза,

поскольку в этом случае имеет место однородное соподчинение [Валгина 1991: 363-364].

В грамматике отмечается, что сопоставительные и противительные союзы образуют двучастные закрытые структуры. Такой тип П может входить в МСП сгруппированной и несгруппированной структуры.

В исследованной нами грамматической литературе нет квалификации многосоюзных структур с указанными выше семантико-синтаксическими отношениями. Но в работе Н.И. Формановской, посвященной исследованию экспрессивных синтаксических структур («Стилистика сложного предложения», 1978), повтор сопоставительных, противительных союзов, в том числе и подчинительных, которые формируют двучастные закрытые структуры, определяется как **усложненная синтаксическая структура**, сочетающая какое-либо значение с соединительным [1978: 198]. Автор указывает: «Сама по себе эта перечислительность и повтор союза (причинно-следственного, противительного и т.д.) возможны потому, что части выстраиваются как однородные – с одинаковым модально-временным планом. Если же такой предпосылки нет, то повтор союза невозможен. То же при однородном соподчинении в подчинительных многочленах» [там же: 198].

Таким образом, повтор сопоставительных и противительных союзов возможен не по своей природе, а в силу дополнительных условий. Это обстоятельство обуславливает обязательное указание (в числе принципов формализации фигуры П) не только на **повтор** и **перечисление**, но и на **однородность**, которая является одним из важных условий в организации анализируемой фигуры. С одной стороны, такие предложения содержат более двух предикативных единиц, что является признаком МСП. Но при этом предикативные единицы соединены однотипными союзами, которые в лингвистике характеризуются как неповторяющиеся и составляющие закрытые структуры. С другой стороны, предикативные единицы, вступающие в сопоставительные и противительные отношения, могут быть «свернуты» до элементарной закрытой структуры предложения, т.к. между ними устанавливаются однородные отношения в силу того, что они одинаково соотносятся с предшествующей частью, т.е. третий и второй компонент однородной цепи предикативных единиц могут быть поставлены в позицию первого.

МСП с соединительными отношениями тоже характеризуются тем, что могут быть «свернуты» до элементарной структуры [Валгина 1991: 363-365]. На этом основании полипредикативный П с противительными и сопоставительными отношениями, реализующийся в контексте многочленного сложносочиненного предложения (или в составе многочленного сложного предложения с различными видами связи при включении П посредством бессоюзной связи), характеризуем как **особую – закрытую структуру, осложненную перечислением**. Таким образом, его нельзя отождествлять с многочленными сложносочиненными предложениями с соединительными отношениями и с многочленными

сложноподчиненными предложениями с однородным соподчинением, т.к. в последнем случае устанавливаются иерархические отношения.

Характеристика полипредикативного П исходит из классификации этой фигуры в зависимости от вида синтаксической связи и особенностей структуры МСП, которые были определены нами выше.

Мы выделяем следующие разновидности П в составе МСП:

А) полипредикативный П открытой структуры, характеризующейся повтором соединительных союзов;

Б) полипредикативный П закрытой структуры, осложненной перечислением, который представлен повтором сопоставительных и противительных союзов;

В) полипредикативный П в контексте однородного соподчинения (повтор подчинительных союзов).

Каждая частная разновидность охарактеризована с учетом смысловых синтаксических отношений, маркером которых являются союз и семантическое наполнение синтаксической единицы.

IA. Полипредикативный П открытой структуры с повтором сочинительных соединительных союзов.

В сложносочиненном многочленном предложении однородного состава возможны следующие варианты употребления союза: перед каждым членом, включая первый; перед каждым членом, начиная со второго; только перед последним членом ряда предикативных единиц. Все указанные варианты постановки союза могут быть представлены тремя схемами, где ПЕ – предикативная единица, Сс – сочинительный союз, n - число сочиненных предикативных единиц:

1) Сс ПЕ₁, Сс ПЕ₂, ... Сс ПЕ_n.

2) ПЕ₁, Сс ПЕ₂, ... Сс ПЕ_n.

3) ПЕ₁, ПЕ₂, ... Сс ПЕ_n.

Третья схема представляет собой нейтральный моносоюзный вариант, реализующийся в многочленном сложносочиненном предложении однородного состава. На этом основании она не включается в фигуральную разновидность, поскольку здесь отсутствует избыточность в употреблении союза между предикативными единицами.

Таким образом, П полипредикативного типа в контексте МСП однородного состава представлен двумя разновидностями, которые в общем виде характерны и для монопредикативного типа фигурального многосоюзия. Следовательно, можно говорить об универсальности сочинительных структур, с той только разницей, что в первом случае сочинены с помощью многократного повтора предикативные единицы, а во втором – однородные члены в составе простого предложения.

Примеры П данной разновидности: 1) *Перед нами расступались, как миражи, / Построенные чудом города, / Сама ложилась мята нам под ноги, / И птицам с нами было по дороге, / И рыбы подымались по реке, / И небо развернулось пред глазами* (А. Тарковский. Первые свидания); 2) *«Забыли ноне словечки-то. А, ты, глянь-ко, молодой, а знаешь. Мудрили, мудрили... А теперь кричат все. И те кричат: "Привет*

труду", **и** те орут: "Успех труду", **и** те: "Физкультпривет!"» (В. Солоухин. Мать-мачеха); 3) *Под коричневой корочкой дымилась мягкая плоть, не потерявшая природного вкуса, **да** сок тек по пальцам, **да** олений дух витал меж нами, **да** глаз был остр, **да** голова ясна, **да** мысли возвышены, и хотелось вчерашнему врагу руку положить на плечо и сказать: «Прости, брат!»* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом); 4) *«Какая странность: полное затмение, будто бесконечно долго падаешь в темном колоде, ждешь дна и чувствуешь вблизи могильную сырость каменных стен, но знаешь, уверен, что **и** удариться о них невозможно, **и** дна нет, **и** это безболезненное, безопасное падение будет вечно, жутко и радостно»* (Аргументы и факты, янв. 2005) – повтор соединительных союзов.

Полипредикативный П с однородностью частей содержит грамматический повтор (одинаковая модальность, соотношенность видо-временных форм), который предопределяет не только повторение союза, но и лексические повторы, сопровождающиеся синтаксическим параллелизмом (речевая илл. 2).

В подавляющем большинстве соединительные отношения в анализируемой разновидности фигуры П манифестируются повтором союза **и** (96 % от числа П в МСП открытой структуры); в редких случаях, которые отмечены нами в прозаических текстах, - повтором союза **да** (4 %).

Преимущественно полипредикативный П формирует описательный тип текстов художественной литературы (речевые илл. 1, 3, 4), при этом часто встречается в авторской речи (речевая илл. 3) или в описании, которое дается рассказчиком (речевая илл. 4). Сигналом особой эмоциональности является П в речи персонажа (речевая илл. 2).

В художественной литературе эта разновидность наиболее частотно представлена в поэтических текстах (48 % от общего числа указанной разновидности по всем обследованным стилям); менее – в прозаических фрагментах текста (39 %); редко отмечается в публицистических (11 %); нетипичное явление для научно-популярных (2 %).

ИБ. Полипредикативный П закрытой структуры, осложненной перечислением, с повтором сопоставительного или противительного союзов.

Примеры: 1) *Если б только земля да кров: **Но** у Вани ведь два самовара, **Но** у Вани ведь столько коров!* (М. Исаковский. Колхозники); 2) *Работягам доставляло удовольствие обсуждать сейчас это дело, стоя в стороне, и то, что такое случилось не в их смену, **а** в смену Петро, которого все недолюбливали, **а** в смену, которая всегда впереди* (А. Битов. Юбилей); 3) *Ржавые шарнирчики поскрипывают, **а** в груди транзисторы потрескивают, **а** из пасти капает солярочка, **а** в очках цифири перескакивают* (В. Максимов. Железный волк); 4) *Одни лягут в могилы, **а** другие смягчатся, отсыреют, **а** третьи все забудут, отрекутся, облегченно затопчут свое тюремное прошлое, **а** четвертые вывернут, **а** пятые скажут, что все это было разумно* (А. Солженицын. В круге первом); 5) *Крик и гвалт слышны, кто-то поет Окуджаву, **а** кто-то уже заснул, **а** кто-то на кого-то обиделся на всю жизнь. И так нам этого поначалу не хватало!* (Литер. газета, 26.12.1990).

Предикативные единицы, соединенные союзами **а**, **но**, выстроены при поддержке одинакового модально-временного плана в контексте однородности. Наряду с этим условием (обусловленная однородность)

возможность повтора таких союзов определяется дополнительными факторами: лексическим повтором (речевые илл. 1, 2, 5), синтаксическим параллелизмом (речевые илл. 1, 2, 5), количественной градацией (речевая илл. 4). Однако возможен указанный повтор и без дополнительных средств (речевые илл. 3, 4).

Повтор сопоставительных союзов преобладает (76 % от числа полипредикативного типа в составе МСП), а повтор противительных количественно уступает ему (24 %).

Большая распространенность этого типа П приходится на прозаические тексты художественного стиля (50 %), меньшая – на поэтические (36 %), наименьшая – на публицистику в газетных жанрах (14 %). Указанный тип нами не обнаружен в научно-популярных и собственно научных текстах.

IV. Полипредикативный П закрытой структуры, осложненной перечислением, в контексте однородного соподчинения (повтор подчинительных союзов).

Полипредикативный П реализуется путем не только повтора сочинительных союзов, но и подчинительных союзов. В этом случае П выявляется в структуре МСП с однородным соподчинением. Союз входит в состав придаточных, которые составляют по отношению к структуре предложения один компонент. В отличие от П в многочленных сложносочиненных предложениях П в контексте МСП находится в «неравных» отношениях: между главной предикативной частью и П устанавливаются «ранговые, иерархические отношения» [Уханов 1983: 94].

Полипредикативный П закрытой структуры, усложненной однородным соподчинением, имеет широкий спектр смысловых отношений, которые устанавливаются между главной и придаточной частями.

Примеры:

1) *Боюсь, что над нами не будет таинственной силы, Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом, Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...* (Н. Рубцов. Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны); 2) *Вечно забрызганная деревенской грязью полторка по ночам останавливалась под окнами сташковской квартиры, и тогда, проснувшись от шума, я слышал все: как негромко переговаривались незнакомые мужчины, как бестолково топотили сапожищами и побряхтывали, как затем грохали борта машины и урчал мотор* (В. Шанин. Горька ягода калинушка); 3) *Власти знали, что земля каждый год засеивалась, что посеянное зерно выращивалось в количестве, желательном большем, чем посеяно, что затем оно убиралось без потерь и хищений* (Аргументы и факты, янв. 2005) – **изъяснительные отношения**;

4) *Еще везло мне в игре, когда за горой солнце закатывалось в тучу и восходило не из тучи; когда корова наша первой откликнулась на голос пастушьей дуды; когда в печи головешки не оставались; когда дед Илья во дворе был и провожал меня взглядом; когда дядя Левонтий напивался, но не впадал в кураж, не диковал. Словом, много у меня было примет и причуд* (В. Астафьев. Последний поклон) – **условные**;

5) *Дарю тебе железное кольцо: Бессонницу – восторг – и безнадежность, Чтоб не глядел ты девушкам в лицо, Чтоб позабыл ты даже слово: нежность, Чтоб голову свою в шальных кудрях, как пенный кубок, возносил в пространство, Чтоб обратило в огонь - и в пепел – и в прах. Тебя твое железное спартанство* (М. Цветаева); 6) *Автору*

надобно иметь доброе, нежное сердце, **если** он хочет быть другом и любимцем нашей души, **если** хочет, чтобы дарования его сияли светом немерцающим, **если** хочет писать для вечности и собирать благословения народов (Карамзин) – пример взят из учеб. пособ. Д.Э. Розенталя «Практ. стил. р. яз.». 1998, с. 348) – **целевые**;

7) **Когда** притих весенний сад – летит пыльца. **Когда** влюбленные молчат – гудят сердца. **Когда** немой молчит – слышна его мольба. **Когда** труба молчит – она еще труба... И лишь когда молчит поэт – поэта нет (М. Максимов. О молчании) – **временные**;

8) Какое блаженство, **что** блещут снега, **что** холод окреп, а с утра моросило, **что** дико и нежно сверкает фольга на каждом углу и в окне магазина (Б. Ахмадулина. Какое блаженство...) – **причинные**;

9) **Пусть** жертвенник разбит – огонь еще пылает, **Пусть** роза сорвана – она еще цветет, **Пусть** арфа сломана – аккорд еще рыдает! (Н. Надсон. Не говори мне...) – **уступительные**;

10) Так идет, **что** ветви зеленеют, Так идет, **что** соловьи чумеют, Так идет, **что** облака стоят (П. Васильев. Стихи в честь Натальи) – **следственные**;

11) Нам такое не встречалось и во сне, **Чтобы** солнце загоралось на сосне, **Чтобы** радость подружилась с мужиком, **Чтоб** у каждого – звезда под потолком (М. Исаковский. Колхозник) – **определяющие**.

Полная факультативность союза возможна в конструкциях с изъяснительными и причинными отношениями (речевые илл. 1-3, 8), при этом отсутствуют дополнительные условия.

Изъятие союза во всех позициях также возможно в П с уступительными (речевая илл. 9), следственными (речевая илл. 10) и определяющими (речевая илл. 11) отношениями. Однако в таких случаях необходимы дополнительные условия, например, синтаксический параллелизм (речевая илл. 9), синтаксический параллелизм и лексический повтор одновременно (речевая илл. 11), указательные слова в главной части, которые формируют определенную обусловленность (речевые илл. 10, 11).

П, который реализуется в контексте условных, целевых и временных синтаксических отношений, характеризуется частичной факультативностью союза: в первой позиции невозможно изъять союз, а во второй и последующих возможно, т.к. союз в первой позиции маркирует синтаксические отношения, которые будут реализовываться между последующими придаточными и главной частью (речевые илл. 4-7).

П не может реализоваться в условиях синтаксических отношений места и присоединения, т.к. этот вид значений выражается только союзными словами (местоимениями).

В нашей выборке нет полипредикативного П с отношениями образа действия, меры и степени, сравнения.

Изъяснительные отношения наиболее часто представлены в П (30 % от общего числа конструкций полипредикативного П закрытой структуры с однородным соподчинением); условные отношения по распространенности занимают второе место (19 %); целевые – третье (15 %); временные – четвертое (14 %); причинные – пятое (11 %); уступительные – шестое (6 %); следственные – седьмое (5 %); определяющие – восьмое (3 %).

Отметим, что анализируемая разновидность П в большей степени характерна для поэтических текстов художественной литературы, в меньшей – представлена в прозе этого же стиля. Определенную распространенность эти фигуры имеют в газетно-публицистическом стиле. Для научно-популярных текстов такая разновидность не характерна. В собственно научных текстах нами выявлены единичные случаи употребления П, например: *Умение ориентироваться в ситуации общения – это умение осознавать: общее коммуникативное намерение, или мотив общения (спросить, сказать, побудить); задачу речи (зачем говорю или пишу: чтобы поделиться мыслями, чувствами, чтобы сообщить точные сведения, чтобы воздействовать на мысли, чувства и поведение собеседника)* (О. М. Казарцева. Культура речевого общения).

Полипредикативный П в наибольшей степени распространен в контексте МСП однородного состава (75 % от всех случаев полипредикативного типа по всем обследованным стилям), при этом чаще встречается в поэтических текстах; менее частотен он в контексте МСП с однородным соподчинением (16 %), редко представлен в контексте многочленного сложносочиненного предложения периферийного типа, характеризующегося закрытой осложненной структурой.

Данная разновидность может быть представлена одновременным сочетанием сочинительного и подчинительного союзов в контексте МСП. Примеры: 1) *Как много знал учитель! И что кольца у деревьев – это годы его жизни, и что сера сосновая идет на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из березы делают фанеру; из хвойных пород – он так и сказал – не из лесин, а из пород! – изготавливают бумагу, что леса охраняют влагу в почве, стало быть и жизнь речек* (В. Астафьев. Последний поклон); 2) *Такому таинственному человеку вроде и полагалось жить в избушке на курьих ножках, рядом с лесом, под увалом, и чтобы огонек в ней едва теплился, и чтобы над трубой ночами по-пьяному хохотал филин, и чтобы за избушкой дымился ключ, и чтобы никто-никто не знал, что делается в избушке и о чем думает хозяин* (В. Астафьев. Последний поклон).

Такого рода сочетание союзов используется в художественной литературе (прозе) для имитации детской речи (речевая илл. 1), для выражения несобственно-прямой речи (речевая илл. 2) и пр. назначений и составляет небольшую часть от общего числа этой фигуры (6 %).

II. Полипредикативный П в структуре ССЦ. Отдельные предложения не существуют в речи изолированно, но так или иначе сопоставляются, противопоставляются, вступают в другие смысловые отношения, нередко очень сложные, выражая движение, развитие мысли в определенном фрагменте текста, который может соответствовать ССЦ. Смысловые отношения, которые возникают между отдельными предложениями, могут формироваться за счет употребления того или иного союза. Когда мы говорим о ССЦ (или прозаической строфе – в терминах Г.Я. Солганика) [2001: 38]), то имеем в виду текстовую синтаксическую единицу.

Союз с одним и тем же значением, употребленный как средство связи между отдельными предложениями в составе ССЦ, можно признать «строительным материалом» фрагмента текста. Такой тип фигурального многосоюзного ряда мы называем полипредикативным, реализующимся в

ССЦ за счет самостоятельных предложений, разделенных точкой. (В работе Р.Р. Чайковского [1972: 112-130] он называется «внешним полисиндетоном».)

Примеры: *А дни бегут. А сила не вернется. / А старость бродит по моим следам.../ Пусть будет так. / Но все же сердце бьется, / И это сердце – без остатка там* (М. Исаковский. Услышь меня, хорошая);

Я учился очень давно. Тогда еще были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл – от пятерки до единицы включительно.

И я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в подготовительный класс. Мне было всего семь лет.

И я еще не знал, что бывает в гимназиях. И первые три месяца ходил буквально как в тумане.

И вот однажды учитель велел нам выучить наизусть стихотворение <...> А я его не выучил (М. Зощенко. Леля и Минька. Не надо врать);

И вот однажды наши родители ушли в театр, и мы с Лелей остались в комнате. И мы с ней стали играть на маленьком настольном бильярде.

И вот во время игры Леля, охнув, сказала <...> И я испугался, что Леля проглотила такой тяжелый шарик. И заплакал, потому что подумал, что у нее в животе будет взрыв (М. Зощенко. Леля и Минька. Тридцать лет спустя).

Употребление П в составе ССЦ составляет 17 % от общего числа примеров этой фигуры, извлеченных из всех обследованных нами стилей. Чаще всего она употребляется в прозаических художественных текстах (в повествовательных фрагментах), включая драматургические (43 %), затем – в публицистических (30 %), еще реже – в поэтических текстах художественной литературы (24 %), нетипично его употребление в научных и научно-популярных (3 % от общего употребления текстового типа). В рассмотренных выше конструктивных типах фигуры преобладают сочинительные союзы (89 % от всех случаев текстовой разновидности), а подчинительные союзы встречаются значительно реже (11 %).

Следует отметить, что полипредикативный П в составе МСП и ССЦ может характеризоваться как контактным расположением предложений, так и дистантным. При дистантном расположении имеет место прерывистость структуры фигуры за счет включения какого-либо синтаксического элемента, например: 1) *Сумерки надвигались, но прохлады не было. Бродячих собак стало меньше, и грязь будто поубавилось, а может быть, предвечерняя сиреневая мгла ее прикрыла, и запах нечистот сменился пряными благовониями, и выросли дома, разукрашенные ажурными балконами* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); 2) *И дальше его не покидали ровность и успокоенность, и все домашние радовались за него. И ему было приятно. Он успокоил домашних, что это так просто, чтобы никто не беспокоился за тебя. И на прощание он поцеловал внучку в лоб, чего обычно не делал* (А. Битов. Юбилей) – в первом и во втором примерах структура фигуры П прервана целым предложением.

Вставной компонент может выполнять определенные функции, в основном они связаны с информативной стороной фрагмента текста, но в некоторых случаях (особенно в публицистическом стиле) служит выражению оценки и усилению эмоций.

Наиболее распространен дистантный П в описательных типах текста (52 %). Достаточная встречаемость обнаруживается и в повествовательных контекстах, при этом повествовательная манера не нарушается включением, например, целого абзаца или прямой речи (47 %).

Дистантное расположение компонентов П в контексте рассуждения представлено менее всего, оно составляет 11 % от этой разновидности по всем обследованным типам текста.

В структуре П «вставки» приобретают выделенность на фоне многосоюзного повтора. Таким образом, эта фигура является своего рода фоном, который оттеняет важную информацию о ком-либо или о чем-либо. Такое явление характерно для текстов, извлеченных из художественной литературы.

2.2. Разновидности полисиндетона относительно структуры синтаксической единицы

Здесь будут определены разновидности фигуры многосоюзия, которые имеют определенную специфику расположения по характеру отношения к таким синтаксическим единицам, как простое предложение (однородный ряд), МСП и ССЦ, представлены предложениями, разделенными точкой.

2.2.1. Контекстуально не обусловленный полисиндетон

Эта разновидность характеризуется повтором одноместного союза с соединительными отношениями.

На основе анализа П установлено, что в одних конструкциях союз может употребляться перед первой синтаксической единицей ряда, в других – после второй. В первом случае, как правило, используется многоместный союз, а во втором – одноместный повторяющийся союз, который занимает место между соединяемыми единицами предложения. На необходимость разграничения таких союзов (по характеру употребления) неоднократно указывалось в синтаксической литературе [Хлебников 1965: 52-56; Белошапкина 1981: 354; Русская грамматика 1982, т. 1: 718; Краткая ... 1989: 334; Санников 1989; Лингвистический .. 1998: 484].

Примеры: 1) *Один раз была у меня попытка выйти замуж. Знакомые настояли – давай и давай, такой есть славный человек: **и** не пьет он, **и** зарабатывает, **и** разведен он – свободен то есть* (Вовремя, 29.09.1999); 2) *Я вдоволь пострелял на своем веку **и** вдоволь поблаженствовал, слыша победные трубы, **и** я вдоволь позадыхался, спасаясь бегством от преследователей, **и** наплакался при виде хладных тел вчера еще живых<...>* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом).

В первой конструкции первый элемент союза предопределяет появление второй синтаксической единицы с подобным элементом, ее начинающим, а также возможна постановка и третьего, и четвертого и т.д. союза перед каждой последующей синтаксической единицей, что потенциально может способствовать созданию экспрессивности текста на

синтаксическом уровне. Повторение же союза во втором примере факультативно во всех позициях.

В «Русской грамматике» (1982) отмечается, что на уровне сложного предложения необходимым условием употребления многоместных союзов (и...и, ни...ни и т.п.) является «тесная смысловая связь всего оформляемого ими сложного предложения с предшествующим контекстом, в котором, как правило, содержится предпосылка, требующая мотивировки, разъяснения [1982: 618]. Это обуславливает обязательность первой части союза, которая прогнозирует появление второй его части. Пример: *От духоты ли магазина, но ей стало плохо, и потом ей уже все было немило, и она ничего не хотела выбирать, и мне стоило большого труда убедить ее взять хоть что-нибудь, и я пошло шутил что-то такое насчет моих ночных сорочек, которые пришли в ветхость* Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

В художественной литературе встречаются конструкции с многосоюзием, в которых повторяется простой одноместный союз, располагающийся перед первой предикативной единицей, т.е. наблюдается полное совпадение плана выражения средств связи таких конструкций с конструкциями, в которых используется многоместный союз, например: *Я неизменно отвечал ей: «Нет, я лучше посижу». И сидел один в молчании, и мне было скучно, и голова моя была, очевидно, занята какими-то важными размышлениями* (Н. Заболоцкий. Ранние годы).

Однако первый союз *и* в таких построениях выполняет функцию текстовой скрепы и указывает на зависимость первой (но только первой) предикативной единицы многочленного сложного предложения от предтекста, а каждый следующий за ним союз *и* – на внутрипредложенную связь и является структурно факультативным. Доказательством самостоятельности каждого союза *и*, а также выполнения первым простым союзом *и* функций текстовой скрепы в подобных конструкциях может служить прием свертывания конструкций до одной предикативной единицы. Факультативность союза объясняет случаи одновременного оформления сочинительного ряда союзным и бессоюзным способом. Примером такого употребления может служить сочинительный ряд однородных членов предложения следующего типа: *Все, что есть в этом доме, должно служить этой идее. Музыка, свет, слова, стенания и проклятия, и восторженные славословия, и молитвы благодарности, и лицезрения Страшного суда ...* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом).

Из вышеприведенных примеров видно, что употребление многоместного союза или простого повторяющегося – во всех случаях реализация фигуры П, которая характеризуется повтором союза, ощущаемого как избыточный, что отвечает фигуральной схеме данной синтаксической конструкции, а также главному критерию при разграничении экспрессивного многосоюзия и фигуры П: возможности/невозможности изъятия союза из структуры многосоюзия.

Конструкции с одноместным повторяющимся союзом, таким образом, являются **контекстуально обусловленными**, поскольку в этом случае нет

зависимости П от предтекста. Одноместный повторяющийся союз (речь идет только о сочинительных союзах) факультативен во всех позициях.

2.2.2. Контекстуально обусловленный полисиндетон

П с многоместным союзом может характеризоваться некоторыми (особыми) контекстуальными условиями функционирования в том случае, когда она вводится в текст обязательно при помощи предшествующего фрагмента, который прогнозирует ее появление в качестве одного из вариантов синтаксической формы завершения микротемы.

Контекстуальная связь с предтекстом может реализоваться на уровне однородных членов предложения (1), на уровне предикативных единиц в составе МСП (2) и на уровне отдельных предложений в ССЦ (3).

Примеры: 1) *Да и мы здесь, в Липеньках, стараемся по мере сил не ударить лицом в грязь. И все музыканты моего оркестра, и все повара с моей кухни, и все лакеи, и все, и все чистят перышки тревожными клювами и прихорашивают* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом); 2) *Люди умеют преодолевать страх: и дети идут в темноту, и солдаты идут в бой, и парень делает шаг и прыгает с парашютом в бездну* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); 3) *Собрались на прошлой неделе выпускники одного хорошо знакомого мне класса, посудили-порядили и решили: надо ехать. Всем классом. И желательна в Америку. И не налоги изучать, а жизнь свою обустроить. И заметьте: ни один из класса не вознамерился дело свое здесь начинать <...>* (Литер. газета, 26.12.1990).

Данное свойство таких конструкций, по определению Н.А. Дьячковой, можно обозначить как контекстуальную несвободу, которая не отождествляется с понятием синсемантических слов, а также отграничивается от информативной несамодостаточности, заложенной в структурной схеме предложения или возникающей в результате ее неполной реализации (неполные и имплицитные конструкции), где эти явления лежат на поверхности [Дьячкова 2013: 34].

При рассмотрении синтаксической организации фрагмента текста, составным компонентом которого является П, можно отметить, что контекстуальная несвобода этой фигуры предполагает необходимость ее включения в более сложное построение, с которым она составляет смысловое целое и в составе которого реализует свое коммуникативное и стилистическое назначение.

Контекстуальная зависимость и относительно фиксированный порядок расположения (чаще используется в постпозиции) указывает на то, что конструкция фигуры П является составным компонентом определенной синтаксической единицы, т.е. контекстуально зависима.

Контекстуально обусловленным может быть монопредикативный (А), полипредикативный в составе МСП (Б) и в составе ССЦ (В) П.

А. Контекстуально обусловленный монопредикативный П. Как показывают примеры, контекстуально зависимый монопредикативный П может употребляться в однородном ряду, при котором находится обобщающее слово (в этом случае употребляется многоместный союз).

Здесь возможно выделить несколько разновидностей постановки обобщающего слова относительно П: обобщающее слово (слова)

предшествует П в контексте однородного блока (1); обобщающее слово (слова) следует за П (2); П, стоящий после обобщающего слова (слов), не заканчивает собой предложение, т.е. занимает интерположение в синтаксической единице (3); дистантное расположение обобщающего слова (слов) в препозиции или в постпозиции (4).

A1. Обобщающее слово расположено в препозиции по отношению к П: 1) *Все было как-то просто и очень хорошо: и актеры, и режиссеры, и вся атмосфера* (Московский комсомолец, сентябрь 1999); 2) *Полное впечатление, что я в добровольном странствии, когда возникла внутренняя потребность изучить землю, нравы, обычаи, когда все тебе предшествует: и природа, и климат, и встречные* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Преимущественно члены фигурального многосоюзия выступают в роли подлежащего, выраженного существительными либо его эквивалентами. Такое употребление составляет 85 % от числа П с соединительными отношениями при обобщающем слове, находящемся в препозиции. Лишь 15 % формируют однородные дополнения, например: 3) *Ученый должен все знать о политике – и разведанные, и секретные замыслы, и протоколы* (А. Солженицын. В круге первом).

В представленных выше речевых иллюстрациях в большинстве случаев в качестве обобщающего слова выступает определительное местоимение *все* и его различные морфологические формы (речевые илл. 1-3).

Отмечаются случаи, когда П не предшествует обобщающее слово, но двоеточие ставится, т.к. автор этим знаком предупреждает читателя, что далее следует перечисление. Здесь двоеточие и П выступают как актуализаторы фрагмента синтаксической единицы, например: *Нас нет, но в крутых закоулках Тифлиса / Мы встретимся: и Гия, и Шура, и я* (Б. Ахмадулина).

Как показывает этот пример, в котором нет специализированного средства обобщения, функцию обобщающего слова в этом случае выполняет сказуемое, непосредственно предшествующее однородным членам – подлежащим или дополнениям. Такие разновидности, в контексте которых реализуется П, имеют место в и научно-популярных текстах: *Для получения сбора необходимо взять: и ромашку, и зверобой, и обязательно шалфей* (Краткий лечебный справочник).

Встречаются случаи, когда обобщение в препозиции и П имеют парцеллированное оформление. Парцелляция является дополнительным средством выделения прагматически значимой части предложения: *Хотелось устроиться поудобнее, чтобы все нашло свое единственное место. И рука, и голова, и ноги* (А. Битов. Юбилей).

Употребление обобщения в препозиции относительно П составляет 37 % от общего числа примеров этой фигуры, стоящей в однородном обобщенном ряду членов предложения.

В большинстве случаев встречаются однородные ряды П с соединительным союзом *и* (86 % от числа примеров фигуры, расположенной после обобщающего слова); в меньшей степени – с соединительным союзом *ни* (14 %).

А2. Обобщающее слово, **следующее** за П (в постпозиции), отделяется от него тире. Это соответствует нормам пунктуации [Розенталь 1998: 44]. Например: *И Менделеев, и Тимирязев, и Козловский – все были студентами* (Аргументы и факты, май 2005); *У них [сельчан – М.В.] и характер совсем другой, и поведение, и разговор, кажется, и даже самый склад ума – все другое, не похожее на поэтов* (В. Солоухин. Мать-мачеха).

Преимущественно компоненты П являются подлежащими, выраженными именами существительными.

Употребление подлежащих составляет 82 % от числа П с соединительными отношениями при обобщающем слове (словах), находящемся в постпозиции; только 18 % приходится на употребление однородных дополнений.

Отмечаются случаи, когда в качестве обобщения в постпозиции нет специализированного средства. Здесь имеет место употребление сказуемого, которое реже встречается в постпозиции, нежели в препозиции, например: *Меж наших двух сердец – туман клубится. Жимолость и сырость, и живопись, и сад, и Сван – к единой муке **относились*** (Б. Ахмадулина. Прощай! Прощай!...); *И горький дым костра, и горький дух полыни, и горечь волн – **останутся** во мне* (С. Наровчатова. Рождение стиха). Отсутствие обобщающего слова в постпозиции – характерное явление для поэтических текстов художественной литературы.

Употребление обобщения в постпозиции относительно монопредикативного типа П составляет 45 % от общего числа примеров этой фигуры, реализующейся в однородном обобщенном ряду членов предложения. На долю монопредикативного П с предшествующим обобщением приходится меньший процент употребления по сравнению с этим же типом, но с обобщением в постпозиции. Можно предположить: такое состояние частотности употребления можно объяснить тем, что повтор союза является доминантным средством актуализации фрагмента предложения по сравнению с позицией обобщения. Постпозиционное употребление служит дополняющим средством на фоне сильного средства выделения – П.

Нами отмечены случаи, в которых П монопредикативного типа с обобщением в постпозиции сопровождается парцелляцией: *И в газетах воззвания печатала, и особые красочные плакаты вывешивала, и дружескую провокацию устраивала. **Чего-чего** только не делала* (М. Зощенко. Полетели).

А3. Монопредикативный П, стоящий в интерпозиции по отношению к синтаксической единице.

Если однородные члены многосоюзного фигурального ряда, стоящие после обобщающего слова, не заканчивают собой предложение, то перед ними ставится двоеточие, а после – тире [Розенталь 1998: 45].

Примеры: 1) *Зелени разной: и цветам, и малиннику, и душистой мяте, и крапиве (а что ж, и крапиве) – всему вольготно расти возле Скворенушки* (В. Солоухин. Мать-мачеха); 2) *Песне тысячи лет, / а нова: / будто только что / полночью сложена; / от нее: / и луна, / и трава, / и деревья - / стоят замороженно* (Н. Асеев. Соловей).

В большинстве случаев компоненты П являются подлежащим, выраженным именем существительным. Употребление однородных

подлежащих в интерпретации по отношению к структуре предложения составляет 83 % от числа П, находящихся в интерпозиции; 17 % приходится на употребление однородных дополнений.

Монопредикативный П с участием соединительного союза **и** встречается во всех функциональных разновидностях, которые исследовались в нашей работе.

Употребление П в интерпозиции относительно монопредикативного типа составляет 13 % от общего числа примеров этой фигуры, реализующейся в однородном обобщенном ряду членов предложения.

В большей степени употребляются однородные ряды с повтором соединительного союза **и** (85 % от числа примеров фигуры в интерпозиционном расположении); в меньшей степени – с соединительным союзом **ни** (15 %).

А4. В исследовательском материале имеются немногочисленные примеры, в которых обобщающие слова расположены **дистантно** по отношению к П. Примеры: 1) *А камни все стонут, / И с ветром сливаясь, / Тот гул превращается в яростный крик: / - Запомнили все мы, / Как бомбы взрывались / И храм, и светильник, и каменный лик* (О. Джалил. Кричащие камни); 2) *Конечно, господин Ван Шонховен заметно повзрослел. Это бросалось в глаза при первом же взгляде. Не только рост, но и осанка, и жесты, и манера изъясняться, что так свойственно мальчикам в пору созревания, когда они начинают осознавать себя маленькими мужчинами и пытаются под небрежностью интонаций скрыть рвущуюся из глубин непосредственность, - все это говорило о том, что господин Ван Шонховен перевалил известный рубеж <...>* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Случаи дистантного расположения П и обобщения имеют место в художественной литературе. Обобщающие слова располагаются дистантно либо в препозиции (речевая илл. 1), либо в постпозиции (речевая илл. 2).

Дистантное употребление обобщения относительно монопредикативного фигурального многосоюзия составляет всего 5 % от общего числа примеров этой фигуры, реализующейся в однородном обобщенном ряду членов предложения.

Рассмотренная разновидность анализируемой стилистической фигуры представлена только повтором соединительного союза **и**.

Члены однородного многосоюзного ряда могут быть выражены либо подлежащим-существительным, либо дополнением-существительным. Употребление подлежащих составляет больший процент (73 % от числа П, располагающихся дистантно по отношению к обобщающему слову); меньший процент приходится на использование однородных дополнений (27 %).

Б. Контекстуально обусловленный полипредикативный П в составе МСП.

Эта разновидность П может быть связана с предшествующим фрагментом синтаксической единицы двумя основными способами: предшествующая часть и П связаны бессоюзно (1); П вводится союзной подчинительной (2) или сочинительной (3) связью.

Б1. Бессоюзный тип связи П с предтекстом: 1) *Путчисты в августе 91-го были человечнее: тогда и свет горел, и горячая вода была, и правительственная и всякая другая связь работала* (Комсом. правда, 29.09.1993); 2) *Помните мое слово: и ходить он будет, и руки, в общем, целые у него, и будет видеть...* (И. Третьяков. В ночь на Победу).

Такое построение частей МСП является наиболее типичным (составляет 58 % от числа контекстуально обусловленных полипредикативных П).

Речевая ситуация может способствовать разрыву единой структуры МСП, в результате которого и поясняемая, и поясняющая части функционируют часто как самостоятельные единицы, например: *Правда, как ни посмотри, сплошные резоны. И на людях всегда (это Фаина очень любит), и уважают, и денежки несут, и не скучно* (Вовремя, 26.02.1995).

Однако самостоятельность данных конструкций, на наш взгляд, относительна, выражена лишь пунктуационно. Можно предположить, что точка в указанном примере является не чем иным, как сигналом интонационного разрыва, который выступает «как средство речевой композиции, членения, актуализации частей высказывания, но совершенно ясно, что все это накладывается на структуру предложения сверху, не меняя, не разрывая формальных зависимостей, связывающих элементы предложения» [Ванников 1979: 84]. В этом случае можно говорить о парцеллированном способе вхождения П.

Б2. Подчинительная связь также может выступать грамматическим средством выражения семантических отношений между главной и зависимой частью, содержащей П: 1) *Взором опять же бывшего оперативника отметил он, что и чайник на нее ставили, и кошка на ней сидела, и кто-то пролил на полку чай* (В. Астафьев. Последний поклон); 2) *Отказать ему в сочувствии было свыше моих сил, да и предприятие показалось волнующим, хотя я и несколько охладил его пыл, и внес поправки, и умерил его преждевременное торжество, и, как говорится, провел по идее тонким наждаком* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Наибольшую распространенность имеют конструкции МСП с вхождением П посредством изъяснительных, причинных и уступительных отношений.

Такая связь П с предтекстом по распространенности занимает второе место (28 % от числа примеров контекстуально зависимой полипредикативной фигуры П).

Б3. Третьим типом связи П с предтекстом является **сочинительная**, например: *Была ночь без единой звездной крапинки, а теперь и горы видны, и реки, и блеска полно* (В. Матушкин. Любаша).

Сочинительная связь между предтекстом и П наименее распространена (14 % от числа примеров этой разновидности).

В) Контекстуально обусловленный полипредикативный П в составе ССЦ.

Особую малочисленную группу составляют построения, где конструкция открытого типа с фигуральным повтором союза с предшествующим фрагментом текста образуют сверхпредложенческую

единицу – ССЦ, «функция которого сводится к тому, чтобы наиболее эффективно интегрировать некое содружество предложений, подчиненных одной теме» [Ильенко С.Г. 1989: 38]. Пример: *Если вы спросите меня: «Ты счастлива?» – я отвечу: «Абсолютно! И ничего больше в жизни не хочу! Хотя... нет, хочу. Чтобы у нас был большой дом в Петербурге или его окрестностях. И в этом доме пахло бы пирогами. И мы жили там со своей огромной семьей: детьми, внуками, правнуками. И мы бы вместе состарились...»* (Вовремя. 30.07.1999). В данном случае П несет информацию о следствии, вытекающем из ситуации, и об исчерпанности микротемы, а также служит акцентным выделением каждого предложения, обеспечивая эффект «расчлененного восприятия» [Мозгалова, Мокурангуолали 1993: 36].

Таким образом, здесь фигура П является составным компонентом текстовой единицы и образует с предтекстом семантическое целое.

Анализ исследовательского материала показывает, что более часто встречается контекстуально обусловленный П монопредикативного типа (53 %); менее часто – полипредикативный П в составе МСП (37 %); мало распространена контекстуально обусловленная полипредикативная разновидность исследуемой фигуры в составе ССЦ.

Контекстуально зависимый П составляет меньший процент употребления (36 % от числа этой разновидности всех уровневых реализаций), а контекстуально не зависимый – больший (64 %).

2.3. Разновидности полисиндетона относительно его места в структуре текста

Если П реализуется в пределах таких синтаксических единиц, как простое предложение (однородный ряд), МСП, ССЦ, то он составляет микроструктуры относительно композиции произведения. Если же он по протяженности равен всему произведению, то имеет место макроструктура фигуры П.

2.3.1. Микроструктурный полисиндетон

Микроструктурный П характеризуется тем, что он занимает определенный фрагмент текста в структуре композиции произведения. Он представлен такими разновидностями, как монопредикативный (1), полипредикативный в составе МСП (2) и ССЦ (3) с различными смысловыми отношениями, выражающимися в контексте сочинения и соподчинения.

Примеры: 1) *В китайской шкатулке хранятся наиценнейшие бабушкины ценности, в том числе и леденцы. Их у нас и на куличи прицепляли, и на сладкие пироги, и просто так сосали эти сладчайшие лампасейки, у кого они, конечно, велись* (В.Астафьев. Последний поклон); 2) *Шло ему это имя, что ли? Наверное, шло. И теплота в нем была, и улыбка необходимая, и простота была* (В.Астафьев. Сибиряк); *Но если мать бросила своего первенца, если она оказалась столь неблагородной по отношению к людям, которые о нем заботились всю жизнь, если она, отказавшись от каких-либо обязательств, предъявила на сына права, когда он стал достаточно взрослым, - какая же это мать?* (Известия, 25.04. 2003); 3) *И прежде чувствовал Иван Петрович, что силы его на исходе, но никогда еще так: край да и только. <...> И предстоящая неделя,*

последняя рабочая неделя показалась теперь бесконечной – дольше жизни. <...> **И** с чего так устал? (В. Распутин. Пожар).

Эта разновидность встречается во всех проанализированных нами стилевых разновидностях и составляет количественное преимущество над макроструктурами (95 %).

2.3.2. Макроструктурный (текстовый) полисиндетон

Большинство исследователей наивысшим типом текста считают его письменную разновидность (см., например: [Ильенко 1989: 26]). Однако в последнее время в лингвистике все чаще указывается на то, что текст может существовать как в письменной, так и в устной форме, при этом минимальной единицей текста признается высказывание или предложение [Норман 1994: 16].

Мы определяем макроструктурные (текстовые) реализации П, исходя из понимания текста как целого произведения.

Под макроструктурным П мы понимаем такую разновидность фигуры, объем которой равен объему всего произведения. П здесь выступает как структурный организатор композиции всего произведения в малоформатных жанрах (рассказ, стихотворение и нек. др.) художественной литературы. Макроструктурный П выявлен только в стиле художественной литературы (проза, поэзия), например: 1) **И** тучи оводов вокруг равнодушных кляч, / **И** ветром вздутый калужский родной кумач, / **И** посвист перепелов, **и** большое небо, / **И** волны колоколов над волнами хлеба, / **И** толк о немце, доколе не надоест, / **И** желтый-желтый – за синею рощей – крест, / **И** сладкий жар, **и** такое на всем сиянье, / **И** имя твое, звучащее словно: ангел (М. Цветаева. И тучи оводов ...).

Примером П, организующего синтаксическую композицию целого прозаического текста, может служить рассказ М.Зощенко «Леля и Минька. Елка».

В этом рассказе имеет место П макроструктуры с различными союзами *а*, *и*; также встречается чередование анафорического и неанафорического расположения союза относительно абзаца, при этом фигуральная структура прерывается включением диалога. Такие включения мы не считаем разрушением макроструктуры фигуры, т.к. они следуют не линейно в структуре фигуры, а параллельно повествованию. Здесь обнаруживается параллельное расположение авторской (в данном случае – рассказчика) и диалогической речи.

П как организатор целого произведения встречается крайне редко (5 % от всех случаев фигуры многосоюзия по всем обследованным стилям).

Выводы

1. При выделении структурно-семантических разновидностей фигуры П нами учитываются следующие общие основания: 1) тип синтаксической единицы, в составе которой реализуется исследуемая стилистическая фигура (однородные члены предложения, многочленное сложное предложение, сложное синтаксическое целое) с учетом вида синтаксической связи (сочинения, подчинения, соподчинения) и семантико-синтаксических

отношений, которые реализуются в контексте фигуры (монопредикативная и полипредикативная разновидности); 2) расположение П относительно структуры синтаксической единицы (контекстуально не обусловленная и контекстуально обусловленная разновидности); 3) тип текстовой единицы (фрагмент текста, целый текст), в которой реализуется П (микроструктурная и макроструктурная разновидности).

2. Под монопредикативным П открытой структуры мы понимаем фигуральный повтор сочинительных союзов с соединительными отношениями в контексте однородного ряда, который формируется за счет перечисления членов предложения, а **под монопредикативным П закрытой структуры, осложненной перечислением** типа связи, мы понимаем фигуральный повтор сочинительных союзов с сопоставительным и противительным значениями в контексте однородного ряда, который формируется за счет перечисления членов предложения.

Монопредикативный П встречается в нераспространенном и распространенном однородных рядах. При этом компоненты П могут располагаться либо контактно, либо дистантно. В последнем случае имеет место прерывистость структуры фигуры за счет вводного слова или слов. Фигура П с контактным расположением компонентов ее структуры составляет количественное преимущество по сравнению с дистантным, парным (74 % от общего числа обозначенных выше разновидностей).

По распространенности-нераспространенности больший процент принадлежит распространенным конструкциям П в контексте однородного блока (69 %); меньший – нераспространенным (31 % от всех случаев П в контексте однородного ряда по всем исследованным стилям).

Компоненты монопредикативного П могут быть представлены в виде парного расположения относительно друг друга в его структуре на уровне однородных членов предложения. В этом случае имеет место только сочинительный союз *и*.

Исследовательский материал показывает, что в структурах монопредикативного П чаще всего встречаются однородные члены (подлежащее, дополнение, обстоятельство), выраженные именем существительным. Это подтверждает наше положение о том, что асиндетон противопоставлен П по характеру морфолого-синтаксического выражения членов однородного ряда: асиндетон преимущественно содержит перечисление глагольных словоформ, а П – субстантивов.

Первое место по частотности употребления занимают открытые структуры П с соединительными отношениями (70 % от числа П, реализующихся в пределах однородного ряда по всем исследованным стилевым разновидностям). Второе место принадлежит структурам, которые содержат повтор сопоставительного союза (20 %). Третье – структурам П с повтором противительного союза (10 %).

Полипредикативные разновидности П реализуются в МСП и в ССЦ (в последнем случае за счет предложений, разделенных точкой).

Мы выделяем следующие разновидности П в составе МСП: а) **полипредикативный П открытой структуры**, характеризующейся повтором соединительных союзов; б) **полипредикативный П закрытой структуры**, осложненной перечислением, характеризующейся повтором сопоставительных и противительных союзов; в) **полипредикативный П в контексте однородного соподчинения** с повтором подчинительных союзов.

Полипредикативный П может быть представлен одновременным сочетанием сочинительного и подчинительного союзов в контексте МСП.

Такого рода сочетание союзов используется преимущественно в художественной литературе (прозе) и составляет небольшую часть от общего числа примеров этой фигуры (6 %).

Полипредикативный П в составе МСП в наибольшей степени распространен в контексте сложносочиненного предложения однородного состава (75 % от всех случаев полипредикативного типа по всем исследованным стилям), при этом чаще встречается в поэтических текстах; менее частотен он в контексте МСП с однородным соподчинением (16 %), мало представлен в контексте многочленного сложносочиненного предложения, характеризующегося закрытой структурой, осложненной перечислением (9 %). Употребление П в пределах ССЦ составляет 17 % от общего числа примеров этой фигуры, извлеченной из всех обследованных нами стилей.

Полипредикативный П в составе МСП и ССЦ может характеризоваться как контактным расположением предложений, так и дистантным. При дистантном расположении имеет место прерывистость структуры фигуры за счет включения какого-либо синтаксического элемента.

Наибольшая распространенность дистантного расположения предикативных единиц П обнаружена в описательных типах текста (52 %). Достаточная встречаемость выявлена и в повествовательных контекстах, при этом повествовательная манера не нарушается включением, например, целого абзаца или прямой речи (47 %). Дистантное расположение компонентов П в контексте рассуждения представлено менее всего, оно составляет 11 % от этой разновидности по всем исследованным типам текста.

3. Контекстуально не обусловленный П характеризуется повтором одноместного союза с соединительными, сопоставительными и противительными отношениями в структуре однородного ряда и предикативных единиц, а **контекстуально обусловленный П** – повтором многоместного союза с соединительными отношениями в структуре однородного ряда и предикативных единиц.

Анализ исследовательского материала показывает, что более часто встречается контекстуально обусловленный П монопредикативного типа (53 %); менее часто – полипредикативный П в составе МСП (37 %); мало распространена контекстуально обусловленная полипредикативная разновидность исследуемой фигуры в составе ССЦ.

Контекстуально зависимый П составляет меньший процент употребления (36 % от числа случаев этой разновидности во всех уровнях реализациях), а контекстуально не зависимый – больший (64 %).

4. **Микроструктурный** П характеризуется тем, что он соотносится с определенным фрагментом текста и представлен монопредикативными и полипредикативными разновидностями.

Эта разновидность встречается во всех проанализированных нами стилевых разновидностях и имеет количественное преимущество над макроструктурами (95 %).

Под **макроструктурным** П мы понимаем такую разновидность фигуры, объем которой равен объему всего произведения. П здесь выступает как структурный организатор композиции всего произведения в малоформатных жанрах (рассказ, стихотворение и нек. др.) художественной литературы.

П как организатор целого произведения встречается крайне редко (5 % от всех случаев фигуры многосоюзия по всем исследованным стилям).

Глава III. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОЛИСИНДЕТОНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Леонтьев функции языка определяет как обязательные, которые проявляются в любой речевой ситуации (коммуникативная, аккумулятивная, национально-культурная, когнитивная) [Леонтьев 1974]. Функции речи считают вторичными, к их числу относят: поэтическую, репрезентативную, экспрессивную, апеллятивную, фатическую, метаязыковую и нек. др. (см. подробнее: [Якобсон 1975], а также: [Гольдин, Сиротина, Ягубова 2001: 33-50] и др.).

В речи могут создаваться смысловые и коммуникативно-прагматические эффекты в результате использования стилистических приемов. В этом случае можно говорить о стилистической функции. При этом следует иметь в виду, что необходимо различать такие понятия, как функция (предназначение языковой единицы) и цель (коммуникативное задание) [Пекарская 2000: 193-197]. В лингвистической литературе эта функция не имеет однозначного определения, ее перечни также могут быть представлены по-разному.

И.В. Арнольд под стилистической функцией понимает «<...> выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации» [Арнольд 2002: 82].

Всякое изучение функций стилистических фигур (вообще стилистических средств) – это изучение их воздействия на читателя, то есть рассмотрение их прагматического характера, о чем в свое время писали Б.В. Томашевский [1929: 20], Р.Р. Чайковский [1972: 10-11]. Этим объясняется и то большое значение, которое придается в нашей речи прагматическому аспекту изучения стилистических фигур.

Под стилистической функцией в нашей работе понимается «предназначенность (роль) языковой/речевой единицы в достижении того или иного стилистического задания» [Копнина, Сковородников 2005: 318]. Стилистическая функция фигуры П заключается в выполнении ею определенной роли в том или ином стиле речи помимо выражения собственно грамматического значения (выражение вида связи и смысловых отношений между однородными членами, предикативными единицами и отдельными предложениями).

В лингвистических работах для обозначения общей стилистической функции используется термин «инвариантная функция» (постоянная). К постоянной функции П мы относим **усилительно-выделительную**, поскольку избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или всего текста (редко). За счет этого возникает их выделенность, что приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений.

Широта исследования П в подстилях художественной литературы, а также в публицистическом, научно-популярном и собственно научном

стилях мотивируется необходимостью определения широкого диапазона стилистико-прагматических функций анализируемой фигуры.

Таким образом, стилистическая фигура П в определенном контексте является носителем конкретной прагматической информации, которая воздействует на человека целенаправленным способом, формируя мысли, чувства, волю адресата, и, как следствие этого, осуществляет воздействие в целом на поведение человека.

3.1. Функционально-стилевая распределенность полисиндетона и его основные функции

В нашей работе используется признанная классификация стилей, разработанная академиком Д.Н. Шмелевым [1977]. Интерпретируя эту схему, Е.Н. Ширяев выделяет два ее уровня: на первом, высшем, уровне классификации вычлняются три функциональные разновидности: разговорная речь, язык художественной литературы и функциональные стили. На втором уровне классификации стили подразделяются на официально-деловой, научный (научно-популярный) и публицистический (газетно-публицистический) [Ширяев 1996: 27].

Давая функционально-стилистическую характеристику П, мы не оставляем без внимания вопрос об употреблении этой фигуры не только в языке художественной литературы (прозе, поэзии, драматургии) и в публицистике, но и в собственно научном, научно-популярном стилях. В нашей работе разграничиваем собственно научные и научно-популярные тексты (см. о разграничении этих текстов: [Гальперин 1958]).

В официально-деловом стиле речи П как стилистическая фигура не используется, хотя и не исключается возможность употребления многосоюзных конструкций нефигурального типа. Природа официально-делового стиля такова, что в нем менее всего допустимы эмоционально-оценочные средства языка. Нельзя утверждать, что деловая речь лишена выразительности, «но она направлена на наилучшее языковое воплощение основных стилистических черт деловой речи <...>» [Кожина 1993: 176]. Поэтому данный стиль на предмет использования в нем многосоюзия как стилистической фигуры нами не рассматривался.

Не анализировались и тексты собственно разговорной речи, т.к., по нашим наблюдениям, многосоюзные конструкции в разговорной речи по большей части воспринимаются как случайные, иногда как коммуникативно не оправданные и нецелесообразные.

3.1.1. Полисиндетон в художественной прозе, поэзии и драме

Наибольший интерес для стилистического анализа представляет, безусловно, язык художественной литературы, главным отличием которого является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность. Вся организация языковых средств в художественной литературе подчинена не просто передаче содержания, а передаче

художественными средствами. «Язык произведений искусства оценивается прежде всего с позиций самого искусства» [Скворцов 1996: 120].

Определяющей чертой художественного стиля является так называемая художественно-образная речевая конкретизация, суть которой состоит в точном соответствии выбранного автором слова данной, рожденной им же мысли – «в таком соответствии, при котором мысль неразрывно сливается со словом» [Солганик 1996: 205]. По мнению М.Н. Кожиной, это самая общая стилевая черта художественной речи, объясняющая «тайну» воздействия на читателя (слушателя) поэтического (в широком смысле) слова [Кожина 1993: 204-205].

На сегодняшний день существует две теории, решающие проблему образности художественной речи. Первая связывает образность художественного произведения с существованием в языке образных слов (в первую очередь, тропеических). Однако, как пишет Г.Я. Солганик: «Если сводить образность языка художественных произведений к образным словам, то многим писателям, в том числе и Пушкину, придется отказать в художественности» [Солганик 1996: 194]. Вторая теория, представленная в работах Н.А. Лукьяновой [1984: 42-59], М.Н. Кожиной [1993: 34, 39-40, 204-213], Г.Я. Солганика [1996], раскрывает суть образности иначе. Всякое стилистически нейтральное слово, вовлекаясь в эстетическую организацию речи, не просто наполняется новым содержанием, но как средство материализации образного смысла становится как бы элементом идейно-художественного целого, способно передавать глубокое содержание» [Кожина М.Н. 1993: 211].

Для нашего исследования особенно важно, что «потенциальной образностью могут обладать не только слова, но и более крупные единицы языка. На уровне конкретного контекста стилистически значимым <...> может быть любое языковое средство, начиная от фонетического уровня и заканчивая синтаксическим и текстовым» [Пекарская 2000, ч. 1: 57]. (См. подробнее об этом также: [Скребнев 1975: 78; Матвеева 1986; Барлас 1987: 30-36; Михайлов 1991: 83-86; Пекарская 2000: 79, 87, 96]).

Таким образом, с одной стороны, потребность в усилении выразительности, в том числе и образности, обуславливает необходимость применения особых средств организации текста; с другой стороны, художественный текст в идеале воплощает в себе все условия, необходимые для реализации потенциальных экспрессивных возможностей исходных единиц коммуникации разных уровней, в первую очередь стилистических фигур.

Стилистическое функционирование П в языке художественной литературы далее будет рассмотрено в трех ее подстилях: прозе, поэзии, драматургии.

Обзор существующих в научной литературе взглядов на стилистическое использование П показывает, что в одних случаях многосоюзие создает эффект особой эпичности, торжественности [Кузнец, Скребнев 1960: 78; Кручинина 1988: 302-303; Панов 1998: 114], в других –

используется для имитации разговорной речи как взрослых, так и детей, которая характеризуется примитивностью [Кузнец, Скребнев 1960: 78; Брандес 1966: 7; Рыжова 1990: 52-53].

М.П. Брандес, например, усматривал в П средство, которое «составляет основу различных сообщений устного характера, чаще всего в бытовой речи» [1966: 7] (см. также: [Рыжова 1990: 52-53]). Как констатируют многие стилисты, именно в бытовой речи, в речи разговорной (особенно детской) он наиболее употребителен, т.к. является продуктом аддитивного мышления, которое свойственно людям, не получившим достаточного образования [Брушлинский 1970]. Пример, извлеченный из письма («послания») шестилетнего ребенка: *"Дедушка Мороз пришли мне на праздник набор "Маленькая Фея", настоящий. И пенал, большой. И микроскоп настоящий. И игрушки, елочные, разные. И книгу. Все настоящее"* (орфография исправлена, пунктуация сохранена). Естественно, что в бытовой разговорной речи такое употребление П не следует рассматривать как преднамеренное, т.е. фигуративное. В этом случае многосоюзие следует квалифицировать как речевой недочет. Однако многократное употребление союза используется писателями преднамеренно в текстах художественной литературы в речи персонажей с целью имитации говорения, что передает эмоциональное состояние персонажа (например, взволнованность, напряженность, неподготовленность речи), а также с целью показа интеллектуальной характеристики героя. В последнем случае союз используется как скрепа, воспринимающаяся в качестве слова-паразита речи (см. примеры ниже).

Широкое распространение имеет и та точка зрения, согласно которой П как стилистическая фигура применяется преимущественно в поэзии, в высоком стиле. Несостоятельность такого вывода подтверждается тем, что П широко распространен в прозе А. Солженицына, Б. Окуджавы, А. Битова и других современных писателей. Анализ языкового фактического материала позволяет нам утверждать, что широкий спектр функционирования исследуемой фигуры представлен и в прозе.

Если суммировать выводы ученых о той роли, которую играет фигура многосоюзия, то отмеченными можно считать следующие стилистические функции этой фигуры: передача замедленного движения речи [Чайковский 1972: 87; Тимофеев, Тураев 1974: 222; Кручинина 1998: 302-303; Хазагеров, Ширина 1999: 261]; выделительная функция [Тимофеев, Тураев 1994: 222; Розенталь, Теленкова 1985; Голуб 1997: 429; Розенталь 1998: 364]; функция выражения одновременности [Кузнец, Скребнев 1960: 78]; длительности [Хазагеров, Ширина 1999: 162]; интенсивности [там же: 62]; множественности и многообразия [там же: 62]; эмоциональная функция [Кузнец М.Д, Скребнев 1960: 73; Гарузова 1977: 132; Кручинина 1988: 302-303; Хазагеров, Ширина 1999: 162]; функция монтажа (на материале немецкого языка) [Чайковский 1972: 131]; текстообразующая функция (на материале английского языка) [Гарузова 1977: 142]; ритмообразующая [Рождественский 1997: 244].

Широкий спектр функциональных проявлений этой фигуры, на наш взгляд, возникает за счет того, что союзы выполняют объединительную функцию, которая вытекает из самой природы союзов: союзы являются гармонизирующим средством (особенно союз «и»).

К постоянной функции П мы относим **усилительно-выделительную**, которая реализуется во всех исследованных нами текстах.

I. Использование П в прозаических текстах.

1. Изобразительная функция.

1.1. При реализации изобразительной функции П является **средством наглядно-образного подчеркивания**. В пределах полисиндетического ряда при выражении функции наглядно-образной конкретизации создается обобщенный, единый образ словесного выражения. Главным качеством П в таких случаях выступает строгий подбор составляющих элементов, многогранно, емко характеризующий соответствующий образ, его внутреннее единство, многоликость.

В контексте П могут выделяться, подаваться описательные фрагменты текста, содержащие наглядно-образную характеристику:

- персонажа (в определенной ситуации): *Грек - грека никогда не предаст, разумеется, за исключением тех случаев, когда грек работает в милиции тайным осведомителем. Именно такой и притом самый толковый осведомитель сидел за столом. И он, конечно, ему все рассказывал. И все-таки начальник Тико не тронул. И в этом проявился его истинный тончайший нюх оперативника* (Ф.Искандер. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист);

- психологических особенностей персонажа, его душевных качеств: *Мама всегда ему говорила, что он и мудрый, и сильный, и красивый, и справедливый* (Б.Роцин. Чай с антоновкой);

- персонажа по его деятельности: *Он [Клыкачев – М.В.] успевал и руководить в лаборатории, и контролировать статистическую группу, и вести комсомольский семинар, и быть душой "группы молодых", и сверх всего быть секретарем парткома* (А.Солженицын. В круге первом);

- внешнего облика действующего лица, например: *Все окружение глаз Спиридона – и веки, и виски, и подглазья, и морщинки выражали усмешку* (А.Солженицын. В круге первом); *Да, и нос ее отличался безукоризненностью, и ровно очерченная округлость лба радовала взор, и громадные серые глаза, на самом дне которых переливались и посверкивали заманивающие грани темных хрусталиков, и слегка насмешливые, свежие, сочные губы, произносящие теплые слова, и волосы, ниспадающие на худенькие плечи не по моде ее счастливых подруг – все, все это была красота* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

Наиболее часто П подчеркивает характеристику персонажа в отношении его мировоззрения, поведения, а также внешности персонажа. На наш взгляд, это объясняется тем, что указанные описания наиболее значимы для автора при воплощении идейного замысла произведения в целом.

П усиливает не только образное восприятие персонажа произведения, но способен рельефно передать и характеристику обстановки, в которой происходит общение действующих лиц (а), и описание определенной жизненной ситуации (б), и характеристику объектов окружающей среды, включая природу (в). Примеры:

а) *И рассерженность Потапова, любящего размеренный распорядок, и установившаяся тишина всей полукруглой комнаты, и окружение стукачами – заставили бы очнуться всяких трезвых людей.*

Эти же двое очнулись лишь чуть-чуть (А.Солженицын. В круге первом); Уже сюда достигал весь теплый дух сборища: и веселый гул голосов, и радиоло, и позвякиванье посуды, и смешанные радостные запахи кухни (там же).

б) *Бросила, он сходит с ума, каждый день пишет ей письма, полные и угроз, и оскорблений, и унижительных нежностей, просьб вернуться, вспомнить "незабвенное прошлое" (И.Бунин. Письма).*

в) *Беззвучно, как в немом кино, развалившись на четыре стороны голубые, бархатные стены, и мерцающие звезды, и мгновенные огневые спелицы, и соломенный ветерок с поля окружали Дмитрия (В.Солоухин. Мать-мачеха);*

Хорошо и привольно на широкой Волге-реке.

Блестит эта живая, текущая вода. И все небо в эту воду смотрится: и облака, и голубая лазурь, и кулички, что, пересвистываясь, перелетают кучкой с песка на песок, и стаи гусей и уток, и белые пароходы с черным дымом, и баржи, и берега, и радуга на небе (Е.Чарушин. Кот Епифан).

Чаще всего в контексте П представлена обрисовка окружающей среды.

В функции наглядно-образного выделения, как правило, выступает монопредикативный П, т.к. многосоюзие этого типа позволяет компактно передать различные описательные контексты. Прежде всего следует подчеркнуть определенную весомость и характеризующую точность каждого звена многосоюзного ряда, их уместность и оправданность. Каждый член однородного ряда благодаря повтору союза выделен.

1.2. П как форма усиления контраста.

Ситуация контраста поддерживается не только благодаря лексическому наполнению повторяющихся членов ряда, но и за счет полисиндетической конструкции. Наиболее художественно значима контрастность, возникающая в контексте сочинительного соединительного союза **и**, например: *Люди каждый день рождались и умирали, и ученые, и артисты, и плотники, и слесари, и рабочие, и начальники, и женщины, и мужчины, и взрослые, и дети – так было веки вечные, так будет, и ничего тут не поделаешь (В.Астафьев. Кража).*

В этом случае можно говорить о скрытом контрасте, лингвистическим показателем которого является союз **и** [Кузнецова 1998: 88].

Контрастный П обнаруживается только в контексте монопредикативного.

2. Функция усиления определенных коннотаций.

В этом случае П способствует усилению в тексте таких ощущений и тональностей, как многообразие, обилие, одновременность, последовательность, интенсивность, гармоничность, упорядоченность, временное и пространственное значения, результативность, динамичность, ассоциативность. Функция актуализации определенных коннотаций реализуется преимущественно в контексте монопредикативной и полипредикативной (в составе МСП) разновидностей.

2.1. П – актуализатор многообразия и обилия.

По дефиниции «Толкового словаря русского языка», многообразие есть существование во многих видах, формах и т.д. [Ожегов 1999: 360], а обилие определяется как большое количество [там же: 428].

Примеры, иллюстрирующие актуализацию:

- многообразия: *Яблоки висели над ее головой – и красные, и розовые, и желтые, и с румянцем, и без румянца, и зеленые с темно-красными полосками* (Л. Воронкова. Грушевое яблочко); *И все эти небольшие полотна известных западных мастеров, и китайские веера умопомрачительной тонкости, и фарфоровые табакерки, и двусмысленные, специально подобранные сюжеты – все это с безмолвным укором возникало перед ним* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

- обилия: *Десятки тонн можно было бы заготовить здесь и грибов, и черники, и брусники* (В.Солоухин. Владимирские проселки); *И совершенно напрасно в новых сборниках туристских маршрутов, где есть непрменная Военно-Грузинская дорога, село Архангельское и озеро Иссык, не упоминается ни Юрьева-Польского, ни Суздаля, ни Мурома, ни Мстеры, ни Гуся-Хрустального, ни Боголюбова, ни самого Владимира* (там же); *Учитель пил с бабушкой чай. И я в первый раз в жизни сидел за одним столом с учителем. Бабушка застелила стол праздничной скатертью и понаставила а-а-а... И варенье, и брусница, и сушки, и лампасейки, и пряники, и молоко в нарядном сливочнике* (В.Астафьев. Последний поклон).

Создание, усиление у адресата речи ощущения многообразия и обилия реализуется только в П монопредикативного типа.

Полисиндетический ряд передает ощущение **общности** количественных и качественных характеристик в составе множества. Например: *Вы спросите, сколько разновидностей ягод заготавливали. Десятки тонн можно было заготовить и черники, и брусники, и клюквы* (В.Солоухин. Владимирские проселки); *Все районные ветеринары: и врач, и фельдшер, и бывший коновал, работавший теперь санитаром, ходили в дымину пьяные* (В.Можаев. Мужики и бабы); *На школьной карте этот Цейлон выглядел каплей под выменем большой земли. А послушаешь – чего там только нет: и обезьяны, и слоны, и бананы (фрукты какие-то), и чай самый лучший в мире, и всякие другие диковинные плоды, и невиданные растения* (Ч.Айтматов. Ранние журавли).

Таким образом, П – средство подчеркивания множества предметов или лиц, причем повтор союза актуализирует и содержательную сторону высказывания, в том числе **ассоциативную**: *И вот мне стало казаться, что нет на свете ни больших городов, ни грохота машин, ни бурных или скучных собраний, ни дикого скопления людей в одном месте* (В.Солоухин. Мать-мачеха); *В самом деле, там, в городе, в своей новой жизни, Люся все забыла – и воскресники по весне, когда заготавливали дрова, и поля, где работала, и завалившегося Игреньку, и случай у черемухового куста, и многое-многое другое, что бывало еще раньше, - забыла совсем, до пустоты* (В.Распутин. Последний срок).

Нередко ассоциация в ряду анализируемой фигуры позволяет показать, как человеческое сознание отражает из прошлого (или настоящего) самое запоминающееся, важное, дорогое и т.п., а также пытается сохранить что-то безвозвратно уходящее, представляющееся обрывками памяти.

2.2. П как средство передачи представления об одновременности.

На эту способность фигуры в свое время указали авторы «Стилистики английского языка» М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев: «Настойчиво повторяемый союз подчеркивает представление об одновременности описываемых действий или о тесной связи указываемых признаков» [1960:

78]. Свойство П создавать эффект одновременности присуще ему и в русском языке, о чем свидетельствует исследованный материал.

Одновременно могут подаваться действия, события, состояния, признаки и т.д. Для диагностики таких контекстов достаточно подставить слово «одновременно», например: *И Зинаида Федоровна улыбнулась, и Иван Ефремович хмыкнул, и даже дед Мартын запустил пятерню в бороденку и беззубо ощерился* (Б.Рощин. Чай с антоновкой); *И уцелевший зелененький магазинчик ничуть не успокаивал, а добавлял, напротив, выбивающимся своим видом и горечи, и боли, и угара* (В.Распутин. Пожар).

П способен подчеркивать одновременность не только совершаемых действий, но и признаков, характеристик одного и того же явления.

2.3. П как средство подчеркивания последовательности.

Полисиндетический ряд может манифестировать значение очередности, или последовательности в том случае, когда в цепочке взаимосвязанных синтаксических единиц события, факты, явления следуют одно за другим: последующее наступает по завершении предыдущего, например: *Вчера рано по утрам разбудила ее бабушка, и они пошли в лес по мокрой траве, и девочка ежсилась со сна от утренней, пронзающей росы, и ноги ее, охлестанные травой, покрылись пупырышками* (В.Астафьев. Последний поклон); *До тех пор, пока пуля Мятлева не погрузилась в горячий живот бритоголового врага, и он видел, как тот, скорчившись, падает за камень, и слышал визгливые проклятия на незнакомом языке, и затем чья-то ответная пуля, шипя, ударила Мятлева, и он опрокинулся, успевая ощутить, что эта громадная грязная пуля рассекла его пополам* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов) – полипредикативный П.

Редки случаи, когда подчеркивается последовательность в структуре монопредикативного П: *И он [Мятлев – М.В.] махнул рукой, и осушил свой бокал, и отворотился* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

2.4. П – выразитель интенсивности.

Понятие интенсивности в «Толковом словаре русского языка» определяется как напряженность, усиленность [Ожегов 1999: 249]. Это понятие нельзя полностью отождествлять со сферой динамичности, хотя они могут соприкасаться, накладываться друг на друга. Интенсивность подчеркивает активный характер процесса, одним из частных значений которого является действие как движение и развитие. Такой процесс, который обозначен глаголом с семантикой состояния (горевать, волноваться, любить и т.п.), не соотносится с понятием динамичности, но возможно указанные состояния определить с точки зрения интенсивности/неинтенсивности их проявления, что в этом случае не связано с кинетикой в буквальном смысле.

Анализ собранного материала убеждает нас в том, что важную роль в выражении интенсивности процессов, ситуаций, в подчеркивании их напряженного характера, а также в выражении содержательной насыщенности изображаемых в художественном тексте картин играет не только монопредикативный, но и полипредикативный П (примеры см. ниже).

Сочинительные союзы, в сравнении с подчинительными, чаще употребляются в роли интенсификатора действия, при этом могут

создаваться образно-емкие и насыщенные картины с участием разных процессов (а), но может быть назван один процесс, проявляющийся с особой усиленностью (б). Примеры: а) *Обнагленные жадно с гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь – прощальный, поминальный пирог. И рвут, и глотают, и давятся* (А.Ремизов. Вихренная Русь); - *Нет!* – крикнула она и ударила себя маленьким кулачком по колену. – *Нет, нет!* – **и** снова ударила, да так сильно, по-мужски, **и** еще раз, **и** еще, била и кричала:- *Ну что вам от меня надо?!* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов); б) *Молитесь и час, и два, и три, пока не услышите! Вы услышите, потому что услышаны будете!* (Л.Бородин. Посвящение).

Подчинительный П выражает интенсивное проявление чувственного напряжения. В этом обнаруживается способность многосоюзия усиливать эмоциональное звучание текста, например: *Теперь вы сочли, что ваша жизнь никому не нужна, - сказала она грозно, - что жизнь кончена, что я ваше прошлое, да?* (Б.Окуджава. Свидание с Бонапартом); *Он [Мятлев – М.В.] и сам не только допускает мысль о существовании этого злодея, но и ощущает его, и даже видит, как между ними двумя, между их любовью и страданиями пирует и бесчинствует этот прожорливый вымогатель, как он развязно живет, как оглушительно хохочет, как дерзко и самоуверенно потешается над слабостью своей жертвы* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

Таким образом, ряды интенсификации направлены как на создание некоего общего представления, так и на придание каждому члену (синтаксической единице) повышенной семантической весомости.

2.5. П как средство выражения гармоничности и упорядоченности.

Гармонизирующему союзу соответствует непрерывность интонационного движения. Опоясывая предложения или отдельные члены предложения, союз усиливает гармоничность, нераздельность, слитность явлений: *И вообще все кругом было хорошо: и полдень раннего лета, и пустынная, неутомительная Сергиевская, и серые в яблоках лошади перед каретой, и два невероятных племянника, и, наконец, сама Наталья, о которой он всегда почему-то думал* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов); *Теряя, мы находим. О, так ли? ... И все-таки под ногами была земля (а все происходящее происходит на ней), и снова горели свечи, и афоризмы великих оставляли надежду, и дом разрушался достаточно медленно, позволяя не очень торопиться (там же); Все было здесь – и Красота, воплощенная в женской фигуре, и Любовь, выраженная в детях, и бескрайность реального мира, и Небытие, которое, однако ж не давило Красоту и Любовь, не заслоняло ее, а лишь оттеняло, подчеркивало, обостряло* (Б.Рощин. Чай с антоновкой).

В роли гармонизирующего П отмечены только монопредикативные разновидности с союзом «и».

2.6. Фигура П – средство усиления временного и пространственного значений.

а) Течение времени может быть быстрым и замедленным. В контексте П течение временной характеристики представляется как замедленное, например: *Было послезавтра. Это было очень много времени – послезавтра. И было завтра. И времени, казалось, оставалось еще больше, потому что оно и действительно было очень коротко.*

И была ночь. Был отсвет на потолке. И это было астрономически сегодня, хотя вообще-то еще можно было говорить себе: завтра (А.Битов. Юбилей).

При усилении временного значения П способен передавать дополнительное ощущение длительности протекания времени. Примеры: *И так день, и два, и три – над Ростовом дым коромыслом* (Г.Немченко. Приписной казак Абдуллах); *И сердце замирает. И начинает казаться, верится, что теперь уж сколько ни идти – и день, и месяц, и год, - все так же будут звучать и трубы, и флейты, и скрипки* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

б) Ощущение объемности и многомерности при восприятии пространства создается и выпукло представляется за счет П в сочетании с членами перечисления, обозначающими разные пространственные сферы, например: *И под быком, и под изломами скалистого берега, и сзади, и спереди, и вверху, и внизу по реке наворочено камней серых, колотых, где горой, где рассыпано, где в одиночку и если бы не соснячки <...> здесь было бы мрачно и жутко* (В.Астафьев. Последний поклон); *На солнце все оживает: и трава, и лес, и человеки тоже* (В.Астафьев. Кража).

Нами отмечены случаи, когда исследуемая фигура способна вызывать ощущение протяженности пространства: *И километр так бежит, и десять, и двадцать, наверное, может* (Б.Роцин. Кисет Зота Данилова).

Исследовательский материал показывает, что усиление временного и пространственного значений может быть представлено в контексте как текстового, так и моно- и полипредикативного П. Замечено: ощущение замедленности времени ярче представлено П на уровне ССЦ.

2.7. Результативный П.

В этом случае он может выступать в роли такой конструкции, в рамках которой возможно постепенное достижение внутреннего предела определенного состояния героя, ситуации. Примеры: *И я сидел, и смотрел на свои подарки, и постепенно у меня на душе сделалось грустно* (Н.Носов. Витя Малеев в школе и дома); *Нет, это не значит, что тогда на крестьянах пахали, как на быках. Но это значит, что народ содержали в униженном рабском виде. И я понял, что Пушкин, певец свободы, это сделал нарочно, чтобы остановить на этом месте внимание потомков. Я долго, долго ломал голову, и вдруг, как молния, сверкнула отгадка. И сразу все стало ясно* (Ф.Искандер. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист).

В данных случаях П специализирован на выражении такого порядка действительности, когда последний компонент ряда, соединенный с предшествующим союзом, вытекает из всех предыдущих. Реализация такого П осуществляется на уровне его полипредикативной разновидности.

2.8. П как усилитель динамизма.

Динамичность является одной из форм проявления экспрессивности. Нами установлено, что динамичность передается в контексте фигуры многосоюзия только с союзом «и», по-видимому, это объясняется самой природой этого союза, являющегося эффективным средством осуществления мгновенной, контактной связи между синтаксическими единицами (см. указание на это: [Кручинина 1988: 29-33]). Мы не находим указания на эту функцию П как в античных риториках так и в современных учебниках и учебных пособиях по стилистике и риторике. Н.И.Кручинина указывает на возможность союзной сочинительной связи создавать впечатление динамичности, но не в связи со специальным рассмотрением многосоюзия как стилистической фигуры [там же: 33]. Выражение указанного значения в

большой степени присуще асиндетону, т.к. обнаруживается соответствие формы и содержания фигуры.

Естественно, что динамичность П поддерживается лексической семантикой глагола. Такой благоприятный контекст находим в следующих примерах: *В пору великого разлива и буйства, когда все куда-то с шумом и плыло, и спешило, и металось, и пело, и бурлило. Репнин обычно переселялся...*(В.Астафьев. Кража); *Дед был в расположении. Внуки ползали под ногами по потускневшему ковру и боролись, и повизгивали, и хватали деда за штанины* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

Использование П в такой функции – нечастое явление, поскольку глаголы с семантикой интенсивной динамики, по сравнению с асиндетоном, редко допускаются в структуру фигуры многосоюзия.

Статистические данные показывают, что П как актуализатор ощущения многообразности и обилия составляет 24 % от всех речеупотреблений этой фигуры в качестве способа создания определенных ощущений, тональностей, передающихся в тексте; П как средство подачи представления об одновременности – 21,4%; как средство подчеркивания последовательности – 16%; как выразитель интенсивности – 11,1 %, как способ выражения гармонии и упорядоченности – 10,2 %; как средство усиления пространственного и временного значения – 7,1 %; результативный П составляет 6 %; 3,4 % приходится на функцию передачи динамизма. Анализ этих данных позволяет утверждать, что фигура П в художественно-прозаических текстах в большей степени специализирована на создании эффекта многообразия (обилия), одновременности и последовательности, что служит отражению реальной действительности в таких проявлениях. Меньшая специализация обнаруживается на усилении интенсивности, упорядоченности, на выражении ощущения многомерности пространства и скорости течения времени, а также на результативности. Наименьший процент приходится на П как средство подачи динамизма. Можно считать, что последнее значение в контексте этой фигуры является окказиональным.

3. Характерологическая функция.

3.1. П в имитации разговорной речи.

В отечественных риторике и стилистике указания на то, что П способен передавать спонтанность речи, которая используется авторами в художественной литературе для имитации говорения, нами не выявлено. Стилистическая значимость П в плане выражения спонтанности речи отмечена авторами «Стилистики английского языка» [Кузнец, Скребнев 1960: 78] и в работе, посвященной раскрытию некоторых особенностей этой фигуры в просторечии, также на материале английского языка [Рыжова, 1990: 52-53]. В последней работе рассматриваются просторечные высказывания, извлеченные из современных произведений художественной литературы Англии и США. Думается, что не следует отождествлять собственно тексты просторечия и художественные тексты, в которых есть

вкрапления, близкие к просторечию. Дело в том, что художественный стиль нефотографически воспроизводит просторечие: «языковые особенности, наблюдаемые в художественных текстах и признаваемые разговорными, являются не следствием непосредственного перенесения элементов разговорной речи в язык художественной литературы, а сложным отражением реальных процессов разговорной речи, своеобразным их художественно-языковым эквивалентом» [Костомаров 1967: 50]. Таким образом, некорректно говорить «о некоторых особенностях полисиндетона в просторечии», при этом извлекая исследовательский материал из художественных произведений. Уместно здесь говорить об использовании П в стиле художественной литературы с целью имитации просторечия, т.е. о роли просторечных элементов в виде многосоюзия в контексте произведения.

В нашей работе мы не анализировали тексты собственно разговорной речи, в том числе и просторечия, т.к. полагаем, что многосоюзие в этих речевых разновидностях не является фигурой.

П в художественном стиле используется для речевой характеристики действующих лиц, в частности, для имитации аддитивного мышления (а), для имитации детской речи, которая характеризуется низким уровнем развития (б); с целью показать волнение говорящего, его желание не только описать события, но и выразить участие персонажа и отношение к происходящему (в). В последнем случае использование П свидетельствует о формальной зависимости высказывания от ситуации.

а) *Ну драться с ним с моей стороны было бы даже честно. Я перворазрядник по штанге, но откуда он знает. Тем более в темноте телосложение незаметно. И тем более мы сидим, а он стоит. И тем более он немного выпивший. И чем больше я отшучиваюсь, тем больше он горячится, думает, что я мандражирую* (Ф.Искандер. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист);

б) *А потом нас окружили черномазые оборванные мальчишки и предлагали поднести и подвезти. Они были стремительны и шумны <...> И я их боялся. А мама им не верила. И мы пошли сами <...>*

И мы брели ...

И вдруг, завернув за толстый глиняный угол, мы столкнулись с бабушкой (А.Битов. Бабушкина пиала).

Детская речь характеризуется недостаточно широким спектром использования средств связи текста. В этом случае союз «и» осваивается детьми раньше, чем другие средства связи.

в) *Тетка Васень, ребяташки дяди Левонтия и я вместе с ними ударились в рев, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что все-все высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня, и сами ели уже через силу, потом затягивали песню, и слезы лились рекой, и горемычная обезьяна после этого мне снилась долго* (В.Астафьев. Последний поклон).

Большинство конструкций П носят событийно-фактологический характер. В сообщении-монологе или перечисляются события в порядке их следования, или нанизываются факты, имеющие равную значимость для говорящего. Построение высказывания идет путем соединения синтаксических единиц, основанных на всевозможных ассоциациях, при этом логика построения высказывания иногда отступает на второй план:

- После терпела, терпела – **и** в город поехала. **И** привозит пилюлю. **И** одну сама принимает, а другую ему подсыпает (М.Зощенко. Сознательные люди);

-Подхожу. А там новинка - "Старка" в забавных маленьких фляжках. А денег у меня на маленькую нет. А продащица – миленькая девочка. Мне улыбается (А.Битов. Жены нет дома).

Подлинная устная речь создается в момент говорения, на ходу, в результате основным признаком речи является ее неподготовленность, спонтанность [Земская 1988: 7]. Использование П оживляет авторское повествование, сообщает ему задушевно-простой и убедительно-искренний тон и ритм.

3.2. П как средство усиления субъективации речи.

К числу многочисленных приемов субъективации относят несобственно-прямую речь, внутреннюю речь [Горшков 1996: 277-286; Голуб 1997: 403-408 и др.], а также, на наш взгляд, сюда можно отнести и модальность, которая выражается на синтаксическом уровне.

а) Несобственно-прямая речь не имеет типизированной синтаксической формы. К числу средств передачи этого приема можно отнести П, т.к. он передает элементы прямой речи, которая в свою очередь является отражением разговорной речи. В разговорной речи многочастное употребление союза служит «живой скрепой» в высказывании, облегчающей связь отдельных слов или суждений, придающей текучесть и живость речи: *На Кировском мосту его продуло. **И** он перестал улыбаться. Ругал себя, что давно был бы дома, а вот не дома. **И** теперь уже автобусов не будет. **И** трамваев тоже. **И** тогда мама, платье, муж Аси, сессия – все это кружило над ним, мутило душу, и Ася уходила (А.Битов. Сад); **И** что бы там ни говорили про Скворенушку: **и** мала она, **и** чуть ли не пересыхает местами, **и** если здраво разобраться, то это и не река вовсе, а маленький лесной ручеек, - она течет себе по камушкам, и жизнь у нее своя, на других не похожая (В.Солоухин. Мать-мачеха).*

б) Внутренняя речь в контексте П передает оттенок повествовательного стиля поверхностно и неглубоко. За ним ощущается биение живого чувства персонажа, приглушенно звучит его речь, например: *"Уехать, что ли?" - подумал он. Но нужно было одеваться, добираться до вокзала, садиться в электричку... **И** потом взгляды невестки: "Какая радость! **И** неожиданность!" **И** потом это легкое журение, что как же это он никого не предупредил и так сам, один и не ценит своего здоровья. **И** все придет в движение. Все будет ненормально как-то...(А.Битов. Юбилей); **И** тогда подумал, что как же он так отвлекается <...> **И** почему он вообще так неостро и лениво чувствует, даже когда ему кажется, что остро. **И** думает тоже словно бы нехотя (А.Битов. Сад).*

В некоторых случаях за счет союза **и** может плавно осуществляться переход от внешнего мира к внутреннему, от внутреннего – к внешнему. Обнаруживается взаимообусловленность внутренних переживаний и внешних обстоятельств: *То есть теперь он [Инфантьев – М.В.] не мог вспомнить ни как он ехал, ни что видел из окна, ни тех, кто входил на остановках. **И** тут он понял, что ни о чем таком, о чем можно было бы так задуматься и погрузиться (во что? куда?), он не думал. Но был же весь поглощен. **И** тогда он вспомнил чем. **И** тут же смутился и даже покраснел и обернулся налево-направо, словно могли что-нибудь за ним заметить, но пассажиры ничего не подозревали. **И** вообще их было трое. **И** дремал кондуктор (А.Битов. Инфантьев).*

в) Субъективная модальность, усиленная П, выражается в авторских словах, но она характеризует отношение действующего лица к определенной реальной ситуации, например: *Александрина попробовала объяснить вдове, что и у нее есть свои привычки и желания, и она не может носить косу, когда ей это не нравится, и она не может пить чай крупными глотками и обжигать себе непривычное горло, и вообще она не может носить платье с таким количеством рюшей, на чем настояла в свое время мадам, если она помнит <...>* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

4. Функция актуализации эмоционального компонента речи.

В.Г. Гак отмечает, что следует различать непосредственное выражение эмоций и сообщение о них [1996: 20-21]. Для выражения эмоций наряду с другими языковыми средствами используются и фигуры. Такое утверждение было высказано уже в «Риторике к Гереннию». Сообщение об эмоциях может выражаться через описание жестов, мимики и т.д.

П может использоваться с целью **изображения** эмоциональных состояний и с целью **собственно усиления и выражения** таких состояний. В первом и во втором случаях создается предпосылка к активизации читательского восприятия.

а) Выраженность собственно эмоций усиливается за счет П, который формирует определенный интонационный фон, подчеркивающий нарастание различных по значению чувств. Нарастающая интонация усиливает значение интенсивности в проявлении той или иной эмоциональной окраски. Эмоциональная окраска может передаваться посредством усиления П определенного контекста в речи персонажа или автора, например: *Он вышел покурить. "Беда, беда... - повторил он неслышно. – Беда, беда... Вот они, и деньги, и машины, и дома, и все на свете ... Беда, беда..."* (Б.Екимов. Пастушья звезда) – усиливается чувство сопереживания; *И начато было на Олега дело! Нашлись друзья-доносчики, те, кто видели, как виновник входил с матерью в церковь. Начались и собрания, и заседания учкома, и группкома, и пионерские сборы, и линейки – и всюду выступали 12-летние робеспьеры и клеймили проводника религиозного опиума* (А.Солженицын. В круге первом) – здесь усиливается авторское чувство осуждения.

Анализируемая фигура придает высказыванию окраску эмоциональной напряженности, насыщенности. Возможность усиления эмоционального накала определенного фрагмента текста осуществляется при помощи моно- и полипредикативной разновидностей П. Примеры: *Но если она позволила себя обнимать, и приехала к вам, и легла в вашу постель в вашей ночной сорочке, и лежит, разметавшись, в вашей ночной сорочке в пяти сажнях отсюда ... Э-э-э, да что вы, в самом деле, с вашими сложностями!* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов). *Раздражение усиливалось, всплывая со дна души. Еще минута – и оно начнет выплескиваться, и тогда случится самое неприятное: ему предстанут страдающие лица сыновей, и Шумский косолапо пустится в ленивое бегство, и намеченный праздник будет отменен с удобным разъяснением, и все переменится, лишь та самоуверенная незнакомка с желтым бесполезным зонтом в руке будет неподвижно и упрямо рассчитывать на какие-то свои выгоды (там же); Колонны шли и шли. Тане очень захотелось пойти со всеми вот в такой колонне. Может, нести что-нибудь, а может, петь. Но главное, идти в колонне. Тут, правда, все незнакомые люди. И Таня колебалась.*

Вот сделает шаг – и она уже в колонне и идет со всеми. И она не делает шага. И сердце колотилось от этого часто-часто. Только шаг ...(А. Битов. Большой шар).

Союз, повторяясь от фразы к фразе, выступает как одно из средств синтаксической символизации возбуждающих речь переживаний и эмоциональных впечатлений. С одной стороны, П в таких случаях усиливает выражение определенной эмоции, с другой – заставляет читателя/слушателя проникнуться этим эмоциональным значением.

П наряду с лексической стороной фрагмента текста участвует в усилении, передаче определенных чувств: уныния, безысходности, горечи, досады, обеспокоенности и т.п.

Частным случаем функции усиления эмоционального состояния является участие П в лирических отступлениях, например: *Тихие и чистые ощущения детских лет приходили ему на память, когда он так же, закрыв глаза, лежал в траве где-нибудь в степи, и солнце так же калило его тело, и так же гудели вокруг пчелы и шмели, и пахло горячей травой, и мир казался таким родным, прозрачным и вечным* (А.Фадеев. Молодая гвардия).

в) П не только усиливает выражение эмоций непосредственно, но и участвует и в их описаниях: *Он [Мишка – М.В.] спал. А тем временем распоясывался все сильнее и отчаяннее, и кричал всякую несусветицу, и хохотал, и целовал Натальины руки, мягкие локотки* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

Описание эмоционального возбуждения персонажа может осуществляться в ряду П при изображении жестов, действий, поступков, состояний окружающей действительности, т.е. здесь обнаруживается сообщение об эмоциях.

Таким образом, спектр эмоциональных и оценочных значений, усиливаемых П, достаточно широк. Выражение эмоциональных значений и их описание, которые могут сопровождаться оценочным значением, было обнаружено в контексте всех уровневых разновидностей исследуемой фигуры. Наиболее часто усиление эмоций и оценок обнаруживается в полипредикативной, в меньшей степени – в монопредикативной, и редко – в текстовой разновидностях. По-видимому, такое распределение обусловлено тем, что в контексте сложного предложения больше возможностей для выражения таких значений: в рамках данной конструкции передается большая гамма смысловых значений, а следовательно, и гамма интонационных разновидностей, которая на письме передается с помощью знаков препинания (тире, двоеточия, запятой).

В пределах монопредикативной фигуры П в большей степени, по сравнению с полипредикативной, варьируется темп речи, который способствует выражению тона эмоциональной напряженности, накала страстей без дифференциации на отдельные чувственные переживания, а в полипредикативном П это происходит в меньшей степени (особенно в составе ССЦ на уровне отдельных предложений), т.к. в структуре такого типа увеличивается пауза между синтаксическими единицами, соединенными союзом, что ослабляет нарастание интенсивности, которая манифестирует эмоциональный тон звучания речи.

5. Текстобразующая функция.

При характеристике данной функции мы исходим из узкого понимания текста как фрагмента, который может быть равен МСП или ССЦ.

В широком комплексе категорий текста, предлагаемых лингвистикой, общепризнанной является категория связности (когерентности). Это декларировалось еще в 1980-ые годы (см., например: [Лосева 1980; Гальперин 1981]). Совершенно очевидно, что никакая организация текста (ни семантическая, ни структурная) немислима без использования текстовых средств связи, что в свою очередь невозможно без углубления и совершенствования учения о категории связности. Исследование проблемы связности представляется интересным в плане установления зависимости между типами связи и функционально-смысловыми типами речи (или строфами, по терминологии Г.Я. Солганика).

В подходе к анализу функционирования П в текстовом аспекте необходимо разграничить понятия «средство» и «фактор» текстообразования, которые зачастую смешиваются.

В определениях энциклопедических и толковых словарей «фактор» толкуется как причина, движущая сила какого-либо процесса, устанавливающая его характер или отдельные черты; «средство» же определяется как прием, способ действия для достижения чего-либо и/или предмет, приспособление, служащие для какой-либо цели [Ожегов 1999: 760]. Исходя из приведенных определений, можно сделать вывод, что применительно к тексту «фактор» является некой внутренней, осознаваемой изначально только на семантическом уровне причиной организации элементов текста в единое целое, тогда как «средство» – всегда внешне воспринимаемая скрепа между высказываниями. Таким образом, П является прежде всего средством текстообразования, которое позволяет уточнить содержание одного из основных понятий текста – «категорию связности».

5.1. П – средство создания повествовательной манеры.

Повествовательная функция союза **и** – это наиболее близкая природе данного союза стилистическая функция, которая в словарях выделяется в виде самостоятельного значения [Ожегов 1999: 235] и создается самой установкой речевого произведения на объективное отражение действительности в ее последовательном, поступательном развитии.

Эпическая функция союза обнаруживает себя прежде всего со стороны темпа и тона речи, которая отмечается плавным и спокойным течением. Здесь можно говорить о полифункциональности П: реализуются повествовательная и интонационно-ритмическая функции.

П как средство передачи повествовательной манеры преимущественно используется в авторской речи (1); редки случаи употребления этой фигуры для реализации повествования в речи персонажей (2), например: 1) *Так все и шло. В свободное от смены время Сергей писал заявки и рапорты. Доски же, глина, дробь все не прибывали и не прибывали, и обсадных труб не хватало. И замена пропавшему рабочему тоже не приходила. И Сергей каждый день сам отправлялся на смену. И на рапорты его, что пора его освободить, потому что вот-вот*

начало занятий <...> **И** туман с каждым днем падал все плотнее, **и** каждый раз солнце все позже с ним справлялось, **и** однажды, скоро уже, должно было не справиться, **и** тогда снова – сплошные дожди <...> К тому все шло (А.Битов. Бездельник); 2) – В прошлом году, - сказал Зураб, - у меня был такой случай. Я сам в городе Брянске служу. **И** у меня там была девушка. Зоя звали. **И** она жила на окраине. **И** вот однажды вечером мы с ней сидим на скамейке. **И** к нам подходит местный парень. Немного выпивший. **И** начинает приставать. Мол, отбиваешь наших девушек <...> (Ф.Искандер. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист).

Благодаря своей структуре П способен конструировать текст следующим образом: «одна фраза как бы вызывает, или тянет за собой другую, в результате чего образуется равномерная и согласованная в своем движении речевая цепь, протяженность которой всецело определяется коммуникативными установками говорящего» [Кручинина 1988: 57]. С наибольшей очевидностью способность союзов к последовательному развертыванию речи проявляется на уровне полипредикативного П в составе ССЦ, представленного отдельными предложениями, с союзом **и**. Естественно, что развертывание текста осуществляется с опорой на тематическую преемственность сообщений, но сигнализируется многократным повтором союза.

В наиболее чистом, семантически не осложненном виде эта способность союза проявляется в развертывании повествовательных типов текста, многие из которых, в силу их близости к живому говорению, имеют тенденцию к воспроизведению естественного хода событий. Иными словами, процесс текстообразования нередко опирается на реальную передачу событий как бы в их непосредственной объективной наглядности, так как они созерцаются производителем речи, например: **И** теперь мне тоже смешно слышать его слова, потому что он фактически в майке и мускулатуры фактически нет и его никто не мог испугаться. **И** мне смешно, но правду сказать не могу <...> **И** он чувствует, что мы как-то связаны с этим парнем. **И** он правильно чувствует, но доказать не может <...> (Ф.Искандер. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист).

Использование П в эпической функции имеет свою давнюю традицию: они широко применялись в таких устных народных жанрах, как сказка, былина, летописное сказание. Многосоюзие в этих случаях является основным приемом композиционного движения текста, при этом выступает как актуализатор событийности, определяет свободное, последовательное движение речи, ее особую связность, текучесть: *В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп, **и** у него была жена Марья. **И** он пахал землю, **и** посылает свою жену жать ее <...>* (Зачины из «Великорусских сказок» И.А. Худякова).

Конструктивные возможности союза **и** при реализации эпической функции практически не ограничены: с его помощью осуществляется не только внутреннее развитие отдельных повествовательных мотивов, но и переход от одной темы к другой.

5.2. П – средство выражения монтажной функции.

Эта функция чаще реализуется в контексте полипредикативного П на уровне предложений, разделенных точкой, в составе ССЦ. При различных формах монтажа с помощью П создаются описательные типы текста.

Как известно, теория монтажа зародилась в кинематографии. Но из этого не следует, что как художественно-конструктивный принцип он свойствен только кинематографическому искусству. Создателем теории монтажа является С.М. Эйзенштейн, который считал монтаж органической частью всякого искусства (см. указание на это: [Мейлах 1971]). Монтажный принцип, по утверждению С.М. Эйзенштейна, лежит в основе всех психологических процессов, а образного мышления в особенности [Эйзенштейн 1964: 175-176]. В лингвистике понятие монтажа осваивалось в работах Ю.С. Степанова [1965: 212-218], Т.А. Остудиной [1969: 30], Чайковского Р.Р. [1972]. В настоящее время и литературоведы, и лингвостилисты работают с этим понятием (см., например: [Горшков 1996: 281-286; Хаврук 1985: 60-64]).

Как отмечает Р.Р. Чайковский, «монтаж в художественно-прозаическом тексте – это прежде всего сфера экспрессивного синтаксиса» [1972: 132]. В общем виде монтаж можно определить как «сочетание смыслов» [Шкловский 1970: 247].

Монтаж в художественной речи можно рассматривать не только при соединении отдельных, как бы несовместимых в содержательном плане фрагментов, но и в тех случаях, когда имеет место выразительное развертывание темы художественного текста в целом или отдельных фрагментов. В результате такого оформления сочетаются и комбинируются разнообразные речевые фрагменты как составные части художественного целого. При монтаже встречаются различные формы сочетания. Нами выявлены следующие формы монтажа.

5.2.1. Монтаж–углубление. Пример: *В родной деревне Вычуган осталось два дома. В одном упрямо доживала свой век старуха <...>. И липы чахли. И смородинник в бурьяне чах. И малина по огородам одичала. Такая картина вызывала неопределенное чувство печали и безысходности (В.Астафьев); <...> все вокруг казалось уже изменившимся: и берега Кубани словно сделались отлогими, и горы стали как будто ниже, и бег реки стремительнее, и даже Усть-Невинская точно надела обнову и помолодела (С.Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).*

В этих примерах мы обнаруживаем не линейное развитие содержания соответствующего отрывка текста, а развитие глубины, поскольку фабульного развития в нем не происходит: оно заменяется углубленным изображением одного и того же образа (например, в первом случае представляется заброшенная, умирающая деревня Вычуган, причем безысходность проступает и за счет употребления союза **и**, который нагнетает это ощущение).

5.2.2. Последовательный монтаж. *И он обернулся поставить эскиз перед Нержиным на мольберт. И сам неотрывно смотрел только на этот эскиз. И поднял вывернутую руку к глазам, как бы заслоняя от света. И отступая, отступая, чтобы лучше охватить видение, он пошатнулся на первой ступеньке лестницы и едва не грохнулся (А.Солженицын. В круге первом).* Здесь художественный текст строится по аналогии с рядом динамических последовательных кинокадров, в каждом из которых появляется один и тот же персонаж, изображенный в движении. При этом автор-наблюдатель на данном отрезке текста не теряет

изображаемого персонажа из виду, не переключает внимание на другие объекты.

5.2.3. Монтаж-дробление. *И фотоальбомы были тут <...> . И несколько отдельных пачек составляли театральные программки Петербурга и Москвы. И ежедневная театральная газета "Зритель". И "Вестник кинематографии" – как? Это уже все было в то время? И стопы, стопы разнообразных журналов, от одних названий пестрило глаза: "Аполлон", "Золотое Руно", "Гиперборей", "Пегас", "Мир искусства" (А.Солженицын. В круге первом); И тряпицу, плавающую в самоваре, и мятое алюминиевое блюдо, одно на всех сидящих за столом, и чай из пережженной свеклы, и то, что Василий Васильевич положил кошке рядом с собой на лавке, и поросеночек, обитающий за печкой (откуда остренький, сдобрывающий всякую еду запахок), и тюфяк, набитый соломой, и лоскутное одеялишко (без пододеяльника, разумеется), присаленное по краям за двадцатилетнее служение, и уютное шуриание тараканов, когда погасят лампу, и соломенный козий хлебушок на морозном дворе, если понадобится выйти ночью, и добросовестный храп Василия Васильевича – все это по-новому воспринимал Митя Золушкин (В.Солоухин. Мать-мачеха). В этом случае П способствует дроблению, детализации общей картины, иногда сочетаясь с парцелляцией, как в первом примере.*

5.2.4. Монтаж-перемещение. При таком монтаже в пределах отрезка текста создается впечатление перемещения вектора наблюдения повествователя. Например: *Его сонное увядающее тело еще, оказывается, дышало и вздрагивало, стоило только лучише пригляднеться. И трезвый фон Мюфлинг в голубом мундире стоял, навалясь на паранет, узнал Мятлева и низко поклонился. И у входа в трактир Савелия Егорова стоял сам хозяин со своей семьей, неодобрительно провожая взглядом коляску князя. И господин Катакази в цивильном костюме прогуливался у книжной лавки, делая вид, что с Мятлевым незнаком. И еще один господин в голубом сюртуке и полосатых пантолонах, с наглыми рыжими усами, прошел, незаметно поклонившись Катакази (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов); Меж тем Мятлев видел перед собой поросищу васильками да ромашками степь и солнце на склоне. И непыльную после легкого дождя дорогу. И брличку, плывущую по ней враскачку. И себя, раскинувшегося на сиденье в тонкой рубашке, с воротником нараспашку, в легком дорожном сюртуке. А впереди ничего, кроме этого поля. И этих васильков. И тишины. И запаха дымка издалека <...> (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).*

Функция монтажа преимущественно реализуется за счет полипредикативного П на уровне отдельных предложений в составе ССЦ (76,5 % от всех случаев реализации этой фигуры для создания монтажа). Однако имеют место случаи, когда эта функция выражается через использование полипредикативного П, в канву которого вплетается монопредикативная разновидность (23 %).

С помощью союза *и* на определенном отрезке текста в пределах одного из предложений происходит включение целого ряда описаний, которые позволяют читателю явственно представить картины окружающего мира, при этом приходится мысленно перемешать взгляд с одной картинке на другую.

Таким образом, П, выступая в текстообразующей функции, способен организовывать повествовательные типы текста, при этом проявляются частные функции – функция передачи повествовательной манеры (или эпическая) и функция выражения летописного слога (см. об этом ниже), а

также организует описательные типы текста, которые воплощают монтажный прием художественного изложения. Во всех случаях обнаруживается не только структурная значимость данной конструкции, но и интонационно-ритмическая упорядоченность. В таких случаях можно говорить о полифункциональности исследуемой фигуры.

Анализ языкового фактического материала показал, что полипредикативный П как средство связи чаще используется в организации повествовательных текстов (68 %), реже – описательных (32 % от всех случаев употребления П в художественном стиле речи); полипредикативный многосоюзный ряд в составе МСП чаще организует описательные типы текста (74 %), реже – тексты рассуждения (20 %), и совсем редко встречается эта фигура в контексте монопредикативного типа для организации повествования (6 %).

6. Композиционная функция.

Композиционная функция тесно связана с текстообразующей. Однако под композиционной функцией мы понимаем такую реализацию П, при которой данная фигура выстраивает и определяет некую перспективу композиционного движения произведения в целом. Здесь данная фигура рассматривается не относительно фрагмента текста, а относительно всего произведения в целом. Подобное использование П встречается только в малых прозаических жанрах. Безусловно, при такой реализации будет обнаруживаться некая полифункциональность, т.к. композиционное предназначение сопровождается текстообразующим. Но в этом случае мы говорим о преобладающей композиционной функции, которая выполняется только посредством макроструктурного П с дистантным расположением его компонентов.

Композиция, в основе которой лежит принцип единоначатия, называется, как известно, анафорической. В этой функции данная фигура содержит повтор союза, который стоит в начале каждой, или почти каждой, последующей повествовательной единицы. В случае анафоризации проявляется динамическая роль союза в развертывании текста, обнаруживается способность союза определять свободное, последовательное движение речи, ее особую связность и текучесть. П как композиционное средство редко выступает в обозначенной функции, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры (5,3 %).

7. Интонационно-ритмическая функция.

Еще М.В. Ломоносов указывал на возможность использования риторических фигур в порождении интонационного рисунка определенного фрагмента текста [Ломоносов 1952, т.7: 376-377].

Ю.В. Рождественский относит многосоюзие к добавочным средствам ритмообразования текста, называя их грамматико-фонетическими. «Грамматико-фонетические средства представляют собой смысловое ударение, которое подчеркивается однородными звучаниями» [Рождественский 1997: 244].

Повествовательный П и его разновидности (летописный, библейский) создают размеренный, плавный ритм течения речи: *Музыка становится мягче, прозрачней, и слышу я, как отпускается сердце. И кажется мне, что музыка эта течет вместе с ключом из-под горы. Кто-то припал к ручью губами, пьет и не может напиться: так насохло у него во рту и внутри. И видится мне <...>* (В.Астафьев. Последний поклон).

В определенных контекстах ритм прозы создается упорядоченным расположением синтаксических элементов речи, связанных частотным повторением союзов. Создается ощущение того, что перед нами предстают стихотворные строки, вкрапленные в прозаический текст, например: *Все эти годы я, словно приговоренный, совершал время от времени путешествия до ее дома, и мне казалось возле губинских стен, что еще не все потеряно и лик ее прекрасный проглядывает сквозь листву, и домбины тревожные напрасны, и я еще живу <...>* (Б.Окуджава. Свидание с Бонапартом); *Музыка, и гордый глас горного оленя, и вепря визг, и клокотание воды, и однообразный шелест чонгури ... Что же еще мог придумать бог, чтобы утешить северного страдальца* (Б.Окуджава. Путешествие дилетантов).

Фигура П в контексте монопредикативной разновидности создает легкость, быстроту в интонационном рисунке: *Без лада нельзя ни землю пахать, ни урожай собирать, ни детей поднимать* (Б.Рошин. Чай с антоновкой).

В следующем примере фрагмент текста легко членится на синтагмы, близкие к стихотворным строкам, т.к. анафорический повтор союза усиливает интонационную и смысловую выразительность: *Ты проводила на войну сыновей – если не ты, так другая, такая же, как ты, - иных ты уже не дождешься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды на поле, и бегут по рельсам поезда, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в домне, и чья-то незримая сила поднимает воина с земли или с постели, когда он заболел или ранен, - все это сделали руки матери моей – моей и его, и его* (А.Фадеев. Молодая гвардия). В этом отрывке обнаруживается повышенная эмоциональная напряженность, которая создается за счет анафорического нагнетательного П. Ритмическая организация этого текста главным образом определяется гармоническим движением более или менее равновеликих синтаксических единиц. Опору динамического движения составляет многократно употребленный союз. Принцип сочинительной связи выступает здесь в теснейшем взаимодействии с принципом ритмико-синтаксического параллелизма в строении повествовательных единиц. Что же касается самой связи, то с ее участием осуществляется последовательный переход от одной повествовательной единицы к другой, т.е. связь является основой для аккумуляции дополнительной стилистической информации.

Как видно из примеров, представленных выше, ритмообразующая функция П в художественно-прозаических текстах создает определенный интонационный рисунок: интонацию поступательного характера. Ритмическая организация текста может достигаться за счет соединения союзом равновеликих синтаксических единиц.

8. Приемоактуализирующая функция.

Данная функция представлена П, который может создавать летописный и библейский слог. В данном случае реализуется прием стилизации.

8.1. Летописный П.

Примеры: 1) *И вышел Олег на берег, и начал воевать. И много убийства сделал около города, и разбил много палат, и церкви пожег* (Из летописи для детей «Начало земли русской»); 2) *И она рыдала, рыдала неутешно, лежа на земле. И сказала богиня Каннун, богиня милосердия: Проклятый жрец! <...> Да будешь ты проклят с твоим знанием! И проклала она премудрого жреца* (В. Дорошевич. Страшный суд).

При реализации летописного слога происходит последовательное нанизывание повествовательных единиц посредством союза *и*. Летописный П формирует повествовательный тип речи. В этом проявляется полифункциональность микроструктурного полипредикативного в составе ССЦ (речевая илл. 2) и макроструктурного П. Редко данная функция выражается за счет монопредикативного П, который может сопровождаться парцелляцией (речевая илл. 1).

8.2. Библейский П.

Благодаря такому П возможна имитация библейского стиля: *И настанет день без конца. И солнце не погрузится в море, и луна остановится на месте, и звезды будут сиять. И засияет все негаснущим, лучезарным блеском. И скажет великий Бог: - Так хочет святая душа моя. И воины его <...> принесут ему со всех сторон света розовых облаков и устроят ложе* (В. Дорошевич. Страшный суд).

II. Использование П в поэзии.

П – характерное стилистическое средство как для прозаических, так и поэтических текстов художественной литературы.

Ю.М. Лотман, развивая идеи Р. Якобсона о художественности грамматических значений, об их функционировании в качестве художественных приемов, говорит о самостоятельном содержании грамматических элементов в поэтическом тексте в отличие от фонологических, значимость которых зависит от лексических единиц. По мнению исследователя, именно на грамматических элементах, выражающих в поэзии реляционные, субъектно-объектные отношения, в первую очередь строится модель поэтического видения мира. «Ясно, сколь ошибочно сводить специфику поэзии к «образности», отбрасывая то, из чего поэт конструирует модель мира» [Лотман 1996: 82].

Признанным является тот факт, что П имеет достаточную встречаемость в стихотворной речи. Безусловно, факторы, обуславливающие его распространенность в прозе и поэзии, различны. Если в прозаическом тексте определяющую роль играет коммуникативная перспектива предложения, подчиняющая себе интонацию, то в стихотворном на первый план выходят метрическая и ритмическая организация стиха, а также требования рифмы. Основная функция П в стихах подчинена созданию стихового ритма, определенной мелодике звучания: напряженности, напевности, плавности и пр. Н.В. Лебедева, определяя специфику

поэтической речи, указывала на то, что ритм подчиняет себе все компоненты стихотворения, в том числе и его композиционную структуру [Лебедева 1971: 30]. На особенность синтаксического строя указывает С.Ю. Преображенский: сфера синтаксиса стихотворной речи служит ритмообразованию и мелодике, она (сфера) имеет своеобразное «расширение» в сравнении с «обычным» синтаксисом [Преображенский 2011: 70].

1. Изобразительная функция.

П, выполняя изобразительную функцию в поэтических текстах, используется как средство актуализации наглядно-образной обрисовки персонажа, природы и т.д.; как средство усиления определенных стилистических эффектов (патетичности, оптимизма и т.д.); как средство усиления контраста.

1.1. П - средство создания наглядно-образных картин.

При реализации данной функции П является одним из формальных средств организации словесного изображения, которое способствует детализации описательных контекстов. Анализ собранного материала показывает, что в контексте П в качестве объекта словесного изображения может выступать описание внешности персонажа (речевая илл. 1), его качеств (речевая илл. 2), состояния (речевая илл. 3), природы (речевая илл. 4), окружающей среды (речевая илл. 5). Примеры: 1) *И веют древними поверьями ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука* (А. Блок. Незнакомка); 2) *Был и умен, и добр, и смел, и верен был отчизне, и одного лишь не умел в своей короткой жизни взять отодвинуть взглядом <...>* (К. Симонов. Чужая душа); 3) *Иду-бреду, несу свои печали... – и голос вдруг осекся и погас, и мелкой дрожью губы задрожали, и слезы, слезы сыпались из глаз* (М.Исаковский. Иду-бреду, несу свои печали...); 4) *И на каменные стены натыкались облака. И отхаркивалась пеной сумасшедшая река. Обезумевшие чайки крики хриплые несли. И осинники, качаясь, нагибались до земли. И листва над мостовую – близкий родич воронью. Как недвижны мы с тобою у обрыва на краю* (Л. Замятин. И на каменные стены...); 5) *И пес выскакивал ко мне, как галка, маленький, орущий, и в беззащитном всеоружье торчали кактусы в окне... И дом смотрел в глаза мои и добрым был и деликатным* (Б. Ахмадулина. Твой дом).

Исследовательский материал показывает, что описательные фрагменты текста чаще всего реализуются в конструкциях полипредикативного П в составе МСП (речевые илл. 1, 3) – 64 % от общего числа фигуральных конструкций по данному подстилю художественной речи; реже – в монопредикативной разновидности (речевая илл. 2) – 27 %; в наименьшей степени – на уровне полипредикативного П в составе ССЦ (речевая илл. 4) – 8 %.

Нетипичные случаи реализации данных контекстов отмечены в комбинированных конструкциях П: полипредикативный выступает как основной с частичным наложением монопредикативного (речевая илл. 5).

1.2. П как средство усиления контраста.

П усиливает лексическую контрастность, которая отражает мировосприятие либо автора, либо персонажа и выражает оценочность, организуя, таким образом, лингвокогнитивный уровень.

В поэтической речи контраст рельефно выступает в контексте сочинительной соединительной связи в монопредикативной разновидности П: Ты **и** убогая, / Ты **и** обильная, / Ты **и** могучая, / Ты **и** бессильная, / Матушка Русь! (Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо. Русь).

2. Функция усиления определенных ощущений и тональностей.

П может актуализировать разнообразные стилистические эффекты, которые вызывают следующие ощущения у читателя в пределах обрисовки какой-либо картины, ситуации, героя и т.д.:

- патетичность: 1) *Пиши для мира повесть / Всех дел своих, как есть. / **И** возродится совесть. / **И** станет честью честь. / **И** вновь на свете белом / Войдут в свои права. / **И** снова станут делом / Забытые слова* (М. Дудин. По совести и чести; 2) ***И** не затем, что уговор храним, / Что память полагается такая, / **И** не затем, нет, не затем одним, / Что ветры войн шумят, не утихая, / **И** нам уроки мужества даны / В бессмертье тех, что стали горсткой пыли* (А. Твардовский. В тот день, когда окончилась война);

- оптимизм: 3) *Скрежещет железо. / **И** льется вода. / Ликует огонь. / **И** гудят провода. / **И** снова нам кажется / Мир великаном. / **И** снова легка нам / Любая беда* (П. Антокольский. Застольная);

торжество: 4) *Ну что же ты дрейфишь, дружок? / Неделька терпенья, **и** май заиграет в рожок, / **И** арфу качнет, **и** победно ударит в литавры!* / (Р. Маркова. Зима надломилась);

- гармония: 5) ***И** в дымке марева поля, / **и** горизонт размыт горячий, / как будто край земли он прячет, / Расставив всюду тополя. / **И** солнце, высветив зенит, / остановилось перед спуском... / **И** тишина в просторе русском / Струною времени звенит...* (А. Шевелев. Польшью полдень так пропах...);

- монотонность: 6) *Кряхтят мои вспотевшие мужчины / **И** дышат учащенно и сердито. / **И** снова будет дождь стучать в палатку / За днями дни, пока не утомится. / **И** будет град в припрыжку и в присядку, / **И** снегопада белые страницы. / **И**, ощутив заброшенность, пустынность, / Пересидим в палатке под горою, / Пока вершина, оценив настырность, / Свое лицо однажды не откроет* (Л. Замятин. Идем наверх).

- интенсивность: 7) *Что-то там **и** рвалось, **и** кипело, / **И** сплеталось, **и** снова рвалось, / **И** скалы опрокинутой тело / Пробивало над нами насквозь* (М. Кузьмин. Александрийские песни);

- динамика: 8) *Меня повсюду Папка **и** ждет, **и** рыщет, / **И** кличет Белкой, хоть ни разу он не виделся с моей тезкой рыжей* (Б. Ахмадулина. Пять лет) и другие значения.

Заметим, что мы обнаружили немногочисленные случаи употребления П с целью создания интенсивности и динамичности в протекании действий (илл.7, 8). Следует отметить, что в поэтических текстах он усиливает значение интенсивности и динамичности чаще, чем в прозаических.

- ассоциативность: 9) *Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться? / Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!* (А. Блок. Русь моя, жизнь моя ...); *Светает во снегах отчизны. А расторопный мой герой еще гостит у продавицы: **и** смех, **и** грех, **и** пир горой* (Б. Ахмадулина. Гусиный паркер); *Там все ему: **и** княжества, **и** рать, / **И** хлеб, **и** мать* (М. Цветаева. Вот он – гляди...); *В деревьях вблизи ипподрома - / Случайная сень ресторана. / Веселье людей. **И** природа: **и** луна, **и** деревья, **и** Анна* (Б. Ахмадулина).

В этом случае П является средством объединения ассоциативных рядов. Такая форма организации позволяет более рельефно обнаруживать ассоциативные отношения, которые определяются как «отношения между

языковыми единицами, имеющими некий общий признак» [Самотик и др. 1998: 37].

Усиление ассоциативности нами отмечено и в прозаических текстах, однако она более частотна в стихотворной речи.

Н.И. Иванова указывает, что в организации словесно-ассоциативного ряда участвуют не только устойчивые перифрастические сочетания, но и структура синтаксического выражения, к которой относятся союзные средства [Иванова 1988: 76-88].

Таким образом, употребление лексики на основе ассоциативного сближения встречается в контексте монопредикативного типа фигуры, которая актуализирует смысловой центр высказывания, представленный многомерностью окружающего мира.

3. Функция актуализации эмоционального компонента речи.

Для прозаических текстов характерно как описание, сообщение об эмоциях, так и непосредственное их усиление. В поэтической речи нами отмечены типичные случаи проявления этой функции только в отношении собственно усиления эмоциональных состояний.

Следует сказать, что реализация этой функции в контексте П особо ярко проявляется за счет специфики поэтических текстов, которую обозначила И.И.Ковтунова. Автор отмечает: «<...> коммуникативная позиция говорящего в поэтической речи совмещает два противоположных начала. Это, с одной стороны, коммуникативная позиция внутренней речи, «речи для себя» с характерными для нее внутренними адресатами (сам говорящий, другое лицо, любое явление мира) и, с другой стороны, ориентация на создание сложно организованного письменного текста, который рассчитан на внешнего адресата (читателя)» [1986: 3]. Эта особенность обуславливает авторский поиск средств для выражения внутренних эмоциональных переживаний, которые могли бы быть поняты и восприняты читателем. Одним из средств актуализации и усиления эмоций является П.

Спектр эмоциональных значений, усиливаемых исследуемой фигурой, достаточно широк. Мы отметим наиболее типичные.

Высокоупотребительно использование полисиндетических конструкций для усиления:

- крайней степени эмоционального напряжения: *Без стука – разлука! – Как вихрь заразный / К нам в жилы врываешься – лихорадкой, - разлука! / И жжешь, и звенишь, и топчешь, и свищешь, / И рвешь, и рокочешь – и – разорванным шелком / Северным волком, - разлука* (М. Цветаева. Я вижу тебя черноокой, - разлука...);

- взволнованности, эмоциональной возбужденности: *Войти? Как можно? Сколько раз / Я знала здесь печаль и гордость, / И нежную шагов нетвердость, / И нежную незрячесть глаз* (Б. Ахмадулина. Сон);

- радости: *Не спи, вставай, кудрявая! / В цехах звеня, / Страна встает со славою / На встречу дня. / И радость поет, не скончая, / И песня навстречу идет, / И люди смеются, встречая, / И встречное солнце встает* (Б. Корнилов. Песня о встречном) и др. эмоциональных состояний.

Выражение эмоциональных значений связано с определенным лексическим наполнением полисиндетической конструкции фигуры, которая выступает средством усиления за счет ее выделенности на нейтральном фоне.

Выражение эмоций было обнаружено в контексте всех уровневых разновидностей П, хотя наиболее частотное усиление выявлено на уровне полипредикативного типа в составе МСП, менее – в пределах монопредикативного типа.

4. Textoобразующая функция.

Данная функция П в поэзии, как и в прозаических текстах, реализуется в таких ее разновидностях, как повествовательная и монтажная.

4.1. Повествовательная функция.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова союз *и* имеет пять значений. В одном из значений он определяется как повествовательный, который употребляется «в начале предложения для указания на последовательное развитие, смену событий, действий и придает речи эпически-спокойный характер» [1935: 124].

Эпическая функция П – типичное явление для прозаических текстов, хотя встречается и в поэзии. Пример: *И я лежал, схватившись за камень, / И надо мной, сверкая, выл поток, / И камни шевелились в испуге / И бормотали, прыгая у ног / И я смотрел на бледный свет огарка, / Который колебался вдалеке, / И с берега огромная овчарка / Величественно двигалась к реке. / И вышел я на берег, словно воин, / Холодный, чистый, сильный и земной, / И гордый пес, как божество спокоен, / Узнав меня, улегся предо мной. / И в эту ночь в садах Пасанаури, / Изведав холод первобытных струй, / Я принял в сердце первый звук пандури, / Как в отрочестве – первый поцелуй* (Н. Заболоцкий. Ночь в Пасанаури).

В этом примере содержится протяженный полисиндетический ряд, представляющий собой сочетание полипредикативного типа фигуры, представленного в контексте МСП и ССЦ. В этой функции не отмечена монопредикативная разновидность фигуры многосоюзия. В анафорическом типе особенно усилен эффект повествовательной манеры, т.к. повтор союза находится в сильной позиции – в начале строки.

4.2. Монтажная функция.

По сравнению с прозой, в поэтических текстах П в меньшей мере участвует в создании приема «монтажного письма». Это обусловлено спецификой жанров данного подстиля художественной литературы, поскольку в них немногочисленны объемные описательные контексты, в пределах которых может реализоваться указанная функция фигуры. П в монтажной функции создает эффект плавного движения «от кадра к кадру».

4.2.1. Монтаж–дробление. Примеры: 1) *В доме хохочет, и стекла звенят, / В нем шинкуют, и квасят, / и перчат, / И гвоздики кладут в маринад* (Б. Пастернак. Бабье лето); 2) *На рынке центральном – чего только / нету в продаже! / Зеленые горы укропа, салата и лука, / Холмы помидоров, и яблоч, и вишен, / и даже - / Балтийская сельдь иностранкой глядит / из тузлука! / <...>И жирные куры ведут перебранку с гусями. / И рядом с фуганком, / как брат, притулился рубанок. / И так сиротливо соседствуют с крупной картошкой, / С гвоздями, и воблой, и пестрым ковриком / домотканым - / Потрепанный Пушкин, и Герцен / Помятый, и выдавший виды Дюма, / и Гайдар с*

Мопассаном / <...> Вокруг покупают, шумят, выражаются / в голос. / И только кавказцы сидят среди груши / отрешенно. / И алый бутон развернул на бедлам / гладиолус. / И вот уже щерится он, как раструб / граммофонный! / И ропщет кабан и толкает хозяина / боком - / Не в силах стерпеть этот гомон и торг / задумчивый. / И люди проносят авоськи / с картошкой и Блоком, а то и с Флобером - / Флобер тяжелей и дешевле <...> (О. Левитан. Посещение южного рынка). С помощью фигуры многосоюзия происходит дробление общей картины. Например (речевая илл. 2), рисуется южный рынок через детальное представление различных семантических отрезков. Этот пример взят из стихотворения, которое дано лишь в небольшом сокращении: почти все произведение представляет собой трехкомпонентный протяженный П.

4.2.2. Последовательный монтаж: 3) *И сверкнул огонь пред ним беззвучный, / И упал лицом к закату он, / И, шинели сбросив, чтоб сподручней, / Двинулся в атаку батальон* (П. Шубин. Дорога к Неве); 4) *И шофер осадил перед домом машину, / И пронзительный ветер ворвался в кабину, / И взбежал лейтенант по знакомым ступеням. / И вошел. И сынишка прижался к коленям. / Воробьиные ребрышки... / бледные губки ... / Старичок семилетний в потрепанной шубке...* (В. Лифшиц. Баллада о черством куске). В этом случае П позволяет последовательно воспринимать определенную ситуацию в ее линейном изображении.

4.2.3. Монтаж–углубление: 5) *Трещит заискренным забором / Сухой рождественский мороз. / И где-то ветер вертким вором / Гремит заржавленным запором. / И сад сугробами зарос. / И те же старые турысы* (А. Белый. Рождество); 6) *И вяжет варежки зима / Продрогшим на ветру березам, / И снегу первому вослед / Броневики пришли за город, / И школьники гремят чуть свет / салазками по коридору* (И. Бауков. Зима военная). Здесь П помогает из развернувшейся описательной панорамы выделить главные черты, которые характеризуют одно и то же состояние, например, окружающей среды в зимнее время (речевые илл. 5, 6).

4.2.4. Монтаж–перемещение: 7) *Раскрыты окна. Веет теплый ветер, / и легкий пар клубится у реки, / И шумно солнцу радуются дети, / И думают о жизни старики* (М. Исаковский. Весна). В данном примере читатель воспринимает описываемую картину из «раскрытого окна», т.е. видит ее глазами персонажа из определенной точки.

В монтажной функции нами отмечен только сочинительный союз «и», позволяющий «смонтировать» текст таким образом, чтобы не ослабевали читательское внимание и воображение. Это в свою очередь способствует глубокому запечатлению в сознании читающего рисуемой автором картины.

Анализируемая функция чаще всего реализуется в контексте полипредикативной разновидности в МСП (речевые илл. 1, 3, 6, 7), что составляет 73 % от общего числа П по данному использованию; реже – полипредикативной в составе ССЦ (речевая илл. 5) – 27 %, при этом в его канву может гармонично вписываться монопредикативный, расширяющий восприятие читателя (речевая илл. 2). Последняя разновидность самостоятельно не может выражать монтажную функцию. Комбинированные структуры фигуры представлены либо сочетанием монопредикативного и полипредикативного (речевая илл. 2), либо полипредикативных в МСП и в ССЦ (речевая илл. 4). Последнее сочетание более типично для поэзии,

нежели для прозы: последовательный переход с одной разновидности на другую.

5. Композиционная функция П.

Макроструктурный П может реализовать особый композиционно-стилистический прием: *В мечтах всегда и все прекрасно: / И хмурый день, / там виден ясным, / И светом кажется там тень, / И ненависть любовью, / И зло там кажется добром, / И боль не кажется там болью. / Вода там кажется вином, / И крик там кажется нам песней, / И безобразное прелестным, / И правдой кажется обман, / жестокое гуманным, / И светлым разумом дурман, / И странное не странным* (А. Левенец. Мечты).

Макроструктурный П с дистантным расположением его компонентов с точки зрения композиции выполняет роль «несущей конструкции», связки синтаксических компонентов стихотворения. Таким образом возможно усилить цельность макроконтраста, высветить основной рисунок на фоне П. В этой функции могут использоваться фигуративные повторы как сочинительных, так и подчинительных союзов.

6. Интонационно-ритмическая функция.

В связи с рассмотрением стилистики сложного предложения Н.И. Формановская отмечает, что постановка союза перед каждым членом синтаксической единицы (сложное предложение) «создает в соединительном предложении ощущение усиленного перечисления <...>. В таких предложениях ощущается большая ритмичность, поэтому они [предложения – М.В.] широко распространены в поэтических текстах» [Формановская 1978: 14-15]. Автор отмечает, что повтор союза перед первым компонентом усиливает ритмичность и параллелизм структуры частей; внимание акцентируется на том, что данные конструкции характерны для поэзии [там же: 15]. Такая постановка союзов обуславливает обратный порядок слов [там же: 15] (см. ниже илл. 2). Инверсия в свою очередь является одним из средств, сохраняющих ритм (см. подробнее о роли инверсии в создании ритма: [Ковтунова 1986: 205-206; Тавасиева 2000: 21-25]).

Примеры: 1) *И волны теснятся, / и мчатся назад, / И снова приходят, / и о берег бьют* (М. Лермонтов); 2) *Идут ко дну, старея, корабли, / И обвисают щеки капитанов, / И кланяются долу колоски, / И притяженье, а совсем не время, / Старухам изгибает позвонки / И складывает скалы, как поленья* (М. Максимов. Притяжение); 3) *В полях скрипучие воротца, / И запах хлеба, и тоска, / И те неяркие просторы, / Где даже голос ветра слаб, / И осуждающие взоры / Спокойных загорелых баб* (А. Ахматова. Ты знаешь, я томлюсь в неволе...); 4) *Живую / сталкивают с обрыва. / Пока она свергается в яму - / Пока ее делим на доли неравно - / Пока по конине молотим зубами, / О бургеры Кельна, / да будет вам срамно!* (Б. Слуцкий. Кельнская яма).

По определению «Толкового словаря русского языка», ритм создается за счет равномерного чередования каких-нибудь элементов (в звучании, в движении) [Ожегов 1999: 680]. Ритм в поэтических текстах может достигаться путем равномерного чередования синтаксических единиц в контексте П, при этом данная фигура может обуславливать различную мелодику в звучании текста стихотворения, например, волнообразность (речевая илл. 1), плавность (речевая илл. 2), напевность (речевая илл. 3); определенный ритм способствует возникновению эмоциональной

напряженности в выражении, например, осуждения (речевая илл. 4). В этом случае обнаруживается полифункциональность исследуемой фигуры.

Чаще всего ритмомелодический рисунок текста формируется в контексте сочинительной связи с соединительными отношениями как в монопредикативной (речевая илл. 1), так и в полипредикативной (речевые илл. 2, 3) разновидностях фигуры П, причем союз преимущественно имеет анафорическое расположение в начале стихотворной строки (67,9 % от числа П по данной функции). Реже такая функция выражается за счет подчинительной связи в МСП (речевая илл. 4), что составляет 20,1 %. В выражении этой функции не участвует полипредикативный П в составе ССЦ на уровне отдельных предложений, поскольку точка сигнализирует о более глубокой паузе, которая противоречит указанным выше мелодическим тональностям текста.

7. Приемоактуализирующая функция.

Частной реализацией данной функции П является его использование для создания приема стилизации.

Данная функция характерна при имитации летописного (илл. 1) и библейского (илл. 2) стилей. Примеры: 1) *И застыл в душе моей овечьей / Сон о тех далеких временах. / И пришел я в городок торговый. / И сломал мне кости акробат* (П. Антокольский. Санкюлот); 2) *И отрок играет безумцу царю, / И ночь беспощадную рушит, / И громко победную кличет зарю, / И призраки ужаса душит. / И царь благосклонно ему говорит <...>* (А. Ахматова. Библейские стихи. Мелозса); 2) *И встретил Иаков в долине Рахиль <...> / И чистой водою овец напоил <...> / И он согласился за деву служить <...> / И жалость ему незнакома <...> / И Лию незрячую твердой рукой / Приводит к Иакову в брачный покой <...> / И стонет Лаванова младшая дочь <...> / И Ангелу смерти явиться велит. / И снится Иакову сладостный час <...>* (А. Ахматова. Рахиль).

В отличие от прозы, для поэтической речи нетипична характерологическая функция П (имитация разговорной речи, передача разговорной тональности; усиление субъективизации речи через несобственно-прямую речь, внутреннюю речь).

III. Использование П в драме.

Все функции П, которые были рассмотрены в прозаических и поэтических текстах как характерные, не находят своего выражения в драматургических произведениях. Ниже отметим только те функции, которые типичны для драматургических текстов.

1. Характерологическая функция.

1.1. П - средство имитации разговорной речи.

Мы уже отмечали, что для разговорной речи характерны спонтанность и неподготовленность. Эти особенности ярко передаются с помощью П, который выступает в качестве определенной «связки слов» в случае замешательства, смущения, подбора нужных слов и т.п.

Приведем примеры, являющиеся иллюстрацией П в функции имитации разговорной речи: *И тишина такая наступила, что слышно, как эта девица крашеными ресничками – морг, морг. И моя старушенция в соседней комнате аж*

не дышит. **И** продолжаю: "Ну а вы? Чем, собственно, вы думаете поразить мое воображение? (С. Алешин. Все остается людям); - Где ты живешь? – В общежитии. – В общежитии. Но ведь это далеко. **И** неудобно. **И** вообще, терпеть я не могу общежитий. **И** это я к тому, что <...> (А. Вампилов. Старший сын); Анализ аварий он сделал такой, что не подкопаешься. А вывод – хуже некуда. А тут как назло процедурный день! Уколы и всякая чертовщина. Вот и спрятался. А сейчас придется идти к вашей супруге на заклание (С. Алешин. Все остается людям).

В этих речевых иллюстрациях при помощи фигурального многосоюзного ряда в некоторой степени выражается интеллектуальная характеристика героев, которая проявляется в поиске нужных слов, выражений, что свидетельствует о недостаточном уровне владения связной речью у того или иного персонажа.

2. Текстобразующая функция.

2.1. П в повествовательной функции.

В драматургических текстах П используется в речи персонажей с целью передачи повествовательной манеры речи. Примеры: *Было такое дело. Лет двадцать назад. Защищал один малохольный диссертацию. В общем, наш был против. **И** честно-подробно его разложил. А фомин был тому первый друг – приятель. **И** на нашего стал наскакивать. Дескать тут очень важная наука, а вы того не цените. А потом голосование. Тайное. Все голосуют. **И** оказывается, все против (С. Алешин. Все остается людям); *Мы полюбили друг дружку, но прошло два года, и я другого встретила – Андрюшу. Он был лучше всех, **и** мы поженились, **и** я родила ему троих детей, **и** знаю, ты очень горевал, Степанушка, но ведь сердцу не прикажешь (А. Арбузов. Иркутская история).**

В первом примере П полифункционален, т.к. не только передает повествовательную манеру речи, но и является средством связи (внешней скрепой между отдельными предикативными единицами). В двух первых речевых иллюстрациях имеет место П прерывистой структуры.

2.2. Фигура П как средство усиления модальности текста.

Пример: *Имей в виду, что через несколько лет эффекты поменяют. **И** все свои непомерные претензии, всю свою неудовлетворенность он будет вымещать на окружающих. **И** в первую очередь на тебе. Извини, что я вмешиваюсь в твои дела, но вы слишком дорого мне достались. Я вложил в вас все. **И** хочу, чтобы это было все сохранено (А. Володин. Старшая сестра).* Данная иллюстрация показывает, что П может не только выступать в качестве текстовой скрепы, но и способствовать выражению субъективной модальности фрагмента текста, т.е. отношения субъекта речи к предмету сообщения.

3. Функция актуализации эмоционального компонента речи.

Фигура многосоюзия обладает свойством усиливать коннотативные значения, связанные с выражением различных чувств и эмоциональных состояний персонажа, например, состояний сожаления, тревоги: - *Ибо пуста душа человека без веры. – Это у нас-то пуста? – У таких, как вы, нет. Но вы из сильных и сильны своим делом, которое, по сути, для вас та же вера. А каково слабым? А больным? А страждущим? А одиноким? А покинутым? (С. Алешин. Все остается людям); Но опять и опять я вас спрашиваю: как наведете вы порядок в душе человеческой? **Чтобы** сын не покидал отца, жена – мужа, брат – брата? **Чтобы** ученик не предавал своего учителя? **Чтобы** животный страх смерти не превращал человека в труса поганого? **Чтобы** святое было за душой. Как сделаете? (С. Алешин. Все остается*

людям); *И чем скорей вы осуществите свое решение, тем с меньшей болью. И не скрою, первые годы будут вам труднее смерти. И в этом смысле мой подарок помог бы вам отчасти скрасить ваше одиночество.* (Л. Леонов. Золотая карета); - *Ладно. Уеду я, совсем уеду. К отцу в Ленинград. – А батя? А Родик, а Денис? Как же так, Витька, бросить нас хочешь. Забыл первый год, наши штурмовые ночи? Да разве легко нам дружба досталась?* (А. Арбузов. Иркутская история).

Как показывает анализ драматических текстов, где П встречается, как правило, в повествовательных контекстах и в контексте рассуждения, эта стилистическая фигура используется для формирования повествовательной манеры, для имитации речи, усилении яэмоции и эмоциональных состояний в определенных ситуациях, а также является средством текстообразования. В выражении этих функций используются моно- и полипредикативный П двух подвидностей: в составе МСП и ССЦ, причем вторая из них, как правило, часто применяется для текстообразования и имитации говорения.

Рассмотренный в данном параграфе речевой материал, извлеченный из прозы, поэзии и драмы, дает возможность сделать вывод, что стилистическая ценность П в языке художественной литературы находит свое выражение в широком спектре стилистических функций. Это обусловлено и тем, что выразительность синтаксиса художественных произведений выступает в тесном переплетении с лексической экспрессивностью. Взаимодействие этих двух частных категорий имеет сложный характер, т.к. не только лексическая экспрессивность усиливает экспрессивность синтаксиса, но и синтаксическая форма фигуры влияет на степень лексической экспрессивности, например, при усилении эмоциональности речи. Изобразительные функции П тоже поддерживаются контекстом.

Для прозы, как и поэзии, типично проявление изобразительной функции, функции усиления эмоций, текстообразующей, композиционной, интонационно-ритмической, приемоактуализирующей функций. Однако степень проявления этих функций различна, например, в поэтических текстах интонационно-ритмическая функция – более частотное явление, чем в прозаических. Это обусловлено спецификой данных текстов. В драматургических произведениях, как и прозаических, находит свое выражение характерологическая функция, которая не имеет своей реализации в поэзии. Наряду с указанной выше для драмы характерны функции усиления эмоций и текстообразующая, причем последняя не реализуется за счет ее монтажной разновидности. В этих текстах П формирует повествовательную манеру и усиливает модальность текста, которые являются субфункциями текстообразующей. Изобразительная, композиционная, интонационно-ритмическая, приемоактуализирующая функции не свойственны драматургии.

3.1.2. Полисиндетон в газетно-публицистическом стиле

Особое место среди стилей литературного языка занимает публицистический стиль. Публицистику называют «летописью современности» [Солганик 1996: 214], т.к. она обращена ко многим злободневным проблемам общества – философским, религиозным, политическим, социальным, бытовым и т.д.

Средства массовой информации выполняют ряд функций: информационную, комментарийно-оценочную, познавательно-просветительную, воздействующую, гедонистическую [Культура ... 1998: 238-239]. В реализации этих функций участвуют и стилистические фигуры.

В нашей работе анализируются визуальные средства массовой информации – язык печати (в основном газетные издания), т.к. он составляет одну из наиболее популярных разновидностей массовой коммуникации. В этом смысле актуально утверждение Н.Ю. Шведовой: «Язык газеты дает богатый материал для наблюдений над живыми синтаксическими процессами: обращенный к массовому читателю и в значительной степени ориентирующийся на его языковые навыки, язык этот чужд консервативности, он очень проницаем, и почти все то новое, что входит в систему письменной речи из «говорения», проходит через каналы ежедневной периодической печати» [Шведова 1964: 3].

В нашем исследовании при рассмотрении функциональной характеристики фигуры П в публицистическом стиле уделяется внимание газетному стилю как разновидности публицистического стиля. Нами анализировались информационные (заметка, отчет), аналитические (проблемно-аналитическая статья, корреспонденция) и художественно-публицистические (репортаж, интервью, эссе, фельетон) жанры языка газеты.

В информационных жанрах отмечены единичные случаи использования данной фигуры. Примеры: *У многих были знакомые мастера, которые шили и брюки, и рубашки, и верхнюю одежду* (Московский комсомолец, 9.09.1999); *На этот раз на Лазурный берег приедут не только артисты балета, но и оперные певицы, и живописцы, и художники нетрадиционного плана: конструкторы одежды и модельеры* (Спид-инфо, 1997, №5).

Единичные случаи использования П в информационных жанрах, по-видимому, объясняются тем, что сообщение о том или ином событии в этих текстах становится главной задачей и выступает в «неосложненном» виде. Функция сообщения представлена подчеркнута и обнаженно, поэтому естественно, что основной целью журналиста становится объективное изложение материала, а отсюда и соответствующие языковые средства, передающие сдержанность, краткость, лаконизм.

Итак, и в заметке, и в отчете цель у автора – прежде всего сообщить, не комментировать, не «живописать» действительность, а просто сообщить о том или ином факте или событии. В этом случае выразительность заметки, отчета достигается за счет лаконизма сообщения, коммуникативной ясности и логической стройности [Вакуров, Кохтев, Солганик 1978: 37].

Думается, что при достижении этих качеств некоторую роль играет и П.

В аналитических жанрах исследуемая фигура встречается чаще, т.к. в них в задачу журналиста входит не просто освещение каких-либо событий, но и анализ фактов, формулировка выводов, обобщений. Назначение, специфика этих жанров определяет и особенности стиля [Прохоров 1973: 292], которые подчинены выражению авторского отношения, а следовательно, появляется установка на эмоциональность, публицистичность: *Он не подозревал, какие неординарные нужны меры. Не подозревали этого, похоже, и экономисты, и обществоведы, и писатели* (В. Кардин. Распутье. Литературная газета, 26.12.1999); *"Мы даем, а они не берут", стонут и московские, и российские, и союзные депутаты* (Л. Пияшева. Как в Париже. Литературная газета, 26.12.1999).

Поскольку аналитическим жанрам свойственны рассуждение, анализ, раздумье, постольку уместными оказываются разветвленные сложноподчиненные структуры. Здесь мы встречаемся с П в контексте однородного соподчинения: *В своих выступлениях участники форума подчеркивали, что было бы весьма опрометчиво полагать, что некоторые сложили оружие, что они добровольно откажутся от испытанного средства дезинформации, что они отказались удерживать народы в страхе перед будущим* (Известия, 6.05.1987). Подобные структуры помогают охватить явления действительности в их взаимосвязи, объединить факты, а как раз это и необходимо в данной статье.

П активно используется в группе художественно-публицистических жанров, т.к. их особенностью являются «открытое личностное выражение авторской позиции, оценочность, полистилизм» [Культура ... 1998: 498]. В группе этих жанров часто используются стилистические приемы, в частности П, который способствует формированию эстетического переживания, при этом от художественного рассказа эти жанры отличаются документальностью в отображении действительности [Ученова 1976: 164], например: *Если вам это интересно, то я скажу, что у меня есть друг, крупный врач – и терапевт, и психиатр, и гипнотизер, живет сейчас в Америке* (Вовремя, 17.09.1999); *Обед в нашем доме есть всегда. Я люблю готовить – и лобио, и долму, и харчо* (Вовремя, 17.03.2000).

Таким образом, П довольно широко представлен в газетно-публицистическом стиле речи (37,7 % всех исследованных употреблений по научному, газетному и художественному стилям), потому что в языке газеты многосоюзие является одним из средств усиления, выделения значимой информации.

1. Изобразительная функция.

1.1. П – средство усиления наглядно-образной конкретизации.

При помощи этой стилистической фигуры автор речи может усиливать впечатление о человеке (а), может использовать ее при характеристике образа (б), различных жизненных ситуаций и жизненных коллизий (в), причем в последнем случае П наряду с другими средствами передает повествовательную манеру автора в изложении материала. Примеры:

а) *Но, скорее всего, такое слово вообще вряд ли придет им в голову, потому что, когда дама спину держит прямо, и рот чуть приоткрыт, и движения плавные, и шажки неширокие, и духи соответствующие, она чувствует себя уверенно* (Вовремя, 1.10.1999);

б) *Он [муж – М.В.] был бы и умным, и красивым, и нежным, и превосходным любовником, и лучшим отцом* (Вовремя, 23.07.1999);

в) *Бывало, что и занятия прогуливала, и болезни придумывала, и даже дома в шкафу отсиживалась, лишь бы не появляться в училище* (Московский комсомолец, 9-16.09.1999); *Время от времени они раскрываются, и за декорациями и актерами видишь, как валит снег, как проходят незнакомые люди, озабоченные своими проблемами, как тащатся в пробке автомобиля* (Мир за неделю, 5-12.02.2000).

1.2. П как форма усиления контраста.

В этом случае он помогает выявить противоречивость человеческой природы или жизненной ситуации. «Контрастный» П в газетных текстах представлен только монопредикативной разновидностью.

Лингвистическим показателем скрытого контраста считают союз «и» [Кузнецова А.В. 1998: 88]. Действительно, П с союзом «и» в сочетании с лексикой антонимического типа при выражении контраста является более действенным средством, т.к. этого рода организация контрастности нетипична для грамматической системы современного русского языка. Примеры: *Жизнь готовит и радость и слезы, и минуты успеха и разочарования, и свои взлеты и падения* (Известия, 25.02.2000); *Герой поражает своей двойственностью природы: он и суров и мягок, он и нежен и груб, он и беден и богат* (Литературная газета, 12.06.1991).

2. Функция усиления определенных тональностей речи: торжественности и патетичности. Например: *Сложившие головы в бою достойны и посмертных наград, и мраморных обелисков, и, конечно же, памяти. Это нужно не мертвым, это нужно живым* (Московский комсомолец, сентябрь, 1999); *Об этом человеке можно сказать, что он [Собчак – М.В.] прошел школу жизни, что он вынес все испытания, уготованные судьбой, что он достойнейший из достойнейших людей нашего времени* (Известия, 9.12.2000). Следует отметить, что в античных риторических теориях рекомендовалось употреблять П для «величавости речи» [Античные ... 1936: 235-236].

3. Оценочная функция.

П в газетных текстах – типичное явление для усиления оценочного компонента контекста, поскольку одной из главных функций самой публицистики считают комментарийно-оценочную. Разновидностями проявления оценочной функции называют иронию, сарказм, горечь, изумление и т.п. (см., например: [Сковородников 1981; Бурмистрович 1986; Федорова 1996; Пекарская 1999, 2001] и др.).

П как средство усиления иронии (б), нередко переходящей в сарказм (в), выражается в следующих иллюстрациях:

а) *<...>Предлагает три варианта, затасканные западниками до безобразия. Тут тебе и танцы гигантских жевательных резинок, и похождения секретного агента, и полет на крыле кукурузника... Кристина все эти варианты отвергает и сообщает, что она хочет «остаться собой»* (Комсомольская правда, 21-28.01.2000);

б) *Несознательные у нас мужички. Ленивые и опустившиеся. И к делу не приученные. И мастерству менеджерскому не обучены, и маркетинга в школах не проходили* (Литературная газета, 26.12.1990).

4. Функция актуализации эмоционального компонента речи.

П помогает выделить и усилить различные эмоциональные состояния и душевные переживания, например:

- **восхищение:** *Он замечателен именно тем, что в нем прекрасно. И художественное оформление, и музыка, и, безусловно, роли второго плана* (Московский комсомолец, сентябрь 1999);

- **удивление:** *По возвращении с горящими глазами рассказывали о чудесах невиданных. И формы-то у них нет, и на завтрак дают кока-колу и пиццу, и в классах выдаки стоят* (Московский комсомолец, 9-16.09.1999);

- **возмущение:** *Вранье это все! Было у них и сходство характеров, и всего остального тоже. И любили супруги друг друга крепко, и жить собирались счастливо до конца их дней* (Время, 24.09.1999).

В целом эмоциональная напряженность текста зависит от «натяжения» синтаксических связей между элементами в синтагматической цепи, от интонации повышения и понижения, с которыми произносятся эти конструкции.

В этом случае можно говорить о полифункциональности П, что уже подчеркивалось нами неоднократно.

5. Приемоактуализирующая функция.

5.1. П является одним из средств стилизации, которую определяют как прием, воспроизведение особенностей стиля другой эпохи, литературного течения, писательской манеры какого-либо автора или разговорного языка человека, принадлежащего к определенному социальному слою [Квятковский 1966: 282]. В языке газеты П используется при имитации разговорной речи в диалогах, создавая речевой портрет собеседника: - *Это такая стена до неба, за ней – цивилизация. А вокруг – пустыня и мутанты. А проникнуть в эту вавилонскую стену можно только через какую-то щель. Нору. А нора – это дверь в московскую квартиру* (Известия, 9.12.1999).

5.2. П используется с целью создания приема интимизации в газетном стиле речи.

Прием интимизации служит для оживления авторского повествования, при этом создается впечатление непринужденной беседы с читателем [Сковородников 1981: 42, 48, 104]. И.В. Пекарская называет эту функцию стимулирующей, т.к. она «состоит в активизации читательского внимания с целью заинтересовать адресата» [2000, ч. 2: 199].

Пример использования фигуры П в этой функции: *Но экзотика экзотикой, а где, скажите на милость, на улице Тверской, ранее Горького, можно похлепать русской похлебки? Или блинов с икоркой да в сметане отведать? А вареничков украинских? А шашлычков грузинских, и чтобы грузинские мужчины – собственники своих национальных шашлычных туда народ зазывали? А штруделей еврейских?* (Литер. газета, 26.12.1990).

6. Текстобразующая функция

Использование П в публицистической речи способствует увеличению смысловой, а также эмоциональной насыщенности текста и повышению тем самым его экспрессивности в целом; с его помощью также осуществляется переход от одной темы к другой, например: *Ну разве может быть такое в Москве? Сварила ли я борщ, или приехал кто-то, или книгу интересную принес, или просто гениальная мысль пришла – неужели же я буду ждать три недели! Сейчас! Немедленно! Бросай все и приходи! И приходили. И по телефонному звонку приходили, и*

без звонка приходили, тем более что телефон наш последние четыре года по распоряжению известной организации был вообще выключен. **И** званые приходили, **и** незваные приходили, **и** знакомые, **и** незнакомые, **и** советские, **и** иностранцы. Утомительно, скажете? Конечно, утомительно. *И* работать в такой суматохе не очень получается. А зато – спонтанно. Спонтанная русская жизнь, спонтанная русская душа. Не то что здесь, в Германии: чуть что, они за свой календарь – **а** что у нас в эту субботу, **а** что у нас в то воскресенье? А через два месяца у нас лыжные каникулы в Австрии, **а** через четыре – летние в Италии, и все уже заказано, **а** через год золотая свадьба у бабушки с дедушкой: мы ее празднуем в таком-то ресторане, и все уже заказано тоже. А теперь – приехали мы в Москву. Счастливы, сидим все за одним столом и говорим все хором, ну, словом, все – совсем как раньше и все об одном: быть или не быть? **И** на следующий день в другом доме, **и** на третий, **и** на четвертый – и опять все вместе, и опять об одном: быть или не быть? **И** со страстью, с накалом, с надрывом: быть или не быть? быть или не быть? **И** подумала я тогда, что даже, может, и неплохо было бы, если бы подошел кто-то, пусть даже и не очень знакомый, и спросил бы меня так просто: "Ху ар ю? Вери найс ту мит ю!" **И** отдохнула бы я от этой кошмарной напряженки, которая совершенно справедливо называется интенсивной духовной жизнью (Литературная газета, 26.12.1990).

Заметим, что в текстообразующей функции преимущественно используется полипредикативный П на уровне отдельных предложений в составе ССЦ, но в некоторых случаях (см. пример выше) в канве данной разновидности обнаруживаются вкрапления моно- и полипредикативного П в МСП, углубляя авторский замысел, расширяя авторские задачи.

7. Интонационно-ритмическая функция.

П – одно из ритмообразующих средств газетно-публицистических текстов. Излагая выше некоторые положения, отмеченные в ходе наблюдений над функционированием этой фигуры, мы не могли ни затронуть вопросы ритмообразования, поскольку в некоторых примерах данная функция явственно проступает вкупе с другими, и в этом обнаруживается выразительность языка газеты, например: *Никто из них по-настоящему не возмущился, не забил тревогу, не бросился исправлять дела, когда узнал, что средства вложены в бездействующий объект, что восемь детей супругов Шихэмировых на птичьих правах живут в общежитии аспирантов, что пятнадцать семей-переселенцев так и не знают, придется им обзавестись жильем* (Комсомольская правда, 9.01.1995).

8. Композиционная функция.

Фигура П может использоваться в таких малых жанрах, как анекдот (а), кроссворд (б), печатающихся в газетах. Примеры:

а) *А вот моему другу врач прописал лечебное голодание <...> И знаете сколько он денег сэкономил? И на похороны, и на девять дней, и на сорок дней даже осталось <...>* (Вовремя, 16.04.1999); *Черный новый русский решил купить 600-й Мерседес. Приходит в автосалон и говорит: - Подберите мне, пожалуйста, 600-й Мерседес черного цвета. И чтобы все стекла были затемненные. И чтобы колпаки на колесах были черные. И внутри все было обито черной кожей. <... >* (Вовремя, 24.09.1999); *«И был самосвал. И сбрасывал он щебень. И проходил Тамерлан. И брал он щебень. И разговаривал с ним...» Психиатрическая лечебница. История болезни. Банк «Империал»* (Комсомольская правда, 5-11 января 2002).

б) *И буддизм, и христианство, и ислам; И Буратино, и Мальвина, и Барби; И Вальбе, и Егорова, и Резцова; И юнга, и капитан, и адмирал* (Вовремя, 26.01.2001). В

этих случаях П используется в целях экономии, придавая формулировке вопроса лаконичность формы.

При сборе фактического материала и при его анализе мы не обнаружили существенных различий в употреблении П в отдельных группах жанров. Исключение составляют заметка и отчет, в которых использование данной фигуры отвечает коммуникативной ясности, стройности в изложении материала, что соответствует требованиям этих информационных жанров.

Таким образом, в газетной публицистике, как и в художественной литературе, П имеет довольно большой перечень функциональных проявлений. Однако в данном стиле нами не отмечен П в выражении характерологической функции. При характеристике П как средства текстообразования не встречаются случаи его использования с целью создания художественного монтажа. Исследуемая фигура – типичное явление, которое используется для усиления приема интимизации при реализации приемоактуализирующей функции, также для усиления оценки. Усиление интимизации не выявлено в текстах художественной литературы.

3.1.3. Полисиндетон в собственно научном и научно-популярном стилях

В нашей работе мы различаем собственно научные и научно-популярные тексты. (См. об их разграничении: [Гальперин 1958; Сердобинцев 1976: 83-109]).

Научный и научно-популярный стили, реализующие интенционную направленность в различных иллокутивных актах, прибегают к использованию такой стилистической фигуры, как П. (См. об использовании экспрессивных синтаксических конструкций в научном и научно-популярном стилях в работах вне связи с рассмотрением П: [Котюрова 1974: 110-130; Сквородников 1981; Лаптева 1985; Боженкова 1998; Кузнецова 2000: 118-122; Щербаков 2004]).

Развитие точных методов исследования, специфика научного мышления, стремление науки оградить себя от проникновения ненаучных методов познания – все это обуславливает важнейшие стилевые особенности языка науки: прежде всего обобщенность, отвлеченность, объективность, убедительность [Кожина 1993: 161-167]. Указанные выше признаки научной речи «не предполагают, однако, что научная речь должна быть совершенно неэкспрессивной, безэмоциональной, безобразной» [Кожина 1993: 167]. Экспрессивность способствует выполнению коммуникативных задач научной речи [Будагов 1967; Солганик 1996: 150]. Естественно, что научно-популярные тексты отличаются большей экспрессивностью, эмоциональностью, чем собственно научные [Кожина 1993: 170].

В целом можно сказать, что экспрессивность как усиление выразительности научного текста имеет отличительные признаки, аналогичные, например, художественной речи (см. об этом: [Котюрова 1974:

110-130]). Стилисты экспрессивность научной речи называют интеллектуальной экспрессивностью, которая способствует достижению убедительности научного стиля. К этим средствам убедительной речи можно отнести и П. Для сплошной выборки нами использовались преимущественно научные тексты гуманитарных наук, которые в большей степени содержат различные коннотационные значения, а также отчасти научно-популярная литература.

Довольно часто в собственно научных и научно-популярных текстах П выступает в своей основной неосложненной усилительно-выделительной функции: *Вместе с тем и стандартность, и обобщенность, и безличность делового языка не исключают его выразительности* (Н. Боженкова. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования); *Морфема – наименьшая значимая часть слова. Следовательно, морфема – это и корень слова, и суффикс, и префикс, и окончание* (Э. Вартамян. Путешествие в слово).

1. Текстобразующая функция П.

П – специфичное средство развертывания научного текста. На текстовом уровне он **способствует семантическому углублению темы**, т.е. является своего рода выделителем наиболее существенных понятий, определений, суждений и т.п. в рамках как собственно научного, так и научно-популярного стилей в контексте таких функционально-смысловых типов текста, как:

а) описания: *Это такое явление научной речи, когда целый ряд языковых средств каждого небольшого текста (например, в пределах предложения) - и лексических, и грамматических, и иных – «направлен» на выражение отвлеченности и обобщенности мысли* (М. Кожина. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики); *По внешности-то ведь эта книга старомодная. И формой (записки поручика Амилахвари), и историческим фоном (конец царствования Николая I), и сюжетом (приследуемая любовь двух сужденных друг другу сердец). Такой сюжет можно будет найти в старых бумагах <...>* (В. Курбатов. За шлагбаумами. Послесловие // Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

б) рассуждения: *Далее автор говорит о тексте как о событии и семиотическом, и лингвистическом, и коммуникативном, и культурологическом и т.д. Следовательно, – текст объект внимания не только лингвистики, но и всех наук, связанных с человеческой деятельностью. Это явление междисциплинарное, интердисциплинарное* (Е. Голян. Текст в разговорной речи); *Выдающийся языковед Ф. Де Соссюр утверждал, что фразеологизмы – «это те вполне готовые речения, в которых обычай воспрещает что-либо изменить даже в том случае, если можно, поразмыслив, различить в них знакомые части». Однако такая декламация не является безупречной, ибо обходит молчанием те творческие процессы, что изменяют и форму, и реальное содержание, и смысл таких «неприкасаемых», незыблемых устойчивых оборотов и формул речи* (Э. Вартамян. Путешествие в слово).

в) повествования: *<...> Так как видений каждую ночь бывало много – и лучи, и "тарелки", и шары, то все это записывалось в журнал наблюдений, при этом время указывалось точное. Затем сравнивались записи всех членов экспедиции, и обнаруживались взаимосвязанные явления* (В. Колесник. Пришельцы из Зазеркалья). В канве повествования исследуемая фигура встречается только в научно-популярных текстах.

П наиболее распространен в описательных контекстах, меньше – в текстах рассуждения, редко – в повествовательных контекстах, причем в последнем случае исследуемая фигура не образует собственно повествование, а выделяет определенную информацию в контексте повествования. Последнее свойство фигуры характерно только для научно-популярных текстов.

2. Функция дискретности текста.

П способствует расчлененности научного и научно-популярного текстов, что облегчает его усвоение, доступность, например: 1) *В плане языковых норм составитель использует традиционные для делового стиля языковые средства. Таковы: и стилистика текста документа (нейтральная и/или книжная); и лексика (близкие к однозначности лексемы и привычные словосочетания, включая клише и штампы, не говоря уже о так называемых канцеляризмах – средствах, употребление которых нормы литературного языка ограничивают деловой речью); и морфологические средства (преобладание имени над глаголом, продуктивность отглагольных существительных для называния действий; отказ от личных указательных местоимений он, они...); и синтаксические средства (усложняющие синтаксис контекста, причастные и деепричастные обороты и сложноподчиненные предложения с эксплицирующими логические отношения союзами; именные цепочки с родительным падежом)* (Л. Граудина, Е. Ширяев. Культура русской речи); 2) *Во всяком случае каждый серьезный литературовед или лингвист прекрасно понимает, что художественная речь отличается от других видов речи, что художественная речь – речь образная, что художественное произведение создается по законам искусства, что языковые средства при этом особым способом организуются, что творческое воображение писателя создает индивидуально-неповторимые образы...* (В. Одинцов. Стилистика текста); 3) *Более того, ЭВМ все более "овладевают" умениями выдвигать гипотезы и их обосновывать, формировать новые понятия, находить оптимальные решения сложных народнохозяйственных и научных задач. И составлять словари. И сносно переводить. И реферировать тексты. И выдавать на экран тексты, хранящиеся в машине закодированными. Вот только по-прежнему лингворобот не может справиться с омонимами да идиомами* (Э. Вартамян. Путешествие в слово).

Функция дискретности текста выражается не только за счет П (анафорического типа), но и на основе присутствия синтаксического параллелизма (речевые илл. 1-2). Эта функция достигается совместным использованием исследуемой фигуры и парцелляции (речевая илл. 3). В результате такого взаимодействия углубляются паузы между синтагмами, способствуя созданию особого ритма.

3. К числу нетипичных функций П, которые имеют место только в научно-популярных текстах, можно отнести: **изобразительную, функцию усиления эмоций.**

Научно-популярные тексты допускают коннотативные значения: эмоциональность, изобразительность, оценочность и т.д. (указание на это см., например: [Сковородников 1981: 179; Кожина 1993: 167-172; Боженкова 1998: 64-72] и др.).

Эти значения «мотивированы и коммуникативно, и экстралингвистически: деятельным характером науки, природой знания и научного творчества, законами познания, свойствами мышления, которые

отноюдь не ограничиваются лишь логико-понятийной стороной (здесь проявляются и эмоция, и воля, и интуиция» [Кожина 1993: 168].

Так, в следующих контекстах **П усиливает такие коннотативные значения, как:**

- **изобразительность:** *Литосфера, или так называемая неживая природа. Хотя, истины ради, мы должны признать, что и реки, и моря, и горы имеют свои энергетические поля, которыми они участвуют в общем информационно-энергетическом обмене* (Н. Семенова. Очистись! От паразитов);

- **эмоциональность:** *Не замечать – и малым, и зрелым, и здоровым и больным, и ученым и недорослям... Не замечать и катиться к пропасти. Это уже результат полного разращения тела и души общества, его настрой...* (Н. Семенова. Очистись! От паразитов) – **обеспокоенность;**

Гляньте, каких тут слов только нет – и высоких, и острых, и ехидных, и иронических, и шутливых...Нет, не бедна у мира слова мастерская! (Э. Вартамян. Путешествие в слово) – **восхищение;**

Тем не менее предменструальный синдром осложняет жизнь не только женщины, но и ее близких. В легкой форме это проявляется в недовольстве: и дети плохие, и муж невнимательный, и солнце светит не так ярко, - а в тяжелых случаях доходит до суицидных попыток... (Краткий лечебный справочник) – **раздражительность;**

При дегельминтизации аскариды выползают клубками и не один день, и не одну неделю, и не один месяц (Н. Семенова. Очистись! От паразитов) – **катастрофичность положения больного.**

Фигура **П** в пределах собственно научного, научно-популярного стилей функционирует как текстообразующее средство: способствует семантическому углублению темы в контексте описания, рассуждения и повествования (в последнем случае **П** встречается только в научно-популярных текстах). Эта фигура – средство достижения дискретности текстов данных стилей, благодаря которому научное изложение становится расчлененным, доступным для усвоения. Во фрагментах научно-популярного текста с помощью **П** происходит оживление повествования, что активизирует восприятие слушателя/читателя, к тому же исследуемая фигура в редких случаях может усиливать изобразительность, эмоциональность таких текстовых разновидностей. Таким образом, **П** редко может участвовать в создании выразительности и изобразительности в собственно научном и научно-популярном стилях.

Представленность **П** в научном стиле речи характеризуется следующими конструктивными разновидностями: на уровне однородных членов предложения используется чаще всего (81,4 %), меньше **П** в МСП (11,6 %) и редко встречается он в научном стиле речи на уровне отдельных предложений в ССЦ (7 %).

3.2. Полисиндетон в аспекте стилистической конвергенции

Обращаясь к истории изучения конвергенции, следует отметить, что впервые на это стилистическое явление обратили внимание Ж. Марузо [1946: 339-340] и С. Ульман [1957: 133]. Понятие конвергенции нашло свое

распространение в лингвистике благодаря М. Риффатеру, который указал на ее роль в стилистическом анализе текста [1959]. Развивая идеи М. Риффатера И.В. Арнольд, это понятие дефинирует следующим образом: «Конвергенцией называется схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции. Взаимодействуя, стилистические фигуры оттеняют, высвечивают друг друга, и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным» [1981: 63].

Большой вклад в понимание механизмов конвергенции внесли А.П. Сквородников [1989: 149; 1981: 204-205], И.В. Пекарская [1995: 151-162; 2000, ч. 1: 195-229; 2001: 10-11], Г.А. Копнина (Худоногова) [Худоногова 1998: 40-43; 1999: 99-101; Копнина 2001: 3-24; 2001, 11-16].

А.П. Сквородников под конвергенцией понимает «совместную встречаемость и стилистическое взаимодействие» синтаксических фигур [1981: 149], при этом фигуры взаимодействуют не хаотически, а на основе их функциональной общности [там же: 217]. Относительно расположения конвергенции в тексте ученый выделяет сосредоточенную (взаимодействие в контексте одного предложения) и рассредоточенную (взаимодействие в пределах фрагмента текста) разновидности [там же: 204-205].

И.В. Пекарская в своей монографии дает критический обзор существующей литературы, которая связана с проблемой конвергенции [2000, ч. 1: 195-203]. В ходе аналитического обзора она приходит к выводу, что: 1) сам факт обращения к этой проблеме в сфере элокутивных средств является весьма актуальным, поскольку представляет не только научный интерес, но и имеет практическое значение; 2) понятие конвергенции необходимо детализировать: т.к. автор убедительно доказывает «расширительное» толкование термина и указывает, что в работах зачастую не обозначается характер (механизм) взаимодействия фигур; 3) необходимо соотношение и разграничение таких понятий, как «конвергенция» и «контаминация» [там же: 198-203].

Проблему разграничения конвергенции и контаминации в своих работах ставят не только И.В. Пекарская [2000, ч. 1: 203-229; 2001: 10-11], но и Г.А. Копнина [2001: 13; 2001: 11-16]. При этом авторы дискутируют относительно такого взаимодействия стилистических приемов (тропов, фигур), как наложение.

Не вступая в дискуссию, отметим, что И.В. Пекарская под конвергенцией понимает взаимодействие в виде следования (сцепления) тропов, фигур друг за другом в речи, в результате чего «удерживается внимание собеседника от начала до конца сообщения, чем достигается выразительность речи» [2000, ч. 1: 246]. Таким образом, исследователь из числа способов реализации конвергенции исключает наложение изобразительных средств (тропов, фигур). Этот способ она относит к механизму реализации контаминации, которую определяет так: «<...> принцип построения языковой и/или речевой единицы, основанный на совмещении в ней признаков двух (или более) языковых и/или речевых единиц, близких друг другу структурно, функционально или ассоциативно.

Совмещение единиц может осуществляться тремя способами: а) синкретизмом (последовательным соединением); б) аппликацией (наложением или вставкой); в) амальгамацией (смешением, «соскальзыванием» с одной конструкции на другую в процессе речи)» [Пекарская 2000, ч.2: 78], причем контаминация является средством усиления изобразительности [Пекарская 2001, ч.1: 246].

Г.А. Копнина, напротив, считает, что наложение стилистических фигур является разновидностью конвергенции, при котором они накладываются друг на друга [2001: 13; 2001: 15]. Под стилистической конвергенцией исследователь понимает «сложный стилистический прием, основанный на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции» [Копнина 2001: 11].

Авторы сходятся во мнении, что конвергенция носит разноуровневый характер [Пекарская 2000, ч.1: 246; Копнина 2001: 11], хотя Г.А. Копнина проводит исследование на примере конвергенции только стилистических фигур как разновидности стилистической конвергенции. В этом отношении конвергенция также «представляет собой сложный стилистический прием, основанный на взаимодействии стилистических фигур, выполняющих общую стилистическую функцию» [Копнина 2001: 12-13].

Взгляды исследователей расходятся и в понимании гомогенной и гетерогенной конвергенции. И.В. Пекарская утверждает: «При гомогенной контаминации и конвергенции вступают во взаимодействие фигуры/тропы, построенные по одному принципу. При гетерогенной – по разным» [Пекарская 2000, ч.1: 246]. Г.А. Копнина вкладывает иной смысл в понятие вариантов конвергенции по критерию однородности/ неоднородности стилистических фигур, гомогенной конвергенцией называя такое их взаимодействие, которое характеризуется выполнением общей стилистической функции однородными фигурами, а гетерогенная характеризуется взаимодействием разнородных стилистических фигур [Копнина 2001: 15]. Автор наряду с указанными выше типами взаимодействия указывает, что может быть и смешанный тип, в котором происходит «многокомпонентное взаимодействие стилистических фигур, две (или более) из которых являются однородными» [там же: 15].

Таким образом, общепризнанным фактом является стилистическое взаимодействие изобразительных средств, в частности, тропов и/или фигур, хотя относительно способов его реализации нет однозначной трактовки. Однако некоторые различия в их трактовке не снимают интереса к проблемам в области взаимодействия фигур.

В нашей работе П в контексте стилистической конвергенции рассматривается в соответствии с взглядами на это явление Г.А. Копниной (см. подробнее: [Копнина 2001: 3-27]).

О контаминации мы говорим в тех случаях, когда в пределах одной синтаксической единицы происходит совмещение по типу наложения (в соответствии с терминологией И.В. Пекарской) асиндетона и П, например: 1)

Наконец, нас связывало многое, если подумать: солдатский костер, каша, нелепица встречи и расставания, и знакомые нотки, посверкивающие время от времени в полубредовом бормотании австрийца, и конечно, совместное ноябрьское бегство по европейским весям (Б. Окуджава. Свидание с дилетантом); 2) Конечно, он не предполагал, что ниточка-то существует, господа, и я могу приводить еще множество примеров, если вас мучает сомнение, ибо я-то сам вижу, как сливаются воедино в веках молчаливая и укоризна, холодная недоступность, скорбь и торжество, и слабость, и упоение, и любовь... (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов). Мы считаем, что наложение может быть способом реализации как конвергенции, так и контаминации. Различие заключается в том, что в первом случае происходит наложение определенного сегмента одной стилистической фигуры на другую, при этом они воспринимаются достаточно расчлененно: 3) *Да если на то пошло, я могу все брюквы унести, выкинуть их вон и перебрать всю и картошку, и свеклу, и морковь – все мне, ничем!* (В. Астафьев. Последний поклон). В случае контаминации тоже происходит наложение, но при этом имеет место смешение (диффузия) (речевые илл. 1-2). Контаминация по типу наложения также характеризуется тем, что стилистические фигуры представляют собой построения в соответствии с одним и тем же принципом и/или способом, и/или средством.

Диффузия асиндетона и П встречается только в открытых сочинительных конструкциях однородного ряда (речевые илл. 1-2) или МСП. В пределах однородного ряда это явление более частотно. Оно обусловлено характером типа связи: сочинительная связь открытой структуры может быть оформлена как союзно, так и бессоюзно (В.А. Белошапкова), а также средствами построения – перечислением, однородностью.

Взаимное проникновение П и полипрепозита возможно на основе того, что они построены по одному синтагматическому принципу (избыточность), с участием одних и тех же частных принципов (перечисления, повтора, однородности). Например: 4) *Постепенно тема разговора помельчала. Вместо высоких слов о предназначении нации зазвучали простые, и обиходные, и доступные, и трогательные слова о них самих, о доме, о линии судьбы, о краткости земного бытия, о пристрастиях, о запахах, гусиных потрохах, тафте, дурных вкусах, мигренях, вере, верности...* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Таким образом, контаминированные структуры с наложением можно охарактеризовать как диффузные явления экспрессивности (в данном случае) синтаксического уровня, или контаминированное наложение, осложненное диффузией.

1. П и повтор.

В отечественной лингвистике нет общепринятого понимания повтора. Можно отметить несколько значений данного термина. Одни исследователи повтором называют разновидность стилистической фигуры [Горшков 1996: 232; Филиппов, Романова 2002: 78]; другие используют для названия ряда стилистических приемов [Десяева и др. 2003: 160]; третьи – для наименования принципа построения «орнаментального средства» [Пекарская 2000, ч.1: 179]. В «Энциклопедическом словаре-справочнике», где дается перечень выразительных средств русского языка, Г.А. Копнина указывает два значения термина «повтор»: 1) принцип, лежащий в основе построения

стилистических приемов; 2) общее название некоторых стилистических приемов [Копнина 2005: 231].

Повтор может быть также проявлением речевых ошибок, например, в основе тавтологии лежит непреднамеренное повторение одних и тех же или однокоренных слов [Сковородников 2005: 471].

Таким образом, стилистически мотивированный повтор лежит в основе построения стилистических приемов, а немотивированный приводит к возникновению речевых ошибок.

Как стилистическое средство выделяют звуковой, морфемный, лексический, морфологический и синтаксический виды повторов [Копнина 2005: 231-232]. В зависимости от расположения единиц, которые повторяются в тексте, различают контактный повтор (редупликация, геминация и др.) и дистантный повтор (кольцо, эпифора и др.). Эти виды повторов подразделяются на неупорядоченные (эпимона, позиционно-лексический повтор и др.) и упорядоченные (анафора, эпифора, кольцо, хиазм, полисиндетон, анадиплосис и др. [Хазагеров, Ширина 1999: 260; Копнина 2005: 232].

Нами отмечено, что П вступает в стилистическую конвергенцию со всеми уровневыми разновидностями повторов.

Примеры: 1) *Жущище примчался, / *И сед, / И качался, / И все восхищался, / И всем восхищался (Э. Мошковская) – П монопредикативного типа с контактным расположением компонентов, ассонанс, аллитерация, гомеология (повтор однотипных суффиксов и постфиксов), редупликация;**

2) *В Кольчугине эти разнодалекие цветные металлы смешивают <...> и получают из металлов **и бронзы** алюминиевые, **и бронзы** оловянистые, **и бронзы** берилловые (В. Солоухин. Владимирские проселки) – П монопредикативного типа с контактным расположением компонентов, гомеотелевтон, анафорический лексический повтор, контактный изоколон на уровне словосочетаний. Эти примеры показывают, что П может вступать в сосредоточенное взаимодействие с повтором звуков, морфем, различных форм слова, синтаксических конструкций. Их конвергенция с фигурой многосоюза характеризуется гетерогенной разновидностью (в понимании Г.А. Копниной), при этом взаимодействующие стилистические приемы строятся на повторе как частном принципе их построения. Однако П в основе своей организации содержит не только обозначенный принцип, но еще и перечисление как синтаксическую категорию. Названные приемы построены на основе синтагматического принципа избыточности. Из этого списка составляет исключение синтаксический повтор (изоколон), который содержит синтаксический параллелизм и входит в группу стилистических приемов, имеющих в основе симметрию как синтагматический принцип их организации.*

Таким образом, возможно взаимодействие не только на основе функциональной близости, но и на основе структурной обусловленности. Обнаруживает себя частотная конвергенция стилистических приемов, в основе которых лежат общие и частные принципы их построения:

избыточность – повтор, перечисление; также возможна конвергенция, обусловленная не общим принципом, а частным: избыточность и симметрия могут реализоваться за счет повтора, который опять-таки выступает в качестве предрасположенности к взаимовстречаемости стилистических средств.

Сосредоточенная конвергенция П со стилистическими приемами, в основе которых лежит повтор, характеризуется сопровождением синтаксического параллелизма (67,6 % от всех случаев конвергенции этого типа по всем исследованным стилям), поскольку часты случаи наложения анафорического лексического повтора и П, первый из которых является средством построения синтаксического параллелизма.

В этом случае имеет место деривационная конвергенция стилистических фигур [Копнина 2001: 16].

Ассонанс (см. подробнее: [Емельянова 2005: 7-73]) с аллитерацией в конвергенции с П (см. подробнее: [Емельянова 2005: 19-21]) способствуют усилению наглядно-образной конкретизации: повтор звуков «помогает передать звучание» описываемых автором предметов, животных и пр.; повтор союзов создает ощущение интенсивности и продолжительности действий, которое производит животное (речевая илл. 1).

Гомеология как стилистический прием представлена повтором однотипных морфем: повторение флексий (гомеотелевт), корневой повтор (гомеозоптон), повтор суффиксов, префиксов, постфиксов [Кузнецова 2005: 101].

В нашей работе повтор однотипных морфем и его разновидностей определяется в соответствии с их трактовкой в книге «Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» [2005].

Гомеология в сочетании с П служит для усиления ритмизации как стихотворных (речевая илл. 1), так и прозаических текстов (речевая илл. 2), при этом их конвергенция более частотна в текстах поэзии (82,1 %), чем в прозе (27,9 %). Как правило, конвергенция обозначенных приемов реализуется в цепочке однородных членов.

Интересны случаи конвергенции (преимущественно сосредоточенной) П с различными стилистическими приемами, содержащими разнообразные лексические повторы. Примеры:

3) *И не умел он ездить верхом, и не умел он ладить упряжи, и не умел он брать сена на вилы, и не умел он гвоздь забить* (А. Солженицын. В круге первом) – полипредикативный П в составе МСП с контактным расположением его компонентов, анафорический лексический повтор целой части предложения (более распространен словесный анафорический повтор).

П моно- и полипредикативного типов широко конвергирует с анафорой лексической в рамках сосредоточенной конвергенции (по типу наложения), при этом анафора представлена либо повтором слова (речевая илл. 2), либо повтором сочетания слов (речевая илл. 3). Если анафора

реализуется в начальной позиции абзаца, то всегда будет иметь место рассредоточенная конвергенция (см. ниже речевую илл. 11).

4) *В черном небе – слова начертаны, / И ослепли глаза прекрасные ... / И не страшно нам ложе смертное, / И не сладко нам ложе страшное* (М. Цветаева) – полипредикативный П с контактным расположением его компонентов, симплока. Взаимодействие симплоки и полипредикативного П нами отмечено только в пределах сосредоточенной конвергенции по типу наложения (речевая илл. 4). Невозможно сочетание симплоки и монопредикативного П.

5) *Нам ведь тогда, в первые годы перестройки, казалось, что свобода – это разговоры. Что демократия – это разговоры. Что настоящая жизнь – это всего лишь разговоры* (Известие. 25.02.2000) – полипредикативный контактной структуры П, осложненный парцелляцией, эпитетическим лексическим повтором слова.

6) *И корь, и дифтерит у них, / И оспа, и бронхит у них, / И голова б о л и т у них, / И горлышко б о л и т* (К. Чуковский. Айболит) – П полипредикативного типа с контактным расположением компонентов, эпитетический лексический повтор, позиционно-лексический повтор.

Лексическая эпитета во взаимодействии с фигурой многосоюзия чаще встречается в поэтических текстах (68,5 %), реже – в прозаических (31,5 %), при этом реализуется как в пределах сосредоточенного наложения (речевая илл. 6), так и в контексте рассредоточенного наложения (речевая илл. 5).

7) *И встретал он, и лез он на рожон, и сердце надрывал он снова и снова – с тем же: не везде трын-трава* (В. Распутин. Прощание с Матерой) – монопредикативный П контактной структуры, редупликация с наложением градации, в основе которой лежит перечисление.

Монопредикативный П может вступать в сосредоточенное взаимодействие только со словесной редупликацией, при этом последняя стилистическая фигура включается в структуру П по типу вставки (речевая илл. 7). Функциональная особенность конвергенции П и редупликации заключается в том, что она усиливает повторяемость действия (речевая илл. 7). В нашей работе термин «редупликация» используется только в отношении стилистической фигуры, основанной на двукратном контактном повторении слова, словосочетания или предложения (см.: [Копнина 2000: 408]).

8) *Милые спутники, / Делившие с нами ночлег! / Версты, и версты, и версты, / И черствый хлеб...* (М. Цветаева) – монопредикативный П контактной структуры, геминия, представленная повтором имени существительного.

9) *<...>давай о взаимных обидах забудем, / Побродим, как раньше, вдвоем, - / И плакать, и плакать, и плакать мы будем, / Мы знаем с тобой – о чем.* (О. Берггольц. О да, я иная, совсем уж иная...) – монопредикативный П с контактным расположением его компонентов, геминия (повтор глагольной формы).

Здесь в контексте сосредоточенной конвергенции происходит наложение монопредикативного П и словесной геминии. В структуре исследуемой фигуры шире представлена геминия имен существительных. Это обусловлено тем, что фигуральное многосоюзие специализировано на

отражении статичности окружающего мира (речевая илл. 8), хотя встречаются контексты, иллюстрирующие геминацию глаголов (речевая илл. 9). Сосредоточенное наложение П и геминации (см. о понятии геминации: [Москвин 2000: 76]) при реализации изобразительной функции может усиливать пространственную протяженность (речевая илл. 8), а также длительность протекания определенного процесса (речевая илл. 9). В справочной литературе имеется указание на то, что данные стилистические фигуры могут употребляться совместно [Копнина 2005, 94].

10) <...> *Иван Евдокимович завладевал ручкой Лавинии. И гладил ее, и мял, и грустно улыбался, сидел разомлевший, тучный, покорный, и гладил ручку, и мял* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов) – монопредикативный П контактной структуры, кольцо.

Наложение кольцевого повтора на структуру П нами выявлено только в пределах сосредоточенной конвергенции, поскольку фигуральный повтор союза представлен монопредикативной разновидностью (речевая илл. 10). П, вступая во взаимодействие с кольцевым повтором, создает эффект сосредоточенного внимания одного персонажа к действиям другого (повторяется то, что было неприятно видеть Мятлеву, это выражает определенное эмоциональное состояние героя, а также заставляет читателя сопереживать) (речевая илл. 10).

Лексическая анафора и П могут взаимодействовать не только в контексте сосредоточенной конвергенции (по типу наложения) (см. выше речевые илл. 2, 3), но и в рамках рассредоточенной, если анафора реализуется в начальной позиции абзаца, например:

11) **Казалось мир застыл**, перестал вращаться, и его проржавевшая ось, слава богу, наконец, потребовала замены; и можно было передохнуть <...>; и можно было заняться скромным усовершенствованием собственных чувств, дотоле словно пребывавших в состоянии хаоса и распада; и можно было удлинить свою жизнь за счет каждого дня, который становится вечностью <...>.

Казалось мир застыл <...> (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Конвергенция фигуры многосоюзия и анафорического лексического повтора характеризуется выполнением усилительно-выделительной функции (речевые илл. 2, 3, 4, 11) (см. о разновидностях анафоры и ее использовании: [Копнина, Кузнецова 2005: 42-43]). Такое же назначение присуще и взаимодействию П с позиционно-лексическим повтором (речевые илл. 6, 12, 13), лексическими симплокой (речевая илл. 4) и эпифорой (речевые илл. 5, 6), которое зачастую сопровождается их участием в ритмизации текста (речевые илл. 4-6).

П широко взаимодействует не только с различными видами лексического повтора, но и с синтаксическим повтором-параллелизмом. При рассмотрении функционирования конвергенции П и фигур синтаксического параллелизма мы учитываем случаи, когда они имеют различное лексическое наполнение (изоколон, синтаксический хиазм, период). Исследователи отмечают, что синтаксический параллелизм реализуется при повторе не менее трех одинаковых конструкций [Макаренко 2017: 37-38] либо двух [Кузнецова 2005: 298].

В нашей работе синтаксический параллелизм понимается согласно толкованию И.В. Пекарской, А.А. Кузнецовой как принцип построения фигуральных и нефигуральных синтаксических конструкций. А.А. Кузнецова указывает, что принцип синтаксического параллелизма является нерегулярным в фигуре П [Кузнецова 2005: 300].

П часто конвергирует с изоколоном как синтаксическим повтором, причем изоколон представлен на уровне параллельного контактного расположения (см. подробно о разновидностях синтаксического параллелизма: [Кузнецова 2005: 134-135]) словосочетаний (речевая илл. 2), частей сложного предложения (речевые илл. 4, 6) и отдельных предложений (речевая илл. 5). Во всех случаях имеет место взаимодействие по способу наложения. Сосредоточенный вариант встречается при взаимодействии монопредикативного (речевая илл. 2) и полипредикативного П в составе МСП (речевые илл. 4, 6), а рассредоточенный – при конвергенции также его полипредикативной разновидности, но в составе ССЦ (речевые илл. 5, 13). П в сочетании с изоколоном способствует активизации восприятия содержания как в логико-семантическом, так и в логико-эмоциональном отношении (речевые илл. 2, 4, 6, 11). (См. о функционировании изоколona: [Кузнецова 2005: 134-135].)

Стилистическая конвергенция П обнаруживается не только с изоколоном, но и с синтаксическим хиазмом (речевая илл. 12) и периодом (речевая илл. 13). Примеры:

12) *И спал разжалованный Мамурин в своей одиночке, и отдыхающая смена спала, и спала смена бодрствующих, и спала дежурная фельдшерница в медпункте, весь вечер сопротивлявшаяся лейтенанту* (А. Солженицын. В круге первом) – в этом примере наряду с синтаксическим хиазмом содержатся анафорический лексический и позиционно-лексический повторы. Хиазм представлен в сосредоточенном взаимодействии с П по способу вставки (речевая илл. 12). Совместное использование фигуры многосоюзия и синтаксического хиазма является реализацией изобразительной функции в ее наглядно-образном проявлении (речевая илл. 12).

13) *Я знал. Что уступлю ж е с т о к о с т и сегодня - завтра о н а поднимет руку на тебя. Что ты завтра не найдешь в себе сил противостоять ж е с т о к о с т и – послезавтра о н а сомнет нас. Что другие откажутся противостоять ж е с т о к о с т и – о н а замахнется на многих. Что многие не уничтожат ж е с т о к о с т ь – о н а посягнет на весь мир* (В. Щерб. Наше!) – здесь взаимодействуют П контактной структуры, позиционно-лексический повтор, полиптон, гомеология, звуковой повтор, градация.

В трактовке стилистического статуса периода нет единства мнений. (См. [Хазагеров, Ширина 1999: 252-257; Пекарская 2000, ч.1: 179; Филиппов, Романова 2002: 124; Михальская 1996: 235- 238; Кузнецова 2005: 223-225].) Период в нашей работе понимается согласно трактовке А.А. Кузнецовой как стилистическая фигура синтаксического параллелизма [2005: 223-225].

Период и П могут встречаться в рассредоточенной конвергенции по способу наложения в контексте ССЦ (речевая илл. 13). Этот пример показывает, что анафорический полипредикативный П контактной структуры

способствует параллельной организации периода, который наряду с фигуральным повтором союза является благодатной структурой для вставки позиционно-лексического повтора и наложения градации, причем здесь представлена смешанная рассредоточенная конвергенция, поскольку содержатся три параллельно расположенные градации: 1) временная – *сегодня, завтра, послезавтра*; 2) количественная в сочетании с процессуальной – *поднимет руку на тебя, сомнет нас, замахнется на многих, посягнет на весь мир; я уступлю, ты не найдешь им, другие откажутся, многие не уничтожат*.

Совместное употребление П и периода служит целям усиления и выделения смыслового и эмоционального компонентов текста, а также созданию определенной интонации и ритмизации прозаической речи (речевая илл. 13).

Заметим, что в последнем примере есть конвергенция П и полиптотона (полиптота), которые совместно усиливают напряжение внимания на том или ином содержании лексемы в определенном фрагменте текста (речевая илл. 13) (см. о функциональном использовании полиптотона вне рассмотрения конвергенции обозначенных стилистических фигур: [Сковородников 2005: 236-237]).

Полиптотон в нашей работе понимается широко: он характеризуется повтором не только форм имени, но и повтором различных форм слова любой изменяемой части речи [Береговская, Верже 2000: 109; Волков 2001: 134; Ключев 1999: 234].

В специальной и справочной литературе указывается, что повторы употребляются во всех функциональных стилях современного русского языка, выполняя широкий диапазон экспрессивно-смысловых функций. Для всех видов повторов характерна функция эмфатизации определенного фрагмента текста [Копнина 2005: 232]. И.Н. Кручинина отмечает: «Эмфатическая сила повтора коренится в самой его природе <...> повтор, привлекая внимание к одному и тому же явлению, эмоционально нагнетает его смысл. При этом чем многократнее повтор, тем значительнее и ярче смысловая эмфаза» [1988: 24]. Выделение звука, морфемы, слова и т.д. происходит за счет определенной плотности повторяющихся единиц в речи, которая становится заметной для слушателя или читателя [Хазагеров, Ширина 1999: 260].

Различные повторы в сочетании с П выполняют общую функцию (это одно из главных условий реализации конвергенции): фигура многосоюзия, оказавшись в условиях эмфазы, тоже развивает данную функцию, при этом усиливая определенное стилистическое коннотативное значение.

2. П и градация.

Второе место по частотности занимает взаимодействие П с градацией как стилистической фигурой, поскольку в его основе (на что указывалось нами неоднократно), как и в основе градации, лежит частный принцип реализации – перечисление. Это обуславливает как структурную, так и функциональную их близость. Эти фигуры конвергируют по типу

наложения. Примеры: 1) *И ему [Косте – М.В.] казалось, что он будет **и кричать, и ликовать, и неистовствовать со всеми вместе*** (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); 2) *Уезжать приходилось **и на три дня, и на десять, и один раз даже на две с половиной недели*** (Вовремя, 16 апреля, 1999); 3) *А горы все выше, а горы все круче, / А горы уходят под самые тучи!* (К. Чуковский. Айболит); 4) *И они знали, что это умение деда – целая система, выработанная им, сознательно усвоенная. И они хорошо знали, как он гордился своим искусством. И они очень хорошо знали, как его большие, слегка навывкате голубые глаза зорко наблюдают за ними за всеми, подмечая досадные промахи и ошибки* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Монопредикативный П с градацией часто представлены восходящим типом последней (речевые илл. 1-4).

Градация, взаимодействуя с полипредикативным П, зачастую выражает пространственное возрастание признака (речевая илл. 3). Восходящая градация и полипредикативный П на уровне отдельных предложений способствуют реализации процессуальной усиленной достоверности (речевая илл. 4).

Нисходящая градация в конвергенции с П – довольно редкое явление (18,9 %) по сравнению с восходящей разновидностью градации во взаимодействии с фигурой многосоюзия (81,1%). Пример конвергенции П с нисходящей градацией: 5) *В длинном широком помещении во много рядов сидели за пальцами мастерицы: **и совсем молоденькие девушки, и молодые женщины, и женщины в возрасте, и старушки*** (В. Солоухин. Владимирские проселки).

В основном реализуется трехкомпонентная градация (речевые илл. 1-4), также встречается четырехкомпонентная (речевая илл. 5), причем наш исследовательский материал содержит случаи только контактного расположения градонимов. (См. подробнее о типах градации: [Щербаков 2004: 98-131].)

Конвергенция исследуемых фигур чаще выступает как сосредоточенная встречаемость. В случае наложения полипредикативного П на уровне отдельных предложений и градации реализуется рассредоточенное расположение их компонентов.

В представленных иллюстрациях наряду с градацией встречаются различного рода повторы: суффиксальный повтор и анафорический повтор слов с участием изоколона (параллельный повтор) (речевая илл. 3); анафорический лексический повтор, позиционно-лексический повтор, изоколон (речевая илл. 4); корневой повтор, позиционно-лексический повтор (речевая илл. 5) и др. Их широкое взаимное использование обусловлено тем, что стилистические приемы, построенные на основе повтора и перечисления, являются действенным экспрессивным средством, способным создавать различные стилистические эффекты; а также общими принципами, способами и средствами их построения.

Основная функция конвергенции анализируемых фигур состоит в усилении и выделении их компонентов, которые представлены в форме сопоставления «по сходству и по контрасту», т.к. они «имеют в значении общее и в то же время противопоставлены друг другу по интенсивности проявления этого общего» [Щербаков 2005: 102].

3. П и парцелляция.

В справочной и специальной литературе обращают внимание на то, что в некоторых случаях происходит смешение таких понятий, как «парцелляция» и «присоединение» [Розенталь 1980: 25-27; Сковородников 1981: 140-142; Нецветаева 1998: 35; Копнина 2005: 219]. Их следует различать, «так как присоединение – это грамматическая категория, обладающая собственным грамматическим значением (значением добавочного сообщения) и собственной грамматической формой (специальными союзами, союзными предложениями, интонацией)» [Копнина 2005: 219].

Конвергенция П и парцелляции нами отмечена в пределах сосредоточенной ее разновидности по способу наложения, при этом характер взаимодействия является эквиполентным.

Примеры: 1) *Ребятам так и сказали: хотите, мол, нажраться, поезжайте. Там все есть. **И** хлеб там есть. **И** картошка. **И** даже фрукты, о существовании которых наши шакалы и не подозревали* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая); 2) *Представляете заголовки: «Хейкал сказал...», «Хейкал написал...». **И** Хейкал говорил! **И** писал! **И** сенсационные заголовки в зарубежных газетах были!* (Известия. 25.02.1998); 3) *И смотрим мы на них и думаем: да откуда же ты знаешь, что будет у тебя через год? Да, может, бабушка твоя к этому времени умрет, а дедушка ногу сломает? **а**, может, комета с неба упадет? **А**, может, землетрясение случится? Да разве же может человек знать, что с ним будет через год?* (Литературная газета, 26.12.1990).

Совместная встречаемость исследуемых фигур больше распространена в публицистических текстах (78,2 %), хотя имеет место и в художественно-прозаических произведениях (21,8 %).

Наш исследовательский материал располагает случаями пунктуационного оформления П и парцелляции с помощью точки (речевая илл. 1), восклицательного (речевая илл. 2) и вопросительного знаков (речевая илл. 3).

Конвергенция осуществляется как в контексте монопредикативного (илл. 1), так и полипредикативного (речевая илл. 3) П.

С функциональной точки зрения конвергенция рассматриваемых приемов представляет собой средство выделения и усиления смыслового и/или эмоционального компонента высказывания. Данное стилистическое средство может имитировать спонтанность говорения (речевая илл. 1). Использование парцелляции П помогает автору не только информировать читателя об определенном событии, но и выразить свое отношение: возмущение, осуждение (речевая илл. 2), иронию (речевая илл. 3). Во всех случаях создается определенный ритм фрагмента текста.

Парцелляция и П могут вступать в конвергенцию с другими приемами, в основе которых лежит повтор, например, с позиционно-лексическим повтором (речевая илл. 1).

4. П и риторическое восклицание.

П является благодатной стилистической фигурой для усиления различных эмоциональных состояний (см. об этом подробно в п. 3.2.1-3.2.2 данной работы). Известно, что определенные эмоциональные коннотации

проявляются с помощью соответствующей интонации, которая формируется за счет смыслового содержания высказывания, посредством ритма, пунктуационных знаков и пр. Это обуславливает совместное использование П и риторического восклицания.

А.П. Сковородников указывает на то, что стилистический фигуральный прием риторического восклицания не следует отождествлять с восклицательным предложением, «в котором эмоциональность выражена не структурой, а только интонацией», сигналом которой является восклицательный знак [Сковородников 2005: 277]. Автор словарной статьи разграничивает восклицательное предложение и стилистический прием на основе понятия «отклонение от нейтрального варианта». Риторическое восклицание как фигура должно в своем составе содержать не только пунктуационный восклицательный знак, но и другие формальные показатели эмоциональности, например, специализированные обращения, междометия, различного рода повторы и пр. [там же: 277].

Примеры: 1) *Священник вскочил с кушетки. Глаза расширены, в глазах ужас, руки трясутся... Алексей шарахнулся от него. – Вот! – крикнул отец Вениамин. – Вот! И я тоже! И вы, и мужик, и я тоже!* (Л. Бородин. Посвящение); 2) *Так знайте же, что реки – вспять, / Что камни – помнят! / Что уж опять они, опять / В лучах огромных / Встают – два солнца, два жерла!* (М. Цветаева. Глаза); 3) *Но нет, портрет живет в моем доме! И звон стекла! И лепет тувель бальных / И мрак свечей! И правнук Ганнибалов к сему причастен – судя по всему* (Б. Ахмадулина. Приключение в антикварном магазине).

Риторическое восклицание, конвергируя с фигурой многосоюзия, для выражения своего назначения включает в создание эмоционального контекста и другие стилистические фигуры, основанные на повторе: позиционно-лексический повтор, кольцо (речевая илл. 1); позиционно-лексический повтор, изоколон (речевая илл. 2); дистантный изоколон (речевая илл. 3).

Одной из главных функций риторического восклицания является выделение «высшей точки накала чувства», способствующая тому, что в смысловом отношении актуализируются определенные фрагменты текста [Михальская 1996, 239]. Такая же функциональная особенность может быть свойственна и П (усилительно-выделительная функция). Указанная общая функция может усиливать частные модально-субъективные значения – утверждение (речевая илл. 2), предположение (речевая илл. 3), а также наивысший предел эмоционального напряжения, возбужденности (речевая илл. 1).

5. П и парантеза.

В справочной и в специальной литературе содержится указание на то, что вставные конструкции не следует смешивать с вводными конструкциями, представленными словами, словосочетаниями и предложениями [Сковородников 2005: 85; Аникин 2015]. Вводные конструкции выражают отношение субъекта речи к предмету сообщения с точки зрения достоверности, утвердительности, предположительности и т.д. Вставные

конструкции вносят дополнительные сведения в основное содержание предложения в целом или его части [Аникин 2015: 21-25].

Совместное взаимодействие П и парантезы (вставной конструкции) может быть как в пределах сосредоточенной (речевые илл. 1-2), так и в пределах рассредоточенной конвергенции (речевая илл. 3). Примеры: 1) *И слитно с этой невидимой (и наверно, и конечно, и обязательно прекрасной) девушкой он впервые стал разглядывать Россию, и голос России всю ночь ему рассказывал правду* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); 2) *Эржика застелила постель, как могла (у нее это еще не очень хорошо получалось: и стелиться, и стирать, и гладить она научилась впервые на Стромынке, всю прежнюю жизнь такую работу за нее делала прислуга), нарасила перед зеркалом не губы, а щеки, и ушла* (А. Солженицын. В круге первом); 3) *Она наш кумир, князь. И не только потому, что красива (мало ли красивых, черт их всех подери!). Но она была и умна, и мягкосердечна, и не капризна, и душечка, и плутовка, и королевочка* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Между анализируемыми стилистическими фигурами устанавливаются эквивалентные отношения, которые характеризуются отсутствием субординации, т.е. происходит их равноправное взаимодействие. В этом случае эти фигуры не вступают в деривационные отношения. По способу взаимодействия П и парантеза могут сочетаться в виде наложения (речевые илл. 1-2) и в виде соединения (следование) (речевая илл. 3). Конвергируемые фигуры могут накладываться как в контексте однородного ряда (речевая илл. 2), так и в контексте полипредикативного предложения (речевая илл. 3).

Совместная встречаемость П и парантезы создает усиленную выделенность «второго речевого плана», при этом наблюдается усиление дополнительных коннотаций, например, таких как оценочность (речевая илл. 1), актуализация дополнительной, поясняющей информации (речевая илл. 2), эмоциональной оценки (речевая илл. 3). Могут быть еще более частные изобразительные возможности конвергенции анализируемых стилистических фигур: не только акцентирование внимания на дополнительной информации, но и создание рельефного контраста, основанного на сопоставлении того, что «умела/не умела» героиня авторского повествования (речевая илл. 2).

6. П и антитеза.

Интересны случаи совместного использования П и некоторых видов антитезы (см. о разновидностях антитезы: [Щербаков 2005: 48]), например: 1) *Но именно одиночества – не было на шарашике, как и во всяком лагере. Всегда везде были камеры, и купе вагон-заков, и теплушки телячьих вагонов, и бараки лагерей, и палаты больницы, и всюду люди, люди, и чужие и близкие, и тонкие и грубые, но всегда люди, люди* (А. Солженицын. В круге первом) – монопредикативный П и амфитеза; 2) *Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было, / все мы четыре / любили, но все имели разные «потому что»: / одна любила, потому что отец с матерью ей велели, / другая любила, потому что богат был ее любовник, / третья любила, потому что он был знаменитый художник, / а я любила, потому что полюбила* (М. Кузьмин. Александрийские песни) – полипредикативный П и аллойоза.

Взаимодействие осуществляется по типу наложения (речевые илл. 1-2) в рамках сосредоточенной разновидности. Совместным использованием достигается эффект рельефного и подчеркнутого контраста, который является одной из форм отражения человеком реальной действительности.

7. П и асиндетон.

П конвергирует преимущественно со стилистическими приемами, которые входят в систему избыточных структур, но возможно его взаимодействие и с приемами, в основе которых лежит синтагматический принцип экономии, реализующийся на основе пропуска. В этом отношении особенно показательным является взаимное расположение асиндетона и П. В справочной литературе есть указание на то, что многосоюзие (П) противоположно бессоюзью (асиндетону) (см., например: [Панов 1998: 23]). В нашей работе отдельно рассматривается вопрос о противопоставленности этих стилистических фигур в структурно-функциональном аспекте (см. п. 1.5 первой главы). Однако вопрос конвергенции асиндетона и П недостаточно полно освещен в специальной и справочной литературе, хотя на этот аспект неоднократно обращалось внимание [Голуб 1997: 429; Панов 1998: 23; Розенталь и др. 1998: 341; Сковородников 2005: 244].

Конвергенция П и асиндетона может быть сосредоточенной или рассредоточенной. Сосредоточенное взаимодействие по характеру его способов может быть представлено двумя разновидностями: соединением и наложением. Соединение может реализоваться в виде следования, например: 1) *Губы, волосы, плечи, кожу и еще многое надо было бы по частям, по частям собирать из разных в одну, как природа не хочет делать, а еще собрать – душевные движения, и нрав, и ум, и обычай* (А. Солженицын. В круге первом).

Указанные стилистические фигуры могут взаимодействовать в виде наложения: 2) *Когда облака пара ударяют в лицо, которое перед тем было бледным и испуганным – все начинает казаться иным, и лицо расцветает, и глаза омываются слезами, и очищенные дыхательные пути исторгают счастливые слова, фразы, мотивы, арии...* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); 3) *Нет и не будет державной силы там, где правят слабость и бедность. Пора понять: от успешного решения собственных внутренних задач напрямую зависит и наше место в мире, и наша зажиточность, и наши новые права* (Известия. 25.02.2000).

Рассредоточенная конвергенция представлена следованием (соединением). Примеры: 4) *В доме наискосок, у тетки Авдотьи, меж рам навалено всего: и ваты, и мху, и рябины, и калины, и главное украшение – цветочки. Эти цветочки, синие, красные, белые, отслужили свой век на иконах. И еще у тетки Авдотьи красуется одноногая кукла, собака-копилка, конь без хвоста* (В. Астафьев. Последний поклон).

На основе статистического подсчета нами установлено, что более распространена рассредоточенная конвергенция, при которой асиндетон предшествует П (77 % от всего количества взаимодействий этих фигур в рамках рассредоточения).

Типичная конвергенция «асиндетон - полисиндетон» характеризуется преимущественным участием монопредикативного фигурального многосоюзия. В этом случае имеет место асиндетон различных типов, реализующийся в пределах однородного ряда, бессоюзного сложного предложения и на уровне отдельных предложений.

В меньшей степени представлено рассредоточенное следование «полисиндетон - асиндетон» (33 %). Оно преимущественно включает

монопредикативный П, при этом фигура бессоюзия чаще встречается в контексте либо однородного ряда, либо бессоюзного сложного предложения.

Исследовательский материал позволяет утверждать, что полипредикативная фигура П на уровне отдельных предложений в составе ССЦ – нетипичная структура, вступающая в конвергенцию с асиндетоном. Более распространен монопредикативный, менее – полипредикативный в контексте МСП.

Конвергенция обозначенных выше стилистических фигур по критерию однородности/неоднородности относится к ее гетерогенной разновидности; по наличию/отсутствию отношений субординации между стилистическими фигурами является эквиполентной, выражающейся в равноправном взаимодействии для выполнения общей стилистической функции. Совместная встречаемость асиндетона и П осуществляет изобразительную функцию (речевые илл. 2, 3, 6), может актуализировать многообразие окружающего мира (речевые илл. 4, 5), передавать эмоциональное и/или физиологическое состояние человека (речевые илл. 1, 3); выражать модальную оценку (речевые илл. 4, 5). Таким образом, спектр функциональных проявлений конвергенции названных стилистических фигур достаточно широк.

8. Конвергенция фигур П.

Взаимодействие фигур П осуществляется по гомогенному типу. В этом случае имеют место комбинированные структуры исследуемой фигуры. Анализ исследовательского материала показал, что взаимное расположение П может быть представлено следующими комбинациями: последовательность (А), включение (Б), наложение (В).

А) Последовательное расположение: 1) *Хотя в утонченности и благовоспитанности нельзя было отказать ни одному из них, дед проделывал это с чашкой, да и сидел на стуле, и поворачивал голову, и кланялся, и улыбался, и хмурился, / и вообще все, все, каждое движение, которое он себе позволял, было и утонченной, и изысканной, и безукоризненной, чем у них у всех* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); 3) *Город был новый, и все в нем было новое: и заводы, и дома, и магазины, и пристани, и школы, и больницы./ Но как и во всяком новом городе, в Краесветске не планировалось строительство ни тюрем, ни домов инвалидов, ни исправительно-трудовых колоний, детприемников. Все это возникло само собой* (В. Астафьев. Кража).

Графически такое сочетание можно представить следующим образом.

Такое расположение в основном образуют две фигуры П, реже – три, при этом чаще могут размещаться в пределах одной синтаксической единицы: в простом осложненном предложении, в МСП или в контексте различных синтаксических единиц. В пределах различных синтаксических единиц они последовательно сочетаются реже (25 %), чем в одной синтаксической структуре (75 %).

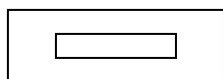
Нами такая разновидность отмечена в художественной литературе, в газетной публицистике и в научном стиле.

Б) Включение одной фигуры в канву другой характеризуется наличием базовой и сопутствующей структур.

Происходит своеобразное «расширение» базовой структуры одной фигуры многосоюзия за счет другой. Следует различать такие композиции, как включение и дистантный П: в первом случае взаимодействуют две фигуры П и устанавливается определенное их соотношение; во втором прерывистость структуры фигуры возникает не за счет другой фигуры П, а посредством какой-либо синтаксической единицы.

Примеры иллюстрирующего комбинированного П по типу включения: *Я вышел на улицу. И стою. Не знаю, что мне делать. А впереди два дня. А денег в кармане нет – всего осталось три копейки. А город чужой – никто меня тут не знает. И где мне остановиться – неизвестно. И что кушать – непонятно* (М. Зощенко. Леля и Минька. Находка).

Графически такое взаиморасположение выражается следующим образом.

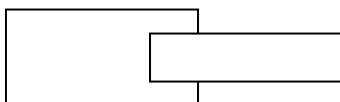
В канву полипредикативного П на уровне ССЦ может включаться монопредикативная разновидность исследуемой фигуры или полипредикативная в составе МСП, т.е. происходит «расширение» базовой структуры фигуры за счет синтаксической единицы более низкого уровня синтаксического строя языка.

Как правило, базовой фигурой выступает полипредикативный П в составе ССЦ.

Такая комбинационная разновидность отмечена в художественной литературе (проза) и в публицистике.

В) Наложение одной фигуры на другую констатируется в том случае, если один из союзов относится как к базовой фигуре, так и к сопутствующей, например: *И замена пропавшему рабочему тоже не приходила. И Сергей каждый день сам отправлялся на смену. И на рапорты его, что пора его освободить, потому что вот-вот начало занятий, не говоря уже, что семья заждалась, жена неизвестно что думает, что, если не отпустят, он сам все бросит и уедет, но и на эти рапорты ответа не было. И туман с каждым днем падал все плотнее, и каждый раз солнце все позже с ним справлялось, и однажды, скоро уже, должно было не справиться, и тогда снова – сплошные дожди, как было уже дважды* (А. Битов. Бездельник).

Композиция в виде наложения может быть представлена схемой следующим образом.

Базовый П во всех представленных примерах характеризуется полипредикативной разновидностью в контексте МСП.

Композиция по типу наложения отмечается в художественной литературе и в газетном стиле.

То или иное комбинированное расположение фигур П относительно друг друга имеет различную частоту употребления. Так, последовательная

композиция в расположении фигур по отношению друг к другу наиболее распространена (56 % от общего числа комбинированного П); менее – композиция по типу включения (31 %); реже всего встречается наложение (13 %).

Мы не ставили своей целью анализировать конвергенцию **П и тропов**. Однако заметим, что в контексте исследуемой стилистической фигуры можно встретить тропеические приемы, например: *И нестерпимая тоска разъединенья / Пронзила сердце мне, и в этот миг / Все, все слышал я – и трав вечерних пенье, / И речь воды, и камня мертвый крик* (Н. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя). Здесь обнаруживается не только конвергенция стилистических фигур (П, инверсии, редупликации), но и взаимодействие П с тропами (оксюморон, метафорой, эпитетом).

За счет П и сопутствующих средств возможно эмфатическое выделение отрезка речи, который характеризуется эмоциональностью, взволнованностью, например: *Спонтанная русская жизнь, спонтанная русская душа. Не то что здесь, в Германии: чуть что, они за свой календарь – а что у нас в эту субботу, а что у нас в то воскресенье? А через два месяца у нас лыжные каникулы в Австрии, а через четыре – летние в Италии, и все уже заказано, а через год золотая свадьба у бабушки с дедушкой* (Литературная газета, 26.12.1990).

В этом примере наряду с фигурой многосоюзия средством усиления эмфазы являются риторический вопрос, градация, эллипсис. Таким образом, конвергенция стилистических средств, в том числе фигур, способствует созданию эмфазы.

Итак, П преимущественно вступает в конвергенцию с различными стилистическими фигурами, основанными на повторе, входящем в перечень частных принципов общего принципа избыточности: ассонансом, аллитерацией, гомеологией, редупликацией, гомеотелевтоном, анафорическим лексическим повтором, эпифорическим лексическим повтором, позиционно-лексическим повтором, симплокой и нек. др. (48 % от общего числа примеров конвергенции). Достаточно распространена совместная встречаемость исследуемой фигуры и градации (23 %), в основе которой, как и в основе П, лежит принцип второго порядка – перечисление. Реже фигуральный многосоюзный ряд взаимодействует парцелляцией (8 %), с асиндетоном (7 %), с риторическим восклицанием (6 %), с парантезой (4 %), с различными видами антитезы (4 %).

Конвергенция П может быть представлена не только гетерогенной, но и гомогенной разновидностью, когда взаимодействуют фигуры П по типу либо следования, либо включения, либо наложения.

Исследование П в аспекте стилистической конвергенции показывает, что взаимодействие может быть обусловлено не только функциональной общностью, но и структурными особенностями стилистических приемов. Это выражается в большей частотности совместной встречаемости приемов, построенных по одному и тому же общему или/и частному принципам. Данный факт можно признать типичным, так как стилистические приемы,

построенные по одному принципу, имеют большую вероятность совместного использования для выражения какой-либо функции, поскольку у них обнаруживается больший спектр реализации возможных общих функциональных проявлений.

Таким образом, конвергенция П с другими фигурами может происходить не только на основе функциональной близости, но и на основе структурной обусловленности.

3.3. Функциональный аспект пунктуационного оформления полисиндетона в художественно-прозаических текстах

В данном параграфе предлагается рассмотрение пунктуационного оформления стилистических фигур П в художественно-прозаической книжно-письменной речи в функциональном аспекте. Обращение к языку художественной литературы обусловлено тем, что письменная речь в функциональном отношении разнородна, это определяет специфику употребления знаков препинания в ее функциональных разновидностях. В лингвистической литературе неоднократно подчеркивалась мысль, что пунктуация не одинакова для различных стилей [Ефимов 1954: 243-244; Зильберман 1973: 7; Карпов 1984; Валгина 1991: 419-424]. Так, синтаксис научного и официально-делового стилей отличается стандартизированным употреблением правил пунктуации, в них преобладают знаки, имеющие преимущественно грамматические основания. В художественной литературе, напротив, широко используются такие знаки препинания, которые выражают эмоционально-экспрессивные качества речи и разнообразные оттенки смысла, хотя и здесь грамматические знаки обязательны.

Предметом нашего анализа выступают знаки препинания, которые, согласно основным принципам функционально-системной организации пунктуации, относят к разряду одиночных разделительных. Знаки этого типа отделяют одну синтаксическую структуру, элемент предложения от другой; графически фиксируют границы двух структур относительно друг друга. В позиции обследовались знаки, занимающие место середины и конца высказывания: тире, двоеточие, запятая, точка с запятой, многоточие, точка, вопросительный и восклицательный знаки. (Подробно о системной организации современной русской пунктуации см.: [Шварцкопф 1988: 1]).

В большинстве случаев (~89 % от общей выборки из текстов художественной прозы) пунктуация в контексте П отвечает нормативному употреблению. Исследуемая фигура монопредикативного типа (на уровне однородных членов) с участием одноместного (речевая илл. 1) и многоместного (речевая илл. 2) союзов оформляется через разделительную запятую, причем в случаях перечисления при обобщающем слове в препозиции, как правило, ставится двоеточие (речевая илл. 3), что не нарушает правила; но встречается тире после обобщающего слова, что является нарушением стандарта (речевые илл. 4, 5). Употребление тире после обобщающего слова пока не учтено кодификаторами нормы, но эта

тенденция отмечена в справочнике по пунктуации Д.Э. Розенталя [1997: 272]. (См. также об этом: [Валгина, Светлышева 1996: 336]).

1. *Но на узком пространстве меж дьяволом и богом успевают отпечататься следы наших сапог и конских копыт, и орудийных колес, и крови* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом).

2. *Тут и Тютчев, и Пушкин, и Блок, и Врубель с Рерихом, и Рахманинов, и Скрябин* (В. Солоухин. Мать-мачеха).

3. *Это еще больше ее распяло: и неподвижность моя, и кротость во взоре, и виновато поджатые губы* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом).

4. *А среди остальных встречается все – и храбрость, и благородство, и образованность, и понятие чести ...* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом).

Замена двоеточия знаком тире при обобщающих словах (словосочетаниях) специально не связана с употреблением П. В этом случае следует говорить об общей вышеуказанной тенденции.

В контексте П обращает на себя внимание постановка такого разделительного знака, как многоточие в позиции середины (речевые илл. 5, 7-10) и конца высказывания (речевая илл. 6). Многоточие наряду с постоянной отделительной функцией в конце предложения выполняет разнообразные смысловые и интонационные функции, причем в последнем случае интонация может быть обусловлена как суперсегментным членением речи (пауза, понижение тона и пр.), так и эмоциональным фоном высказывания (например, драматическая напряженность). Но следует учитывать, что этот знак является констатацией тех смысловых отношений, которые возможны и «между частями предложения под воздействием конкретного коммуникативного задания» [Валгина 1991: 417]. Исследователи определяют, что основное назначение многоточия – указание на недоговоренность (как правило, в конце высказывания) через подтекстное содержание (скрытый смысл) или указание на прерывистость (как правило, в середине высказывания), которая может являться сигналом либо эмоционального, физиологического состояния, либо речевого затруднения [Сковородников 1981: 97-106; Карпов 1984: 61; Валгина 1991: 417]. Речевое затруднение может свидетельствовать о поиске нужного слова. Этот поиск может быть обусловлен: состоянием героя; необходимостью речевой характеристики персонажа, например, передачи аддитивности мышления; имитацией говорения (в речи персонажа) и эффектом интимизации (в речи автора); выделением, подчеркиванием значимости следующих за многоточием слов, словосочетаний, высказываний.

Во всех случаях употребления П в устной речи при многоточии наблюдается глубокая пауза, которая выступает не как показатель простой прерванности в ритмико-мелодическом рисунке этой фигуры, а как выражение определенных глубоких переживаний, вызванных психологическими причинами. Обратимся к более детальному анализу. Примеры:

5. – *Барышня наша сказала, что у нас как есть все приготовлено: и закуска, и ужин... и фрукты куплены* (Б. Окуджава. Прощание дилетантов) – подчеркивается

смысловая значимость, т.к. наличие «фрухтов» – признак богатства, роскоши в описываемую автором эпоху.

6. *Теплые конские запахи гуляют возле каменного жилища и кислотоватый дух влажной шерсти и подсыхающей кожи – внутри его, около нежаркого очага <...> И отсветы на стенах, и смуглые лица, и гортанная речь <...>* (Г. Немченко. Приписной казак Абдуллах) – усиливается смысловой контраст между находящимся «снаружи» и «внутри».

7. *И от его мундира исходило умиротворяющее сияние, так что даже Мятлев ощущал себя первым счастливчиком королевства, и даже Наталья снова казалась ему верхом совершенства, и он намеревался добраться до нее и сказать ей, что большего счастья, чем соединиться с нею, не может быть, и что пусть она, несмотря на его состояние, верна, и что это так и есть, и что завтра же...и пусть она порвет его последнее письмо с отказом и прочим бредом* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов) – многоточие в несобственно-прямой речи является фиксатором недоговоренности: герой оценивает свои намерения «без слов».

8. *По всему чувствовалось – праздник. А ведь и я когда-то входил в иную крепость, и запах порохового дыма, исходивший от меня, возвышал меня в собственных глазах, и я когда-то оболщился своим высоким предназначением, и я когда-то... И меня везли на телеге с грязным свинцом в кишках, и серафимы тех мест и Адели тех улиц благоволили при виде моих страданий* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов) – прерывистость хода мыслей подается через многоточие, и в этом случае оно проводит границу, обуславливающую контраст, но не внешнего проявления (речевая илл. 6), а внутреннего, состояние возвышенности, победности сменяет угнетенность. С одной стороны, здесь наблюдается прерывистость конструкции, но, с другой – П «связывает», как одной нитью, ход мысли.

9. *Если бы он только мог себе представить, как я, старая женщина, его люблю, да, да, и не смеялся бы при этом... И не смеялся бы при этом, и не мешал бы мне говорить* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов) – в этом отрывке фигура П прерывается многоточием, которое направлено на усиление выражения чувств героини, оказавшихся главным содержанием высказывания в контексте фигуры.

10. – *О, Варвара, мы свободны, и мы нужны друг другу, и на мундире свет клином не сошелся... И мы бессильны что-нибудь изменить... от бога этот союз* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом) – здесь употребление многоточия в сочетании с фигуральным повтором союза «и» создают эффект живого, эмоционального говорения (имитирующая функция).

В позиции середины высказывания многоточие в контексте П встречается чаще (~ в 77 % от всех случаев пунктуационного оформления этой фигуры с участием многоточия). Это, по-видимому, можно объяснить тем, что автору важно создать общую картину, которая гармонизируется через употребление повтора союза; но в то же время в пределах П многоточием автор усиливает различные стилистические эффекты. При таком сочетании создается контрастность в организации самой синтаксической единицы: слитность, объединенность за счет повтора союза и разъединенность за счет знака препинания. Такая синтаксическая организация способна во многих случаях усиливать и смысловой контраст.

Постановка многоточия внутри П относит эту конструкцию в разряд особых коммуникативных единиц речевого уровня.

Здесь важно отметить и то, что во всех рассмотренных случаях (речевые илл. 5-10) исследуемая фигура включается в конвергенцию с другими стилистическими приемами как «вторичный» стилистический прием (например, речевые илл. 5-8 – апосиопеза; речевые илл. 9 – анадиплосис).

Исследовательский материал показывает, что П может быть оформлен в одном синтаксическом ряду чередованием запятой и точки с запятой. Возникает вопрос: чем обусловлено такое сочетание? Употребление запятой и точки с запятой регламентируется следующим: «знаки эти ставятся при перечислении синтаксически равнозначных частей текста: членов предложения, частей предложения» [Валгина 1991: 415]. Таким образом, в функционально-позиционном аспекте эти знаки синонимичны (не по значению языковой единицы, как в лексике, а по единству функции и позиции знаков препинания). Точка с запятой в некоторой степени по функции близка и точке, но они фиксируют паузы различной длительности: второй знак манифестирует более глубокую паузу, чем первый, причем при использовании точки с запятой предложения в смысловом отношении менее самостоятельны [Валгина 1991: 415]. Пример:

11. *И вот там сейчас как раз все это и происходит: и холода на площадках лестницы перед растворенной дверью в прихожую, полную людей; и толпа там, где он лежит в полусвете восковых свечей в руках «предстоящих», на столе под церковным покровом, с лампадкой у изголовья; и это умиленное пение; и конусообразные глазетовые ризы, и развевающийся возле них ладан, и похудевшая, прозрачно-бледная и еще более похорошевшая от этой бледности, прозрачности и траурного платка жена (И. Бунин. На извозчике).*

В двух последних позициях (речевая илл. 11) была бы более мотивирована постановка точки с запятой, т.к. перечисление вначале разделяется точкой с запятой, а затем используется запятая. Такой выбор знаков не всегда базируется на твердых признаках, на основании которых можно требовать от пишущего, чтобы он ставил один и тот же знак препинания – запятую или точку с запятой. Это во многом зависит от того, как сам пишущий группирует их внутри сложного предложения.

Сочетание обозначенных знаков указывает на избыточность пунктуационной системы. «Группировка знаков препинания по различным признакам создает полифункциональность их в пересекающихся классах и рядах; эта избыточность – основа для выбора, который осуществляется не за счет одной из разновидностей знака (ибо в системе пунктуации вариативность отсутствует, за исключением графической вариативности скобок и кавычек), а за счет функциональной синонимии знаков препинания» [Карапетян Г.К., Шварцкопф Б.С. 2000: 406].

Особый интерес вызывают отклонения от стандарта в постановке пунктуационных знаков при графическом оформлении П в следующих примерах:

12. Клара испытала какой-то еще высший стыд **и** страх! – **и** замерла! – **и** открыла сумочку! – **и** хотела вывернуть ее всю, отдать этой женщине! – **и** не посмела (А. Солженицын. В круге первом).

13. Несколько раз в день приходится переодеваться и каждый раз мучительная головоломка: что надеть на твои крупные ноги? **и** какая шляпка тебе не смешна? **и** какие цвета тебе идут? **и** какой рисунок ткани? **и** какой воротник к твоему твердому подбородку? (А. Солженицын. В круге первом).

14. Это был тот же двор **и** тот же дом **и** те же скамейки **и** тополя. Но это был уже не мой двор и не мой дом. Прошлое? (И. Войнович. Возвращение, или Как это было).

15. С начала лета мы на новой квартире – на Троицкой. **И** низко **и** вода есть **и** электричество горит (А. Ремизов. Взвихренная Русь).

16. Осмотрел я стену, исписанную **и** карандашом, **и** углем, **и** мелом: телефоны, фамилии и всякие «нужные» **и** так изречения **и** «на память» (А. Ремизов. Взвихренная Русь).

17. **И** друг, конечно, предложит за меня тост, там, среди друзей, **и** все вспомнят **и** погрустят секунду **и** чокнутся от дури (А. Битов. Автобус).

18. Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит. **И** термиты строят, **и** обезьяны воюют по-своему (правда, не так ожесточенно, как люди). **И** муравьи сеют, есть у них такие виды. Но никто из живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия (А. Мень. Христианство).

19. Сейчас, уверяю вас, **и** клубника пахнет, **и** редиска хрустит. **И** лес здесь замечательный. **И** петух не поет больше по-немецки. Он поет по-своему, по-петушину, как ему полагается петь, что могут подтвердить наши московские друзья (И. Войнович. Возвращение, или Как это должно быть на самом деле).

Примеры такого рода позволяют сформулировать проблему, актуальную и для теории пунктуации, и для специалистов в области стилистики, редактирования: уместно или неуместно заменять один знак, который предписан правилом, другим (речевые илл.12, 13), или пропускать знак, который необходим по стандарту, согласно грамматическому принципу русской пунктуации (речевые илл.14-17), а также целесообразно ли разделять точкой целостное в смысловом отношении высказывание (речевые илл. 18-19).

Для ответа на эти вопросы обратимся к общей теории пунктуации.

В основе описания современной системы пунктуации лежит функциональный подход: анализ пунктуационных знаков во взаимодействии их функций. Он «ставит во главу угла функцию – назначение знаков», их цель в высказывании [Шварцкопф 1988: 13].

Система русской пунктуации основывается на трех принципах: грамматическом, смысловом, интонационном. При этом в лингвистике в определении ведущего принципа нет общепринятого мнения. Так, одни лингвисты в качестве основополагающего выдвигают грамматический принцип [Валгина 1991: 410-414], другие – смысловой [Карапетян, Шварцкопф 2000: 407]; в оценке же интонационного исследователи сходятся во мнении, что это дополнительный принцип. В последнее время выделяют коммуникативный аспект в роли пунктуации. (См. указание на это:[Карапетян, Шварцкопф 2000: 407]).

Существование различных взглядов на определение ведущей роли того или иного принципа современной пунктуации отражает различные подходы в их оценке.

Грамматический принцип является ведущим с точки зрения основ пунктуации. Большинство стабильных правил пунктуации опирается именно на него. Эти правила отражают синтаксический строй речи (структуру предложений). Смысловой принцип является ведущим с точки зрения назначения пунктуации. Он опирается на содержательную сторону речи, поэтому подчиняет себе как грамматический, так и интонационный принципы: смысл требует определенной синтаксической формы (определенной структуры предложения, единственно рациональной в данных речевых условиях); следовательно, грамматическая структура подчинена конкретному смыслу, т.е. она оказывается в какой-то мере вторичной. И поскольку синтаксические структуры существуют для того, чтобы передавать мысли и эмоции, постольку структура, смысл и интонация совмещаются воедино. Отсюда очевидно и совмещение всех трех принципов в пунктуационной системе языка.

Таким образом, в современной русской пунктуации действуют три одинаково важных принципа: грамматический, смысловой, интонационный. Различаясь по своему удельному весу, они сложно взаимодействуют между собой: твердость и стабильность русской пунктуации опираются на грамматический принцип, а возможности передавать богатство и разнообразие смысловых оттенков и эмоций определяются смысловым и интонационным. Лишь для удобства изучения эти принципы разграничиваются.

Рассмотрим подробнее с этих позиций речевые иллюстрации, указанные выше (речевые илл. 12-19).

Примеры П, пунктуационно оформленные с отклонением от грамматического стандарта, ставят под сомнение правомерность такого утверждения: точка на письме является показателем границ предложения (илл. 18-19). В этом случае следует различать понятие предложения с грамматической и коммуникативной точек зрения: не всегда границы предложения как единицы языка совпадают с границами высказывания как единицы речи, при этом пунктуационное оформление П такого рода может быть обусловлено и конвергенцией этой фигуры с парцелляцией. Таким образом, разделяющий знак «точка» может выполнять прагматическое задание в смысловом, интонационном отношениях, что определяет отступление от грамматической нормы. В парцеллированном П точка выделяет (отделяет) участки с повышенной смысловой значимостью.

В речевых иллюстрациях имеет место употребление восклицательного знака, сочетающегося с тире (речевая илл. 12), и постановка вопросительного знака (речевая илл. 13) между синтаксическими единицами в контексте П. Здесь обнаруживается избыточное употребление знаков вопреки известным грамматическим нормам; но мы ощущаем их необходимость и уместность, что исключает такое графическое оформление П из числа ошибок в речевом

аспекте. В указанных примерах обнаруживается «усиленное» за счет пунктуации выражение (а не описание!) накала эмоционального состояния героини. Обращает на себя внимание и то, что в этих примерах после восклицательного и вопросительного знаков следующая синтаксическая единица пишется со строчной буквы. По-видимому, здесь на первый план выступает не грамматическая, а коммуникативная обусловленность в таком написании.

Исследовательский материал располагает случаями, когда П вообще пунктуационно не оформлен, это проявляется в отсутствии запятых при многократном повторе союза (речевые илл. 14, 15), или оформлен частично (речевые илл. 16-17). На наш взгляд, такая пунктуационная оформленность/неоформленность подчинена авторскому замыслу: передать непрерывность, нерасчлененность, наибольшую объединенность синтаксического ряда. Нерасчлененность выражается в том, что при отсутствии запятой перед повторяющимся союзом сводится до минимума пауза: то, что рисует автор, представляется как единое целое. Пунктуационное выражение обусловлено, таким образом, коммуникативным аспектом русской пунктуации и спецификой идиостиля писателя (илл. 12-17).

Приведенные примеры пунктуационного оформления стилистической фигуры П позволяют отметить следующее.

1. Большую роль в выражении стилистического назначения фигуры многосоюзия играет его пунктуационное оформление, которое является отклонением от стандарта пунктуации.

2. Пунктуационные знаки дают возможность усиливать выделительную функцию П через графическое подчеркивание коммуникативной значимости слова/группы/предложения.

3. Употребление тех или иных знаков препинания в контексте этой фигуры обуславливает определенный интонационно-ритмический рисунок фигуры.

4. Анализ пунктуации П подтверждает тезис: в стремлении выявить закономерности употребления знаков препинания, уместность/неуместность отступления от стандарта необходимо руководствоваться функциональным аспектом, опираясь на реальные контексты.

5. Знаки препинания в контексте исследуемой фигуры являются сигналом другой стилистической фигуры, т.е. в этом случае происходит их конвергенция.

Выводы

1. Под стилистической функцией фигуры П мы понимаем ту роль, которую она выполняет в определенном стиле речи помимо выражения собственно грамматического значения (типа связи и смысловых отношений между однородными членами, предикативными единицами и отдельными предложениями).

2. Широкий спектр функциональных проявлений фигуры П (причем не только в поэзии, как преимущественно отмечается в лингвистической

литературе) проявляется за счет того, что союзы выполняют объединительную функцию, которая вытекает из самой природы союзов: они являются гармонизирующим средством (особенно союз «и»).

К постоянной **выразительной** функции П мы относим **усилительно-выделительную**, которая реализуется во всех исследованных нами текстах и заключается в том, что избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или всего текста в целом (последнее – редко). Отсюда происходит их выделенность, а это приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений.

3. Стилистическая ценность П в языке художественной литературы находит свое выражение в широком спектре стилистических функций. Это обусловлено и тем, что выразительность синтаксиса художественных произведений выступает в тесном переплетении с лексической экспрессивностью. Взаимодействие этих двух частных категорий имеет сложный характер, т.к. не только лексическая экспрессивность повышает экспрессивность синтаксиса, но и синтаксическая форма фигуры влияет на степень лексической экспрессивности, например, при усилении эмоциональности речи.

4. В газетной публицистике, как и в художественной литературе, П имеет довольно большой перечень функциональных проявлений. В данном стиле нами не отмечен П в характерологической функции. При характеристике П как средства текстообразования не встречаются случаи его использования с целью создания художественного монтажа. Исследуемая фигура – типичное явление, которое используется для усиления приема интимизации при реализации приемоактуализирующей функции, а также для усиления оценки – функция, которая не выявлена в текстах художественной литературы.

При сборе фактического материала и при его анализе мы не обнаружили существенных различий в использовании П в отдельных группах жанров. Исключение составляют заметка и отчет, в которых употребление этой фигуры отвечает коммуникативной ясности, стройности в изложении материала, что соответствует требованиям этих информационных жанров.

5. Фигура П в пределах собственно научного, научно-популярного стилей функционирует как текстообразующее средство: способствует семантическому углублению темы в контексте описания, рассуждения и повествования (в последнем случае П встречается только в научно-популярных текстах). Также эта фигура – средство достижения дискретности текстов данных стилей, благодаря которому научное изложение становится расчлененным, доступным для усвоения. В научно-популярных фрагментах текста с помощью П происходит оживление повествования, что активизирует восприятие слушателя/читателя, к тому же исследуемая фигура усиливает изобразительность, эмоциональность таких текстовых разновидностей, однако она редко может участвовать в усилении изобразительности и эмоциональности в данном стиле.

Представленность П в научном стиле речи характеризуется следующими конструктивными разновидностями: на уровне однородных членов предложения используется чаще всего (81,4 %), меньше П в МСП (11,6 %), и редко встречается он в научном стиле речи на уровне отдельных предложений в ССЦ (7 %).

6. Для прозы, как и поэзии, типично проявление изобразительной функции, функции актуализации эмоций, текстообразующей, композиционной, интонационно-ритмической, приемоактуализирующей функций. Однако степень выражения этих функций может быть различной, например, в поэтических текстах интонационно-ритмическая функция – более частотное явление, чем в прозаических. Это обусловлено спецификой данных текстов. В драматургических произведениях, как и прозаических, находит выражение характерологическая функция, которая не имеет своей реализации в поэзии. Наряду с указанной выше для драмы характерны функции усиления эмоций и текстообразующая, причем последняя не реализуется за счет ее монтажной разновидности. В этих текстах П формирует повествовательную манеру и усиливает модальность текста, что является субфункциями текстообразующей. Изобразительная, композиционная, интонационно-ритмическая, приемоактуализирующая функции не свойственны драматургии.

Выполняя изобразительную функцию, П может выступать как средство создания наглядно-образных картин при описании персонажа, события, явления, природы и пр.; как форма выражения изобразительного контраста. Функция усиления определенных ощущений, тональностей способствует передаче многообразия, обилия, одновременности, последовательности, интенсивности, гармоничности и упорядоченности, временного и пространственного значений, результативности, динамичности, ассоциативности. Характерологическая функция П является средством имитации разговорной речи, средством субъективации речи. П используется также как средство стилизации (летописный, библейский слог) в пределах приемоактуализирующей функции. Исследуемая фигура может быть средством создания повествовательной (эпической) манеры, конструирования форм художественного монтажа при реализации текстообразующей функции. Ритмообразующая функция П преимущественно формирует замедленную, плавную интонацию.

В некоторых случаях П полифункционален, например, одновременно участвует в образовании ритма и определенной композиции.

В большей мере эти частные функциональные разновидности П реализуются в художественном и публицистическом стилях, в меньшей – в научно-популярном и научном.

7. В нашей работе П в контексте стилистической конвергенции рассматривается в соответствии с взглядами на это явление Г.А. Копниной. Стилистическая конвергенция - сложный стилистический прием, в основе которого лежит взаимодействие стилистических средств одного или разных уровней языка, обусловленное выполнением ими единой стилистической

функции. Под конвергенцией стилистических фигур понимается сложный стилистический прием, в основе которого лежит взаимодействие стилистических фигур, выполняющих общую стилистическую функцию.

Наложение может быть способом реализации как конвергенции, так и контаминации. Различие заключается в том, что в первом случае происходит наложение определенного сегмента одной стилистической фигуры на другую, при этом они воспринимаются достаточно расчлененно. Контаминация по типу наложения имеет место тогда, когда в пределах одной синтаксической единицы происходит совмещение асиндетона и П, например, данное явление обнаруживает себя при сочинении однородных членов предложения, которые одновременно оформлены союзным и бессоюзным способом в одном ряду.

Взаимодействие П с другими стилистическими фигурами возможно не только на основе функциональной близости, но и на основе структурной обусловленности. Обнаруживает себя частотная конвергенция стилистических приемов, в основе которых лежат общие и частные принципы их построения: избыточность – повтор, перечисление; также возможна конвергенция, обусловленная не общим принципом, а частным: избыточность и симметрия могут реализоваться за счет повтора, который выступает как обусловленность, ведущая к взаимовстречаемости стилистических средств.

П преимущественно вступает в конвергенцию с различными стилистическими фигурами повтора: ассонансом, аллитерацией, гомеологией, редупликацией, гомеотелевтоном, анафорическим и эпифорическим лексическим повтором, позиционно-лексическим повтором, симплокой и нек. др. (48 % от общего числа примеров конвергенции). Различные повторы в сочетании с П выполняют общую функцию – усилительно-выделительную, которая может сопровождаться дополнительными значениями в зависимости от контекстуальных условий.

Достаточно распространена совместная встречаемость исследуемой фигуры и градации (23 %), в основе которой, как и в основе П, лежит принцип второго порядка – перечисление. Реже фигуральный многосоюзный ряд взаимодействует с парцелляцией (8 %), с асиндетоном (7 %), с риторическим восклицанием (6 %), с парантезой (4 %), с различными видами антитезы (4 %).

Конвергенция П может быть представлена не только гетерогенной, но и гомогенной разновидностью. В этом случае образуются комбинированные структуры фигур П, которые представлены определенными сочетанием и взаимным расположением двух (преимущественно) и более исследуемых фигур. Такое расположение фигур П может быть представлено следующими комбинациями: последовательностью, включением, наложением.

То или иное комбинированное расположение фигур П относительно друг друга имеет различную частоту употребления. Так, последовательная композиция в расположении фигур по отношению друг к другу наиболее распространена (56 % от общего числа комбинированных П); менее –

композиция по типу включения (31 %); реже всего встречается наложение (13 %).

Стилистические приемы, построенные по одному принципу, имеют большую вероятность совместного использования для выражения какой-либо функции, поскольку у них обнаруживается больший спектр реализации возможных общих функциональных проявлений.

8. Определенную роль в выражении стилистического назначения фигуры многосоюзия играет его пунктуационное оформление, которое является отклонением от стандарта пунктуации. Пунктуационные знаки дают возможность усиливать выделительную функцию П через графическое подчеркивание коммуникативной значимости слова/группы/предложения. Употребление тех или иных знаков препинания в контексте этой фигуры обуславливает ее определенный интонационно-ритмический рисунок.

Анализ пунктуации П подтверждает тезис: в стремлении выявить закономерности употребления знаков препинания, уместность/неуместность отступления от стандарта необходимо руководствоваться функциональным аспектом, опираясь на реальные контексты.

Знаки препинания в контексте исследуемой фигуры являются сигналом другой стилистической фигуры (например, парцелляции, апосиопезы, анадиплозиса), т.е. в этом случае происходит их конвергенция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования установлены содержание и соотношение таких понятий, как «многосоюзие» и «полисиндетон». В результате сопоставления выявлена неоднозначность их трактовки в отечественном языкознании.

В работе решена проблема, связанная с терминологической лакуной в сфере употребления терминов для обозначения избыточного повтора предлогов и частиц.

П как стилистическая фигура нами характеризуется: 1) наличием повтора союза (сочинительного, подчинительного) и перечисления; 2) полной или частичной факультативностью союза, которая позволяет выявить избыточность в его употреблении на основе сопоставления с нейтральным стилистическим вариантом путем трансформации многосоюзной конструкции в бессоюзную или моносоюзную; 3) равноправностью частей (учитывается формальный аспект: синтаксические отношения между сочиненными и однородно соподчиненными единицами); 4) однородностью состава его компонентов; 5) возможностью потенциального увеличения количества частей.

П мы определяем как стилистический формализованный прием фигурального типа, который основан на избыточном повторе сочинительного или подчинительного союзов и на перечислении однородных членов или предложений в составе многочленного сложного предложения или сложного синтаксического целого. Повтор и перечисление – частные принципы реализации общего синтагматического принципа избыточности.

П по фигуративным, структурным признакам и функциональному проявлению – член бинарной оппозиции по отношению к асиндетону в микросистеме экононых-избыточных фигур.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие разновидности П.

1. Монопредикативный и полипредикативный П. Под монопредикативным П открытой структуры мы понимаем фигуративный повтор сочинительных союзов с соединительными отношениями в контексте однородного ряда, который формируется за счет перечисления членов предложения, а под монопредикативным П закрытой структуры, осложненной перечислением типа связи, мы понимаем фигуративный повтор сочинительных союзов с сопоставительным и противительным значениями в контексте однородного ряда, который формируется за счет перечисления членов предложения.

Монопредикативный П встречается в нераспространенном и распространенном однородных рядах. При этом компоненты П могут располагаться либо контактно, либо дистантно. Фигура П с контактным расположением компонентов ее структуры составляет количественное преимущество по сравнению с дистантным, парным (74 % от общего числа обозначенных выше разновидностей).

По распространенности-нераспространенности больший процент принадлежит распространенным конструкциям П в контексте однородного блока (69 %); меньший – нераспространенным (31 % от всех случаев П в контексте однородного ряда по всем исследованным стилям).

Полипредикативные разновидности П реализуются в МСП и в ССЦ (в последнем случае за счет предложений, разделенных точкой).

Мы выделяем следующие разновидности П в составе МСП: а) полипредикативный П открытой структуры, характеризующейся повтором соединительных союзов; б) полипредикативный П закрытой структуры, осложненной перечислением, характеризующейся повтором сопоставительных и противительных союзов; в) полипредикативный П в контексте однородного соподчинения с повтором подчинительных союзов.

Полипредикативный П может быть представлен одновременным сочетанием сочинительного и подчинительного союзов в контексте МСП.

Полипредикативный П в составе МСП в наибольшей степени распространен в контексте сложносочиненного предложения однородного состава (75 % от всех случаев П полипредикативного типа по всем исследованным стилям), при этом чаще встречается в поэтических текстах; менее частотен он в контексте МСП с однородным соподчинением (16 %), мало представлен в контексте многочленного сложносочиненного предложения, характеризующегося закрытой структурой, осложненной перечислением (9 %). Употребление П в пределах ССЦ составляет 17 % от общего числа случаев этой фигуры, извлеченных из всех исследованных нами стилей.

2. Контекстуально не обусловленный и контекстуально обусловленный П.

Контекстуально не обусловленный П характеризуется повтором одноместного союза с соединительными, сопоставительными и противительными отношениями в структуре однородного ряда и предикативных единиц, а контекстуально обусловленный П – повтором многоместного союза с соединительными отношениями в структуре однородного ряда и предикативных единиц.

Анализ исследовательского материала показывает, что чаще встречается контекстуально обусловленный П монопредикативного типа (53 %); менее часто – полипредикативный П в составе МСП (37 %); редко – контекстуально обусловленная полипредикативная разновидность исследуемой фигуры в составе ССЦ.

Контекстуально обусловленный П составляет меньший процент употребления (36 % от числа примеров этой разновидности всех уровневых реализаций), а контекстуально не зависимый – больший (64 %).

3. Микроструктурный и макроструктурный П.

Микроструктурный П характеризуется тем, что он соотносится с определенным фрагментом текста и представлен монопредикативными и полипредикативными вариантами.

Эта разновидность встречается во всех проанализированных нами стилях и составляет количественное преимущество над макроструктурами (95 %).

Под макроструктурным П мы понимаем такую разновидность фигуры, объем которой равен объему всего произведения. П здесь выступает как структурный организатор композиции всего произведения в малоформатных жанрах (рассказ, стихотворение и нек. др.) художественной литературы.

П как организатор целого произведения встречается крайне редко (5 % от всех случаев употребления фигуры многосоюзия по всем исследованным стилям).

К постоянной выразительной функции П мы относим усилительно-выделительную, которая реализуется во всех исследованных нами текстах и заключается в том, что избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или всего текста в целом (последнее – редко). Отсюда происходит их выделенность, а это приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений.

В спектре частных стилистических функций нами установлены:

- текстообразующая функция, которая имеет место во всех исследованных нами стилевых разновидностях;

- изобразительная, функция усиления определенных ощущений и тональностей (многообразия, обилия, одновременности, последовательности, интенсивности, гармоничности, упорядоченности, временное и пространственное значения, результативности, динамичности, ассоциативности, патетичности, торжественности), интонационно-ритмическая, композиционная, приемоактуализирующая, которые свойственны прозаическим, поэтическим текстам художественной литературы и газетной публицистике;

- функция актуализации эмоционального компонента речи, встречающаяся во всех обследованных стилевых разновидностях, кроме собственно-научных текстов;

- характерологическая, которая представлена в прозаических и драматургических текстах художественной литературы;

- оценочная, которая характерна для газетной публицистики;

- дискретная, которая специфична для научно-популярных и собственно научных текстов.

В некоторых случаях П является полифункциональным, например, одновременно участвует в образовании ритма и определенной композиции.

Конвергенция П с другими фигурами может происходить не только на основе функциональной близости, но и на основе структурной обусловленности. Так, П преимущественно вступает в конвергенцию с различными стилистическими фигурами, основанными на повторе, входящем в перечень частных принципов общего принципа избыточности: ассонансом, аллитерацией, гомеологией, редупликацией, гомеотелевтоном, анафорическим и эпифорическим лексическими повторами, позиционно-лексическим повтором, симплокой и др. (48 % от общего числа примеров

конвергенции). Конвергенция П может осуществляться и с теми фигурами, которые построены по принципу параллелизма (изоколоном, периодом и др.).

Достаточно распространена совместная встречаемость исследуемой фигуры и градации (23 %), в основе которой, как и в основе П, лежит принцип второго порядка – перечисление. Реже фигуральный многосоюзный ряд взаимодействует с парцелляцией (8 %), с асиндетоном (7 %), с риторическим восклицанием (6 %), с парантезой (4 %), с различными видами антитезы (2 %), с эллипсисом (2 %).

Конвергенция П может быть представлена не только гетерогенной, но и гомогенной разновидностью. В этом случае образуются комбинированные структуры фигур П. То или иное комбинированное расположение фигур П относительно друг друга имеет различную частоту употребления. Так, последовательная композиция в расположении фигур наиболее распространена (56 % от общего числа комбинированных П); менее – композиция по типу включения (31 %); реже всего встречается наложение (13 %).

Определенную роль в выражении стилистического назначения фигуры многосоюзия играет его пунктуационное оформление, которое является отклонением от стандарта пунктуации. Пунктуационные знаки дают возможность усиливать выделительную функцию П через графическое подчеркивание коммуникативной значимости слова/группы/предложения. Употребление тех или иных знаков препинания в контексте этой фигуры обуславливает определенный интонационно-ритмический рисунок фигуры.

В перспективе возможно проведение исследования, посвященного рассмотрению вопросов, связанных с выявлением и описанием микросистемы стилистических фигур, образованных по принципам экономии/избыточности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнаурова Э.С. К вопросу о природе стилистической функции языка // Сб. науч. тр. Вып. 73 / МПГУ. – М., 2020. С. 7-13.
2. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособ. – М.: Высш. шк., 1990. – 168 с.
3. Акимова Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. – Л.: Издательство ЛГУ, 1982. – 130 с.
4. Аксенова Е. Многосоюзие // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. С. 222.
5. Актуальные проблемы прагмалингвистики: Тез. докл. науч. конф; Воронеж. гос. ун-т / Отв. ред. Л.И. Гришаева. - Воронеж, 2019.
6. Актуальные проблемы романистики: Сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2018. – 85 с.
7. Александров Д.Н. Риторика: Учеб. пособ. для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 543с.
8. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале англ. яз. – М.: Высш. шк., 1984.
9. Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории Российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. – М., 1778. – 132 с.
10. Аникин А.И. Соотношение вводных и вставных конструкций в современном русском языке // Русский язык: Сборник трудов МГПИ. – М., 2015.
11. Аннушкин В.И. Риторика: Учебное пособие. – Пермь: Издательство ПОИПКРО, 1992. – 103 с.
12. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. – ОГИЗ, М.-Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936.-341 с.
13. Антология русской риторики / отв. редактор и сост. М.И. Панов. – М.: Университетский гуманитарный музей, Россия молодая, 1997. – 379 с.
14. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М.: Высш. шк., 1991.
15. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – Л.: Просвещение, Ленингр. отд-е, 1981. – 295 с.
16. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л., 1973.
17. Арнольд И.В. Стилистика: Современный английский язык: Учебник для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
18. Арутюнова Н.Д. О синтаксических разновидностях прозы // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 73. – М., 1973. С. 182-191.
19. Арутюнова Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языковедение. – М., 1972. С. 78-84.
20. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Сов. энциклопедия, 1966.- 607 с.
21. Бабайцева В.В. Простое предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Е.И. Дибровой.- М.: Академия, 2001. С. 292-478.
22. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
23. Багаутдинова Г.А. Механизм создания экспрессивности фразеологических единиц, отражающих психическую деятельность человека // Экспрессивность текста и перевод. – Казань, 2019.
24. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: 1961. – 130 с.

25. Баранов А.Г. Эмоциональная экспрессия – язык – текст // Филология. 1993. №1.
26. Барлас Л.Г. Источники текстовой выразительности // Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. д-р фил. Т.Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1987. С. 30-36.
27. Барлас Л.Г. О категории выразительности и изобразительных средствах языка // Русский язык в школе. №1. 1989. С. 75-80.
28. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 3-х томах. - М., 1948.
29. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / Под ред. В.А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. - М.: Азбуковник, 1999. С. 606-868.
30. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык: Учебник / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. С. 363-552.
31. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке: Некоторые вопросы теории. - М.: Просвещение, 1967. - 160 с.
32. Белошапкова В.А. Сложное предложение и словосочетание (к вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков. Концепция и методы. - М.: Наука, 1974. С. 79-89.
33. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. - М.: Высш. школа, 1977. - 248 с.
34. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. – М.: Рохос, 2004. – 208 с.
35. Береговская Э.М. Структурное обновление фигур образности в художественном тексте // Актуальные проблемы романистики: Сборник статей. - Смоленск: СГПУ, 1998. С. 42-51.
36. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис: Учебное пособие по спецкурсу. – Смоленск: СТПИ, 1984. – 92 с.
37. Береговская Э.М., Верже Ж.-М. Занятная риторика. – (Rhetorique amusante). – М., 2000.
38. Бернацкая А.А. Функции языка и речи. Рукопись, 2006.
39. Бернацкая А.А. Перечисление // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 219-223.
40. Бернацкая А.А. Прием перечисления в стилистике и риторике // Риторика и синтаксические структуры: Сборник тезисов и докладов. – Красноярск, 1988. С. 99-100.
41. Боженкова Н.А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1998. – 258 с.
42. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы как риторические средства фразеологии // Риторика и перспективы ее изучения в школе и вузе. Научная конференция. 2018. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2018. С. 43-44.
43. Брандес М.П. О речевых формах в немецком языке (к постановке вопроса) // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Т. 33. – М., 1966.
44. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. - М., 1970.
45. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Соцэкгиз, 1967. – 376 с.
46. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка // Вопр. языкознания. 1972. №1.
47. Бурмистрович Т.В. Стилистические окраски слова // Совершенствование преподавания лингвистических дисциплин в педагогическом вузе. – Красноярск: КГПИ, 1986. С. 86-95.
48. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. – М.: Высшая школа, 1978. – 182 с.

49. Валгина Н.С. Пунктуация // Синтаксис современного русского языка. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1991. С. 408-427.
50. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1991. – 432 с.
51. Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация: Справочник. – М., 1996.
52. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи.- М., 1979.
53. Васильева Н.В. Союз // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. - 2-е изд. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. С. 484-485.
54. Васильева Т.В. Проблема риторического воздействия в синтаксисе. На материале военной публицистики А.Н. Толстого. – М., 2015. – 24 с.
55. Василькова Н.Н. Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности пол. 18 – нач. 19 вв.: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 1990. – 20 с.
56. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика: Для высших и средних учебных заведений. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 576 с.
57. Веккесер М.В. Бессоюзие в аспекте категории экспрессивности // Skripta manent: Сборник научных работ студентов и аспирантов-филологов. Вып. 7. – Смоленск: Смоленск. ГПИ, 2000. С 42-51.
58. Веккесер М.В. К вопросу о выделении группы полирелятивных стилистических фигур // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред. Б.Я. Шарифуллина. Вып. 2. – Красноярск, 2002. С.15-17.
59. Веккесер М.В. К вопросу о содержании и объеме понятия «многосоюзие» // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы X филологич. чтений им. проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина; КрасГУ. Вып. 5. – Красноярск, 2005. С. 165-171.
60. Веккесер М.В. К вопросу о структурно-семантических разновидностях стилистической фигуры полисиндетона // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всерос. конф. 25-27 сент. 2001. Вып. 2. – Абакан, 2001. С.25-27.
61. Веккесер М.В. К вопросу о типологии полисиндетона как стилистического приема // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: Языковая личность в межкультурной коммуникации: Матер. V Всерос. научн.-практич. конф. 23-25 нояб. 2005г. / Отв. ред. Е.В. Танков, научн. ред. И.В. Пекарская. – Абакан: ХГУ, 2005. С.126-132.
62. Веккесер М.В. Некоторые структурно-семантические особенности и стилистическое функционирование полисиндетона в современном русском литературном языке // Теоретические и прикладные аспекты педагогического образования: Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Семенова; КрасГУ. – Красноярск, 2003. С. 156-166.
63. Веккесер М.В. Повтор служебных слов как стилистическое средство // Актуальные проблемы русского языка и литературы: Материалы Международной конференции молодых филологов. 19-21 нояб. 2003г. – Красноярск: КГПУ, 2003. С.21-25.
64. Веккесер М.В. Полисиндетон в современном русском языке в аспекте стилистической конвергенции // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. материалов Всерос. семинара / Под. ред. А.П. Тимониной. Ч. 1. – Пенза, 2000. С. 49-51.

65. Веккессер М.В. Проблема изучения стилистических фигур асиндетона и полисиндетона // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 3. // КрасГУ / Сост. А.П. Сковородников и др. – Красноярск-Ачинск, 1997. С.37-38.
66. Веккессер М.В. Пунктуационное оформление полисиндетона в книжно-письменной речи // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред. Б.Я. Шарифуллина; Красн.ГУ. Вып. 4. – Красноярск, 2004. С. 91-97.
67. Веккессер М.В. Структурно-функциональное сопоставление стилистических фигур асиндетона и полисиндетона в свете теории оппозиций // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: Материалы III Всерос. научн. конф. 25-27 нояб. 2003г. /Отв. ред. Киселев В.С., науч. ред. Пекарская И.В. – Абакан: ХГУ, 2003.С.113-118.
68. Веккессер М.В. Типология полисиндетона как стилистической фигуры в современном русском литературном языке // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XI Филол. чтений им. Проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Отв. ред. Б.Я. Шарифуллин; КрасГУ. Вып. 6. – Красноярск, 2006. С.181-186.
69. Веккессер М.В. Функционально-стилистическое использование фигур асиндетона и полисиндетона в современном русском языке // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под ред.Б.Я. Шарифуллина. Вып. 3. – Красноярск, 2003. С. 112-118.
70. Веккессер М.В. Функционирование стилистической фигуры полисиндетон в текстовом аспекте // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина. – Красноярск, 2001. С.9-12.
71. Веккессер М.В. Функционирование стилистической фигуры полисиндетона в современном русском языке // Вестник Красноярского государственного университета. № 3/2. – Красноярск, 2006. С. 190-193.
72. Венгранович М.А. Предложения с однородными членами и их жанрово-стилистические функции в русской исторической песне 17-19 вв.: Дис. ... канд. филол. наук.-Петрозаводск, 1996. – 212 с.
73. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Высш. шк., 1989. – 136 с.
74. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60-87.
75. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941.
76. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Звегинцева В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. – 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1965. С. 300 – 320.
77. Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2001.
78. Волков А.А. Основы русской риторики. – М., 1996. – 344 с.
79. Вомперский В.П. Риторика в России XVII-XVIII вв. – М., 1989.
80. Вопросы семантики и прагматики языкового высказывания: Межвуз. сб. научн. тр. – Челябинск: ЧелГУ, 2015. – 160 с.
81. Гаврилова Г.Ф. Об изоморфизме сложноподчиненного предложения и словосочетания // Подчинение в полипредикативных конструкциях. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 28-38.
82. Гаврилова Г.Ф. Переходные конструкции в системе сложного предложения и их семантико-грамматический статус // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка / Отв. ред. д-р филол. н. Г.В. Валимова. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2012. С. 82-95.

83. Гаврилова Г.Ф. Функционирование сложносочиненного предложения в тексте // Сложное предложение в тексте: Межвуз. сборник научных трудов. - Калинин: Калинин. гос. ун-т, 2013. С.4-16.
84. Гак В.Г. Синтаксис эмоции и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность: Сб. научн. трудов / Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. С.20-30.
85. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. – М.: Издательство Моск. ун-та, 1958. С. 103-125.
86. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1958. – 310 с.
87. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.
88. Гарузова Л.В. Лингвистическая природа и стилистические функции полисиндетона (на материале янгл. яз.) – Дис ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 185 с.
89. Гаспаров М.Л. Бессоюзие // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. – 752 с.
90. Гаспаров М.Л. Многосоюзие // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: СЭ, 1987. С. 225, 285.
91. Гинзбург Е.Л. Из заметок о синтаксических приемах выразительности. Гипаллага // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация. Функционирование: Сб. науч. тр.- М.: АН СССР, Ин-т языкознания, Пермск. Гос. ун-т, 1989. – С. 75-80.
92. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учеб. для вузов. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.
93. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф; Айриспресс, 1997. – 448 с.
94. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.- 212 с.
95. Горбунов А.П. О сущности экспрессии и формах ее реализации // Вопросы стилистики. – М., 1986.
96. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности. 2-е изд. – М., 1996. – 36 с.
97. Граудина Л.К. Риторика // Русский язык. Энциклопедия. – М.: БРЭ, 1997. С. 423-424.
98. Гридина Т.А. Ономастическая игра как фактор экспрессивности речи // Язык и культура: Третья международная конференция. Доклады. Ч. 1.– Киев, 1994.
99. Десяева Н.Д., Лебедева Т.А., Ассуирова Л.В. Культура речи педагога. – М., 2003. –192с.
100. Джаубаева Ф.И. Полисиндетон как средство гармонической организации поэтических текстов А.С. Пушкина: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1999. – 239 с.
101. Джаубаева Ф.И. Роль частиц в образовании фигуры полисиндетона в поэтическом тексте (на основе поэзии А.С. Пушкина) //Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции, 25-27 сентября 2001 г. – Абакан: ХГУ им. Катанова, 2001. С.27-29.
102. Дроняева Т.С., Клушина Н.И., Бирюкова И.В. Стилистика современного русского языка: Практикум / Под ред. Т.С. Дроняевой. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 184 с.
103. Дудников А.В. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. вузов союзных и авт. респ. - М.: Высш. шк., 1990. - 424 с.
104. Дьячкова Н.А. Проблемы сложносочиненного предложения: Материалы к спецкурсу для студентов (тексты лекций). – Усть-Каменогорск, 2013. – 47 с.
105. Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 320 с.

106. Емельянова О.Н. Аллитерация // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 19-21.
107. Емельянова О.Н. Ассонанс // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 72-73.
108. Ефимов А.И. О языке художественных произведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Учпедгиз, 1954. – 287 с.
109. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
110. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.– 448 с.
111. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи: Психоллингв. интерпретация речевого воздействия: Учеб. пособие / Ленингр. гос. пед. институт им. А.И. Герцена, Яросл. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль: Яр. ГУ, 1990.
112. Житенева Л.И. Проблемы создания экспрессии в газетных текстах // Русская речь. 1996. №2.
113. Журавлева Е.И. Эмоциональность, информативность и образность поэтического текста: (На материале немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук.- Н. Новгород, 1999. - 160 с.
114. Загоровская О.В. О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск: НГУ, 2014. С. 74-80.
115. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – 3-е изд., испр. – М.: Дело, 2001. – 480 с.
116. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988.
117. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
118. Иванов Л.Ю. Анафора // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 51.
119. Иванов Н. В. Способы усиления экспрессии в сверхфразовом единстве и в высказывании (На материале сопоставления португальских и русских текстов): Дис. ... канд. филос. наук. – М., 1990. – 205 с.
120. Иванова Н.И. Контекстные связи поэтической фразеологии // Поэтика и стилистика. 1988-1990. – М.: Наука, 1998. С. 76-100.
121. Иванчикова Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в современную эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка в современную эпоху. – М.: Наука, 1966.
122. Иванчикова Е.А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной художественной литературы: Проза. – М.: Наука, 1977. С. 198-241.
123. Иванчикова Е.А. Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1992.
124. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте: Учебное пособие к спецкурсу: – Л.: ЛГПИИ им. А.И. Герцена, 1989.
125. Инфатова Г.Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи: Пособ. для спецкурса / отв. ред. М.К. Милых. – Ростов-на-Дону, 1973. – 136 с.
126. Кайдаров А.Т. Шахова М.К. Экспрессия как фактор выражения эмоции. – Вестн. Ан. Каз. ССР. – Алма-Ата, 1983. №9. С. 15-20.

127. Капацинская Е.В. Значение термина «изобразительность» и его функционирование // Проблемы экспрессивной стилистики / Под ред. Т.Г. Хазагерова. Вып. 2. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. С. 5-14.
128. Капацинская Е.В. Определение выразительности и способы ее усиления // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987.
129. Карапетян Г.К., Шварцкопф Б.С. Пунктуация // Языкознание: БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: БРЭ, 2000. С. 406-407.
130. Каржаева Ю.Д., Кулова А.Д. Возникновение и становление языковой экспрессивности // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2 / Отв. ред. Т.Г. Хазагерова. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. С. 14-18.
131. Карпов А.Н. Сочетание знаков препинания в современной русской пунктуации. – Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1984. – 88 с.
132. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966.
133. Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2000. – 464 с.
134. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособ. для вузов. – М., 1999.
135. Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. №1. С. 3-13.
136. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986.
137. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
138. Комарова А.М. О соотношении субституции и экспрессивности (на материале английского языка) // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвузовский сб. научн. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск: НГУ, 1984. С. 31-41.
139. Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических тестов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Красноярск, 2001. - 27 с.
140. Копнина Г.А. О соотношении понятий «конвергенция стилистических фигур» и «контаминация стилистических фигур» // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции 25 – 27 сентября 2001 г. – Абакан: Изд-во ХГУ им Н.Ф. Катанова, 2001. С. 11-16.
141. Копнина Г.А. Парцелляция // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 217-219.
142. Копнина Г.А. Повтор // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 231-232.
143. Копнина Г.А. Редупликация // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 260-261.
144. Копнина Г.А., Кузнецова А.А. Анафора // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 41-42.
145. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Выразительные средства // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 90-92.
146. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Стилистическая фигура // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 318-319.

147. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Стилистический прием // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 322-325.
148. Корольков В.И. К теории фигур // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 78 / Отв. ред. Д.С. Светлышев. – М., 1973/1974. С. 60-93.
149. Корольков В.И. Фигуры // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. – М.: СЭ, 1972. С. 947-950.
150. Костина Н. Б. Экспрессивные возможности синтаксиса в языке современной газетной публицистики: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 166 с.
151. Костомаров В.Г. Разговорные элементы в языке газеты // Русская речь. 1967. № 5. С. 48-53.
152. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971. – 266 с.
153. Котюрова М.П. Повторы как средство связи предложений в научном стиле сравнительно с художественным: Учен. записки Пермского ун-та им. А.М. Горького. – Пермь, 1974. №302. С. 110-130.
154. Кохтев Н. Н. Риторика. - 2-е изд. - М., 1996. – 207 с.
155. Краткая русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: Рус.яз., 1989. - 639 с.
156. Крупина Л.Е. Textoобразующие функции именительного представления и именительного темы // Принципы функционального описания языка: Тезисы Всерос. науч. конф., 18-20 марта 2014. – Екатеринбург: УРГПУ, 2014. С. 96-97.
157. Кручинина И. Н. Многосоюзие // Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 1998. С. 302-303.
158. Кручинина И. Н. Структура и функция сочинительной связи в русском языке / Отв. редактор И. И. Ковтунова: АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
159. Кручинина И.Н. Сочинение // Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: БРЭ, 2000. С. 484.
160. Кручинина И.Н. Союзы и союзные слова // Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. С. 713-722.
161. Крылова И.Н. Экспрессивные средства в рассказах Агаты Кристи // Лексико-семантические и прагматические особенности текста: Метод. обуч. ин. яз. – СПб., 2013.
162. Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Синтаксис // Современный русский язык: Учебник. – 3-е изд. / Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Лань, 2001. С. 592-825.
163. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: синтаксис сложного предложения, М., 1977. – 191 с.
164. Кузнец М. Д. и Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка: Пособ. для студ-ов. Л., 1960. – 173 с.
165. Кузнецова А.А. Гомеология // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 101.
166. Кузнецова А.А. Изоколон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 134-135.
167. Кузнецова А.А. Период // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 223-225.
168. Кузнецова А.А. Повтор как синтагматический принцип организации стилистических фигур // Современная филология: Актуальные проблемы, теория

- и практика: Сб. материалов междунар. научн. конф. Красноярск, 21-23 сентября 2005г. / Отв. ред. А.П. Сковородников, Красноярск, 2005. С. 135-143.
169. Кузнецова А.А. Синтаксический параллелизм // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 298-301.
 170. Кузнецова А.А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2003. – 34 с.
 171. Кузнецова А.В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М.Ю. Лермонтова: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1998. – 158 с.
 172. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.М. Ширяева. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – 560 с.
 173. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
 174. Лаптева О.А. Синтаксическая дискретность монологического высказывания в устной научной речи // Функциональные стили: Лингво-методические аспекты. – М., 1985.
 175. Лебедева Н.В. Синтаксис поэтической речи // Русская речь. 1971. №1. С. 27-31.
 176. Левашова В.А. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале англ. яз.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ, 1977. – 26 с.
 177. Левин Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. - М., 2017. С. 64-88.
 178. Лекант П.А. Синтаксис // Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. Л.Л. Касаткина. - М.: Академия, 2001. С. 636-754.
 179. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1998.
 180. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: БРЭ, 2002. – 709 с.
 181. Литературный энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1987. – 752 с.
 182. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. - М.-Л., 1952.
 183. Лосева Л.М. Как строится текст. – М., 1980.
 184. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // О поэтах и поэзии. – СПб, 1996.
 185. Лукьянов С.А. Экспрессивные конструкции как средство создания комического: Лингвист. исслед. // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 79-81.
 186. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. I. Семантика // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. – Новосибирск, 1979. С. 12-46.
 187. Лукьянова Н.А. Системные отношения в экспрессивной лексике разговорного употребления // Системные отношения на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. К.А. Тимофеева. – Новосибирск: НГУ, 1988. С. 49-64.
 188. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.
 189. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991.
 190. Львов М. Р. Риторика. – М., 1995. – 256 с.
 191. Львова С.И. Уроки словесности. 5-9 класс: Пособие для учителей. - М.: Дрофа, 1996. – 416 с.
 192. Макаренко Е.В. Синтаксический повтор в поэзии А. Блока // Проблемы грамматической стилистики. – Ростов-на-Дону, 2017. С. 37-38.

193. Маковский И.Ф. К вопросу о функциях эллипсиса и фигуры умолчания в художественном тексте // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Ч. 3. – Смоленск, 1997. С. 135-140.
194. Малинович Ю.М. Экспрессия и синтаксис художественного текста // Проблемы лингвистического анализа текста. – Иркутск, 1980.
195. Мамонов В.А., Розенталь Д.Э. Практическая стилистика современного русского языка. – М., 1957, - 176 с.
196. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во ин. литературы, 1960.
197. Маслова В.А. Об одном текстовом приеме создания экспрессивности // Текст как структура. - М., 1992.
198. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 92 с.
199. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
200. Матвиевская Л.А. Стилистическое использование антонимов (На материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1978. – 197 с.
201. Мейлах М.Б. Изобразительная стилистика поздних фильмов Эйзенштейна. - Л., 1971.
202. Михайличенко Н.А. Риторика: Учебное пособие. - М.: Новая школа, 1994.
203. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. - М.: Просвещение, 1996. - 416 с.
204. Мозгалова Н.В., Мокурангуолали Ж. Синонимия сложносочиненных предложений с союзом «и..., и...», или к вопросу о разновидностях сочинительной связи // Актуальные проблемы сложного предложения: Материалы научной конференции 21-22 января 1993. – Тверь, 1993. С. 35-39.
205. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Рус. яз. и советское общество. Социолингвистическое исследование. – М., 2018. С. 223- 239.
206. Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. – Волгоград: Учитель, 2000. – 198 с.
207. Мурашов А.А. Культура речи учителя: Учебно-метод. пособие. – М.: ППСИ; Воронеж, 2002. – 432 с.
208. Нецветаева Н.В. Структурно-семантические особенности полипредикативной конструкции с «и...и...» и ее функционирование в тексте: Дис. ... канд. фил. наук. – Усть-Каменогорск, 1998. – 175 с.
209. Никитина А.Х. Синтаксические конструкции с антиципацией как экспрессивное средство современного русского литературного языка: Дис. ... канд. фил. наук. - Красноярск, 1990.
210. Никитина С.Е., Васильева А.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. - М., 1996. - 172 с.
211. Николина Н.А. Сложное предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой.- М.: Академия, 2001. С. 478-641.
212. Никольский А.С. Основания российской словесности. Ч. II. Риторика. - СПб., 1807. - 179 с.
213. Никонов В. Синтаксические фигуры // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. С. 353-354.
214. Новиков Л.А. Искусство слова. – М.: Педагогика, 1991. – 144 с.

215. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994.
216. Общая риторика: Пер. с французского / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тритон и др. / Общ. ред. А.К. Авеличева. - М.: Просвещение, 1986.- 392.
217. Оганезова Р.Д., Скорлуповская Е.В. О выделении сочинительных союзов // Материалы IX и X конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедры русского языка.- Ростов-на-Дону: РГУ, 1971. С. 94-102.
218. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т русск. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.
219. Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р.Г. Котов. - М.: Наука, 1990. – 240 с.
220. Остудина Т.А. Семантико-стилистические функции некоторых типов связи в немецком языке и возможности их передачи на русском языке (на материале романов Г. Бебеля): Дисс. ... канд. филол. наук. - Л., 1969.
221. Павлова Н.М. Прагматика художественного текста и коммуникативно-экспрессивные возможности языковых единиц / Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2 / Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону, 1993. С. 109-114.
222. Панасюк А.Т. К вопросу об экспрессии как лингвистической категории // Вестник МГУ. Серия Филология. 1973. №6.
223. Панкратович Т.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в поэзии Н.А. Заболоцкого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1998. – 20 с.
224. Панов М.И. Бессоюзие // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской. М.: Флинта: Наука, 1998. С. 22-23.
225. Панов М.И. Многосоюзие // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. - Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. - М.: Флинта, Наука, 1998. С. 114-115.
226. Панченко Н.В. Экспрессивность конструкции и экспрессивность текста как «коммуникативная» категория (К постановке проблемы) // Проблемы грам. стилистики: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 2. - Ростов-на -Дону, 1997. С. 43-45.
227. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998.–312с.
228. Пекарская И.В. Анаколуф как средство создания экспрессии // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: Тезисы докладов Всероссийской науч. лингвистич. конференции, 22-25 февраля 1993. – Екатеринбург: УрГПИ, 1993. С. 83.
229. Пекарская И.В. Контаминация синтаксических структур как средство оптимизации речевого воздействия // Культура речи в разных сферах общения: Тезисы докладов Всерос. конф. – Челябинск: Челябинский ГУ, Челябинский ГПИ, 1992. С. 22-23.
230. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. I. - Абакан, 2000. – 248 с.
231. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. II. - Абакан, 2000. – 344 с.
232. Пекарская И.В. Контаминация синтаксических структур в тексте как явления стилистики // Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, 21-23 мая 1992. – Екатеринбург: УрГУ, Институт русской культуры, 1992. С. 50.

233. Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка: Учебно-методическое пособие и Системный словарь-справочник. – Абакан, 1999. – 152 с.
234. Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского литературного языка (На материале художественных и публицистических текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 1995. - 27с.
235. Пекарская И.В. Об одном из принципов построения экспрессивных синтаксических конструкций // Синтаксические процессы на разных уровнях языковой системы: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Саратов. ГУ, 1994. С. 114-119.
236. Пекарская И.В. Обучение русскому языку в контексте воздействующего слова // Актуальные проблемы образования младших школьников: Сборник материалов научно-практической конференции. Декабрь, 1999. Ч. 2. – Минусинск: «Роса» ХРИПК и ПРО, 1999. С. 19-21.
237. Пекарская И.В. Теория фигур на современном этапе: актуальная проблематика и перспективы изучения // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всерос. конф., 25-27 сентября 2001. Вып. 2. – Абакан: ХГУ им Н.Ф. Катанова, 2001. С. 8 – 11.
238. Песков А.М. Прием литературный // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. - М.: СЭ, 1987. С. 304-305.
239. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. - М.; Пг., 1923.
240. Пешковский Н.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
241. Попова И.А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. В.В. Виноградова – М.: Госуд. учебно-пед. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1950. С. 355-396.
242. Предмет риторики и проблемы ее преподавания: Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике: Москва, 28-30 января 1997 г. / Ред.-сост. В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Г.В. Карпюк. – М.: Добросвет, 1998. – 290 с.
243. Преображенский С.Ю. Элементарные ритмические составляющие синтаксиса орнаментальной прозы // Функциональный синтаксис и семантика: Сб-к научн. трудов. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 2011. С. 69-76.
244. Прияткина А.Ф. Об отличии союза от других связующих средств // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102-106.
245. Прияткина А.Ф. Союз и его функциональные аналоги // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток, 1978. С. 45-55.
246. Проблемы грамматической стилистики: Материалы Всерос. научной конф. Вып. № 2.- Ростов-на-Дону, 1997.
247. Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987.
248. Проблемы экспрессивной стилистики: Сб. научн. трудов / Под ред. Т.Г. Хазагерова, Вып. 2. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 144 с.
249. Прокопович Феофан. Про риторичне мистецтво // Філософські твори. – Київ, 1979.
250. Пуленко И.А. Экспрессивность синтаксиса публичных речей. (Синтаксический параллелизм и порядок слов): Дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1988. - 173 с.
251. Пустовалов П.С., Сенкевич М.П. Пособие по развитию речи: Учеб. пособ. – 2-е изд., доп. и перераб.- М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
252. Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах: Тезисы республиканской конференции / Отв. ред. Е.В. Скворецкая, И.Н. Зайдман. – Новосибирск, 1998. – 104 с.
253. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 2011.

254. Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / Под ред. Л.В. Минаевой.- М.: МГУ, 1991. – 192 с.
255. Рижский И.С. Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. - СПб., 1796. - 381 с.
256. Риторика и перспектива ее изучения в школе и вузе. - Ростов-на-Дону, 1990.
257. Риторика и синтаксические структуры: Тезисы докладов и сообщений Краевой научно-технической конференции Красноярского гос. ун-та, 1-3 февраля 1989. - Красноярск, 1988. - 456 с.
258. Риторическая культура в современном обществе: Тезисы IV Международной конференции, 26-28 января 2000 / Отв. ред. В.И. Аннушкин. – М.: Гос. институт рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2000. – 130 с.
259. Рождественский Ю.В. Теория риторики. - М., 1997. - 598 с.
260. Розенталь Д.Э. Наблюдения над синтаксисом языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1980. С. 51-65.
261. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. - М.: Высш. шк., 1968.- 416с.
262. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка.– М., 1998. – 344 с.
263. Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. – М., 1997.
264. Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 336 с.
265. Розенталь Д.Э., Джанджикова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – 2-е изд., испр. - М., 1998. – 400 с.
266. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. - М.: Просвещение, 1985.
267. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. - М.: 1982. - 709 с.
268. Русская грамматика. Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - М.: Наука, 1980. - 784 с.
269. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М: БРЭ, 1997. - 703 с.
270. Русский язык. Энциклопедия. - М.: СЭ, 1979. - 431 с.
271. Рыжова М.В. О некоторых особенностях полисиндетона в просторечии // Риторика и перспективы ее изучения в школе и вузе: Тезисы докладов.- Ростов-на-Дону, 1990. С.52-53.
272. Савова М.Р. Выразительность // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта: Наука, 1998. С. 29-30.
273. Самотик Л.Г., Гуляева Л.А., Иванова В.Ф. Словарь-справочник по лексикологии русского языка: Учебное пособие. - Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998.- 336 с.
274. Сарина З.М. Прагматические основания функционирования повтора в различных речевых формах (В англоязычном художественном тексте): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 159 с.
275. Сердобинцев Н.Я. К истории научно-популярного стиля (Социально-исторические условия функционально-стилистического развития русского литературного языка в I половине XVIII века) // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сб. Вып. 11. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. С. 83-109.
276. Сильман Т.И. Проблема синтаксических связей в прозе Лессинга. Уч. зап. МГПИ. Т. 255. – М., 1963.
277. Сильман Т.И. Проблема синтаксической стилистики. - М., 1967.
278. Скворецкая Е.В. Экспрессивные потенции отыменных глаголов в русском языке // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск: НГУ, 1984. С. 81-91.

279. Скворцов Л.И. Экология слова, или поговорим о культуре русской речи.- М., 1996. - 158 с.
280. Сквородников А.П. Градация // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Краснояр. гос. ун-т; Под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 6. – Красноярск-Ачинск, 1998.
281. Сквородников А.П. Актуальная проблематика синтаксических фигур // Риторика и синтаксические фигуры. 1-3 февраля 1989.- Краевая науч.-техн. конференция. - Красноярск: Ин-т РЯ. АН СССР, КрГУ, 1989. С. 147-151.
282. Сквородников А.П. Вопросы экологии русского языка: Учеб. пособие. - Красноярск: Изд-во КрГУ, 1993. – 47 с.
283. Сквородников А.П. Вставная конструкция // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 85-88.
284. Сквородников А.П. Лингвистическая экология: теория и практика: Рабочая программа спецкурса для студентов ф-та филологии и журналистики. - Красноярск: Изд-во КрГУ, 1993. – 47 с.
285. Сквородников А.П. О проспекте учебного словаря-справочника «Выразительные средства русского языка (тропы, фигуры, приемы)» // Новые подходы к преподаванию гуманитарных дисциплин в средних общеобразовательных и специальных учебных заведениях: Тезисы республиканской научно-практической конференции 20-24 сентября 1994 г. - Ачинск: КрГУ, Ачинский педколледж, 1994. С. 48-52.
286. Сквородников А.П. О системном описании понятия «стилистическая фигура» // Русская речь. Филологические беседы. 2002. №4. С. 62-67.
287. Сквородников А.П. О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюллетень. Вып. 7.- Красноярск – Ачинск, 1998. С. 10-18.
288. Сквородников А.П. Полиптотон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 236-237.
289. Сквородников А.П. Полисиндетон как стилистическая фигура // Русская речь. 2002. №6. С. 42-47.
290. Сквородников А.П. Риторический прием // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 366-373.
291. Сквородников А.П. Риторическое восклицание // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 276-279.
292. Сквородников А.П. Тавтология // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 328-331.
293. Сквородников А.П. Экспрессивно-синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного анализа. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. - 225 с.
294. Сквородников А.П., Копнина Г.А. Выразительность // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 90.
295. Сквородников А.П., Копнина Г.А. Об определении понятия «стилистический прием»// Филологические науки. – 2002. №2. С. 75-80.

296. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Риторический прием // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 271-275.
297. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Стилистическая фигура // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 316-318.
298. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивность // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 362-364.
299. Сковородников А.П. Полисиндетон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 241-245.
300. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. - Горький, 1975.
301. Скребнев Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификации // Проблемы экспрессивной стилистики: Сб. научн. тр. / Ростовский университет. - Ростов, 1987.
302. Скребнев Ю.М. Экспрессивная стилистика и лингвистика субъязыков // Проблемы экспрессивной стилистики / Под ред. Т.Г. Хазагерова. Вып. 2. - Ростов-на-Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. С. 19-27.
303. Современный русский язык: Учебник для вузов: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Под общ. ред. Л.А. Новикова. - СПб: Лань, 2001.- 864 с.
304. Солганик Г.Я. Анафорические строфы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. - М.: Флинта: Наука, 2003. С. 15.
305. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое). - М: Высш. шк., 1973. - 214 с.
306. Солганик Г.Я. Стилистика русского языка: Учебное пособие для общеобразовательных заведений. – М., 1996. – 272 с.
307. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособ. для студ-в, абитуриентов, преподавателей-филологов и уч-ся старших классов. – 3-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.
308. Солганик Г.Я. Язык газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. – М., 1980.
309. Средства выражения экспрессивности текста: Межвуз. сб. науч. тр. - Ростов-на-Д.: РГПИ, 2012.
310. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965.
311. Стернин И.А. Практическая риторика. - Воронеж, 1993.
312. Стецко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. – М.: Высш. шк., 1972. – 358 с.
313. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
314. Сыров И.А. Синтаксические факторы текстообразования в современной художественной литературе: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 18 с.
315. Тавасиева А. К вопросу о функционировании инверсии подлежащего в современном французском стихотворном тексте // Scripta manent VI: Сб. научных работ. – Смоленск, 2000. С. 19-25.
316. Тамерьян Т.Ю. Механизмы речевого воздействия в аспекте анализа драматургического произведения // Проблемы грамматической стилистики: Материалы Всерос. науч. конф. Вып. № 2. - Ростов-на-Дону, 1997. С. 35-37.

317. Телия В.Н. О различении рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функция. Семантика. Оценка. Экспрессивность. Модальность. – М.: Российск. АН Ин-т языкознания, 1996. С. 31-39.
318. Телия В.Н. Экспрессивность // Энциклопедия. Русский язык. - М., 1997. С. 637.
319. Теория функциональной грамматики / Ред. коллегия: А.В. Бондарко и др. – М., 1987.
320. Тимофеев К.А. Об экспрессивных средствах синтаксиса русского языка (заметки, наблюдения) // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск: НГУ. С. 3-5.
321. Тимофеев Л.И., Венгеров С.Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. - М.: Просвещение, 1952.
322. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. - М., 1974.
323. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.А. Ушакова. Т.1. – М.: Государственное изд-во иностр. и национ. словарей, 1935. – 1566 с.
324. Томашевский Б.В. Краткий курс по этике. М.-Л., 1929.
325. Топоров В.Н. Фигуры речи // Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: БРЭ, 2000. С. 542-543.
326. Трипольская Т.А. Прагматическая полифункциональность экспрессивного слова // Принципы функционального описания языка: Тезисы Всерос. научн. конференции, 18-20 марта 1994. Ч. II. – Екатеринбург: УрГПУ, 1994. С. 183-184.
327. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
328. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности как понятие экспрессивной стилистики // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2 /Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. С. 7-35.
329. Уханов Г.П. Строение сложных полипредикативных предложений (основные понятия) // Сложные элементарные и полипредикативные предложения. – Калинин, 1983.
330. Федорова Л.В. Омонимия вопросительных предложений // Семантика слова в контексте высказывания: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МГПУ, 1996. С. 66-73.
331. Федорова Л.Л. О видах речевого воздействия и роли интонации в их распознавании // Моск. лингв. журн. 1996. №3. С. 113 - 134.
332. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: Учеб. пособ. по спецкурсу. – М.: МГПИ, 1988. – 83 с.
333. Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2002. - 160 с.
334. Формановская Н.И. Сложное предложение в современном русском языке. Теория и упражнения (включенное обучение). – М.: Русский язык, 1989. – 192 с.
335. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. - М.: Рус. яз., 1978. – 239 с.
336. Фридрих С.А. Экспрессивность в тексте: Учеб. пос.- Орехово-Зуево: ОЗЛИ, 1992, 88с.
337. Хаврук И.И. Образ автора в романе А.Фадеева «Молодая гвардия» // Русский язык в школе. 1985. № 2. С. 60-64.
338. Хазагеров Т.Г. К вопросу о классификации экспрессивных средств (Изобразительные схемы) // Проблемы экспрессивной стилистики: Межвуз. сб. / Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. - Ростов-на-Дону: РГУ, - 1987. С. 67-77.
339. Хазагеров Т.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (По материалам «Комсомольской правды»): Дис. ... канд. филол. наук - Ростов-на-Дону: РГУ, 1984. - 124 с.

340. Хазагеров Т.Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики / Под ред. Т.Г. Хазагерова. Вып. 2. - Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. С. 47-56.
341. Хазагеров Т.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека. – М., 2001.
342. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур: Учеб. пос. - Ростов-на-Д.: РГУ, 1994. - 192 с.
343. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов / Отв. ред. Е.Н. Ширяев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 320 с.
344. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. №3. С. 66-71.
345. Хлебников А.В. Закрепленность навыков правописания // Русский язык в школе. 1965. №2. С. 52-56.
346. Худоногова Г.А. К проблеме разграничения конвергенции и контаминации стилистических фигур // Риторика в свете современной лингвистики: Тезисы докладов в сб. межвуз. научн. конференции. – Смоленск: СГПИ, 1999. – С. 99-101.
347. Худоногова Г.А. О взаимодействии стилистических приемов и стилистических фигур // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-метод. бюллетень. Вып. 7. – Красноярск-Ачинск, 1998. С. 40-43.
348. Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Учен. записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Т. 64. - М., 1971.
349. Чайковский Р.Р. Стилистические функции асиндетической и полисиндетической связи в современной немецкой художественной прозе: Дис. ... канд. филол. наук.- М., 1972.- 243 с.
350. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия; Ан СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1991. - 214 с.
351. Черемисина М.И. Уровни и единицы синтаксиса // Структура и функционирование синтаксических единиц. – Иркутск, 1983. С. 3-12.
352. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
353. Чеснокова Л.Д. Морфология // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч.2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. С. 4-248.
354. Чудинов А.П. Практическая риторика. – Екатеринбург: УрГПУ, 1998. – 107 с.
355. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. - Л., 1984.
356. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. – М., 1988.
357. Шведова Н.Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (Наблюдения над языком газеты) // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 3-18.
358. Шевченко Г.В. Эмотивная функция риторического вопроса // Язык и эмоции: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Шаховской В.И.. – Волгоград: ВГПУ, Перемена, 2015. С. 109-115.
359. Шейгал Е.И. О соотношении интенсивности и экспрессивности // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. научн. тр. – Новосибирск: НГУ, 1984. С. 60-65.
360. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. - М., 1970. - 301 с.
361. Ширина Л.С. К вопросу об определении экспрессии в работах Е.М. Галкиной-Федорук // Проблемы экспрессивной стилистики / Под ред. Т.Г. Хазагерова. Вып. 2. - Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. С. 43 - 47.

362. Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филологические науки. 1980. №2. С.53.
363. Ширяев Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996. С. 7-40.
364. Ширяев Е.Н. Что такое культура речи // Мы сохраним тебя, русская речь! – М., 1995. С. 5-23.
365. Ширякова Г.Н. Предложения с однородными обстоятельствами образа действия: Автореф. ... канд. филол. наук. - М., 1974. - 45 с.
366. Шмелев Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964.
367. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.
368. Шувалова С.А. Подчинение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БРЭ, 1997. С. 348-349.
369. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974.
370. Щербаков А.В. Антитеза // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С.46-49.
371. Щербаков А.В. Градация // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 102-103.
372. Щербаков А.В. Градация как стилистическое явление современного русского лите-ратурного языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 229 с.
373. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения в шести томах. Т. 2. – М., 1964.
374. Экспрессивность на разных уровнях языка. - Новосибирск, 1984. 159 с.
375. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 480 с.
376. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова ; Сибирский федеральный университет. – Красноярск : Сибирский федеральный университет (СФУ), 2014. – 882 с.
377. Юнина Е.А., Сагач Г.М. Общая риторика (Современная интерпретация).- Пермь, 1992.
378. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.М. Ярцева, - 2-е изд. - М.: БРЭ, 1998. - 685 с.
379. Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: БРЭ, 2000. – 688 с.
380. Ullmann S. Lanquaqe and style, 1957. – P.133.
381. Riffaterre V. Criteria for Style Analisis // Word. – April 1959. - №1. – V.15.
382. Marouzeau Z.Traete de stulistigie latine, 1946.

Перечень источников речевых иллюстраций

- Аверченко А. Бритва в киселе. – М.: Правда, 1990.
- Айданов Г.И. Неотвратимость. Десять рассказов об одном герое. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 334 с.
- Айтматов Ч. Ранние журавли // Повести, рассказы / Подгот. текста Л. Полосиной. – М.: Худ. литер., 1985. С. 7-58.
- Алешин С. Все остается людям // Советская драматургия. – Л.: Лениздат, 1978. С. 79-143.
- Антология русской поэзии и прозы. XX век. – М.: Изд. дом «Круглый год». – М., 1994. Ч.2.
- Арбузов А. Иркутская история // Советская драматургия. – Л.: Лениздат, 1978. С. 223-291.
- Астафьев В.П. Кража. – М.: Худ. литер., 1990.– 213 с.
- Астафьев В.П. Любочка // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 3-42.
- Астафьев В.П. Последний поклон. – М.: Худ. литер., 1990. – 312 с.
- Астафьев В.П. Сибиряк // Повести, рассказы / Подгот. текста Л. Полосиной. – М.: Худ. литер., 1985. С. 288-299.
- Ахмадулина Б. Избранное: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1988. – 480 с.
- Ахматова А.А. Собрание сочинений в 2-х томах. – М., 1990. – 448 с. Т.1.
- Ахматова А.А. Сочинения в 2-х томах. Т.1. – М., 1990. – 448 с.
- Бек А. Последний час // Повести, рассказы / Подгот. текста Л. Полосиной. – М.: Худ. литер., 1985. С. 303-308.
- Битов А.Г. Жизнь в ветреную погоду: Сборник / Андрей Битов. – Л.: Худ. литер. Ленингр. отд., 1991. – 662 с.
- Битов А.Г. Собрание сочинений: В 3-х томах. Т.1. Повести и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 575 с.
- Бородин Л. Посещение // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 43-59.
- Бродский И. Часть речи: Избр. стихи 1962-1989. – М.: Худ. литер., 1990.– 527 с.
- Бунин И. На извозчике // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 314-324.
- Бушелева Б.В. Поговорим о воспитании. – М., 1988.
- Вампилов А. Старший сын // Советская драматургия. – Л.: Лениздат, 1978. С. 437-509.
- Вартаньян Э.А. Путешествие в слово: Кн. для учащихся старших классов. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1982. – 223 с.
- Войнович В. Нулевое решение // Огонек. 1990. №14. С. 21-23.
- Володин А. Старшая сестра // Советская драматургия. – Л.: Лениздат, 1978. С. 291-333.
- Воронин С. Крыша течет // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 60-67.
- Гранин Д. Иду на грозу. Эта странная жизнь. Однофамилец. Выбор цели. – Л.: Сов. писатель, 1976.
- День поэзии. 1985. – М.: Сов. писатель, 1986. – 237 с.
- День поэзии. 1987. Ленинград: Сборник. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 224 с.
- Дорошевич В.М. Легенды и сказки Востока. – Алма-Ата, 1991.
- Екимов Б. Пастушья звезда // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 68-111.
- Ермаков О. Благополучное возвращение // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 112-126.
- Жуков А. Расстреляй его, Господи! // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 127-133.
- Заходер Б.В. Стихи и сказки. – М.: Дет. лит.; Творческий кооп. АСТ, 1991.–591 с.
- Зощенко М. Полетели // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 344-354.

- Исаковский М. Стихотворения. – М., 1988.
- Искандер Ф. Молния-мужчина, или чегемский пушкинист // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 134-177.
- Кончаловская Н. Круассаны и черный хлеб // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 355-372.
- Краткий лечебный справочник / В.В. Закревский, В.Г. Лифляндский, В.Л. Пайков, С.А. Болдуев, Л.П. Жибура, В.А. Пирятинская. – М.: ТЕРРА, 1996. – 464 с.
- Курбатов В. За шлагбаумами. Послесловие // Окуджава Б.Ш. Путешествие дилетантов. – М.: Известие, 1986. С. 534-554.
- Леонов Л. Золотая карета // Советская драматургия. – Л.: Лениздат, 1978. С. 3-79.
- Мандельштам О. Сочинение в 2-х томах. Т.1. Стихи / Сост., подгот. текста и коммент. П. Нерлера; Вст. ст. С. Аверинцева. Т.2. Проза / Сост. подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. – М., 1990.
- Можаев Б. Мужики и бабы // Роман-газета. №6. 1989.
- Нагибин Ю. Один на один. – М., 1980.
- Немченко Г. Приписной казак Абдуллах // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 210-245.
- Окуджава Б.Ш. Путешествие дилетантов. Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари. – М.: Известия, 1986. – 560 с.
- Окуджава Б.Ш. Свидание с Бонапартом: Роман. – М.: Сов. писатель, 1985. – 288 с.
- Пляцковский М. Карусельные лошадки. Стихи и сказки. – М.: Изд-во Малыш, 1995. – 127 с.
- Пришельцы из Зазеркалья: Факты и размышления о неопознанных летающих объектах / Сост. В.С. Колесник, М.И. Посошкова. – М.: Профиздат, 1991. – 160 с.
- Пуршин Б. Себастиан Брант и Ганс Сакс // Брант С. Король дураков; Сакс Г. Избранное. – М.: Худож. лит., 1989. С. 7-25.
- Распутин В.Г. Пожар // Повести. – М.: Сов. Россия, 1986.
- Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. – 431 с.
- Ремизов А.М. Взвихренная Русь. – М.: Сов. Россия, 1990.
- Роцин Б.А. Чай с антоновкой: Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1990.
- Русская советская поэзия / Сост. и подгот. текста В. Огнева и В. Фогельсон. – М.: Худож. литер., 1980. – 654 с.
- Русская советская поэзия. – М.: Худ. лит., 1980.
- Семенова Н.А. Очистись! От паразитов. – СПб: ДИЛЯ, 2000. – 320 с.
- Солженицын А. Правая кисть // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 262-271.
- Солженицын А.И. В круге первом. – М.: Худ. литер., 1990. – 527 с.
- Солженицын А.И. Раковый корпус. – М.: Худ. литер., 1991. – 464 с.
- Солоухин В.А. Владимирские проселки // Возвращение к началу: Лирическая повесть и роман. – М.: Современник, 1990.
- Солоухин В.А. Зимний день. Рассказы. – М.: Сов. писатель, 1969. – 288 с.
- Солоухин В.А. Мать-мачеха // Возвращение к началу: Лирическая повесть и роман. – М.: Современник, 1990.
- Успенский В. Тайный советник вождя. – М.: Молодая гвардия. 1995. №1.
- Федин К. Города и годы. – М.: Сов. Россия, 1984. – 382 с.
- Худяков И.А. Великорусские сказки. – М.: Наука, 1964.
- Цветаева М. Стихотворения и поэмы. – Волгоград, 1989.
- Шипов Л. Уездный чудотворец // Рассказ-89 / Сост. Н.Суворова. – М.: Современник, 1990. С. 304-313.
- Щеголихин И. Бремя выбора. – М.: Политиздат, 1985.
- Яворская И.А. Тосты, пожелания, поздравления. – Ростов-на-Дону, 1997. – 480 с.

Периодические издания

1. Аргументы и факты на Енисее
2. Аргументы и факты
3. Вовремя
4. Енисейская губерния
5. Известия
6. Комсомольская правда
7. Красноярские профсоюзы
8. Красноярский комсомолец
9. Литературная газета
10. Мегполис
11. Мир за неделю
12. Московский комсомолец
13. Наука и жизнь
14. Неделя
15. Правда
16. Сибирский календарь
17. Советская культура
18. Советская Россия

Научное издание

Веккесер Мария Викторовна
Шмульская Лариса Степановна
Зырянова Ольга Николаевна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПОЛИСИНДЕТОНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Редактор И.А. Вейсиг
Компьютерная верстка авторов

Подписано в печать 30.06.2021 Формат 60 x 84/16

Бумага тип. Печать офсетная

Уч.-изд. л. 10,0 Заказ № _____

Тираж 30 'RP/

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; [http:// bik.sfu-kras.ru](http://bik.sfu-kras.ru)
E-mail publishing_hous@sfu-kras.ru

Отпечатано в типографии МБУ «ЕГИЦ»
г. Енисейск, ул. Ленина, 101; тел.: 8(39195)26065